
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ФИЛОСОФИЯ»

Кирабаев Н.С. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *главный редактор серии*

Марцева А.В. — кандидат философских наук, ассистент кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *ответственный секретарь редколлегии*

Автономова Н.С. — профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания ИФРАН, *член редколлегии*

Аль-Джанаби М.М. — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *член редколлегии*

Гнатик Е.Н. — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *член редколлегии*

Гречко П.К. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *член редколлегии*

Карпенко А.С. — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором логики Института философии РАН, *член редколлегии*

Маслин М.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, *член редколлегии*

Маклин Джордж Ф. — PhD (Theology), профессор, директор Исследовательского совета по философии и ценностям Американского католического университета, *член редколлегии*

Марвин Ф. Заед — профессор, главный редактор журнала «Metabolics» (Канада), *член редколлегии*

Найдыш В.М. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *член редколлегии*

Нижников С.А. — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *член редколлегии*

Павленко А.Н. — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФРАН, *член редколлегии*

Пуллен Жак — PhD (Philosophy), заслуженный профессор департамента философии университета Париж 8, член кафедры философии культуры и учреждений при ЮНЕСКО, *член редколлегии (Франция)*

Пеху Р.В. — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *член редколлегии*

Степанянец М.Т. — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора восточных, *член редколлегии*

Тлостанова М.В. — доктор филологических наук, профессор кафедры философии факультета государственного управления РАНХиГС, *член редколлегии*

Форнет-Бетанкур Рауль — PhD (Philosophy), профессор, президент Общества интеркультурной философии, *член редколлегии (Германия)*

Цвык В.А. — доктор философских наук, профессор, декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, заведующий кафедрой этики, *член редколлегии*

EDITORIAL BOARD

Series Philosophy

Kirabaev N.S. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Department of History of Philosophy, Peoples Friendship University of Russia — *chief editor of the series*

Martseva A.V. — Ph.D. (Philosophy), assistant professor of the Department of History of Philosophy, Peoples Friendship University of Russia — *executive secretary of the series*

Avtonomova N.S. — D.Sc. in Philosophy, full professor and Main Research Fellow of the Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences — *associate editor of the series*

Al-Janabi M.V. — D.Sc. in Philosophy, full professor of the Department of History of Philosophy, Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Gnatik E.N. — D.Sc. in Philosophy, full professor of the Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Grechko P.K. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Department of Social Philosophy, Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Karpenko A.S. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Department of Logic, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences — *associate editor of the series*

Maslin M.A. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University — *associate editor of the series*

McLean George Francis — Ph.D. (Theology), Professor Emeritus at the School of Philosophy of The Catholic University of America (CUA), Washington, D.C., and Director of its Centre for the Study of Culture and Values — *associate editor of the series*

Marvin F. Zaed — chair of DiaHumanism Institute, president of the International Committee to Protect Freethinkers (ICPF) and editor-in-chief of the Journal of Brave Minds (JBM) — *associate editor of the series*

Najdysh V.M. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Nizhnikov S.A. — D.Sc. in Philosophy, full professor of the Department of History of Philosophy Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Pavlenko A.N. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Research Group on the “Ontology of Science”, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences — *associate editor of the series*

Jacques Poulain — Ph.D. (Philosophy), professor of the department UNESCO of Philosophy of the Culture and of the Institutes — *associate editor of the series*

Pshu R.V. — Ph.D. (Philosophy), associate professor of the Department of History of Philosophy, Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Stepanyants M.T. — D.Sc. in Philosophy, Honoured Scholar of the Russian Federation, Chief Research Fellow of the Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences — *associate editor of the series*

Tlostanova M.V. — D.Sc. in Philology, full professor of the Department of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration — *associate editor of the series*

Fornet y Betancourt Raúl — Ph.D. (Philosophy), full professor, Institute of The Catholic Theology, RWTH Aachen University — *associate editor of the series*

Tsyvk V.A. — D.Sc. in Philosophy, full professor and head of the Department of Ethics, Peoples Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ФИЛОСОФИЯ

2016, № 1

Серия издается с 1997 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
Найдыш В.М. Интегративная функция истории науки	9
Ледников Е.Е. Онтология и существование	17
Кузнецов В.Ю. Различение и отождествление как базовые операции конституирования единства мира	27
Стрельник О.Н. Ментальность как проблема философии и науки	35
МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА	
Анисов А.М. Онтология течения времени: абстрактные вычислительные модели	45
Павлов С.А. Онтологический тезис обобщенной Буль \cap Фреге семантики	58
ФИЛОСОФИЯ И НАУКА	
Павленко А.Н. Проблема существования физических объектов. набросок нового «критического реализма»	70
Барышников П.Н. Системы коммуникации животных и «проблема Рубикона» в теориях происхождения языка	81

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Лохов С.А. Проблема символического языка в философской теологии Джона Маккуори	90
Арапова Э.А. О философских основаниях экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера	99
Марджи Н.М. Романтизм и виртуальная реальность	104
Дауталиев К.Н. Мифологические истоки обычного права (на примере реконструкции генезиса правового обычая казахов «жиенкүрык»)	109

МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИЯМ

Гнатик Е.Н. Расшифровка генома человека: успехи, проблемы, перспективы	118
Фёдоров В.А., Благова А.С. Эволюция понятия «ценность»	128

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Матюшова М.П., Симакин А.Г. Рецензия на книгу В.М. Найдыша «Власть тайны. Очерки по философии мифологии». М.: Альфа-М, 2014. 288 с.	141
---	-----

НЕКРОЛОГ	145
-----------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ	147
--------------------------	-----

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2016

© «Вестник Российского университета дружбы народов», 2016

BULLETIN

of Peoples' Friendship University of Russia

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series
PHILOSOPHY

2016, N 1

Series founded in 1997

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Editorial note	7
ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY	
Naidysh V.M. The history of science as an integrator of culture	9
Lednikov E.E. Ontology and existence	17
Kuznetsov V.U. Differentiation and identification as basic operation for constituting of the unity of the world	27
Strelnik O.N. The mentality as a problem of philosophy and science	35
MATHEMATICAL LOGIC	
Anisov A.M. Ontology currents of time: abstract computing models	45
Pavlov S.A. The ontological argument generalized Bull \cap Frege semantics	58
PHILOSOPHY AND SCIENCES	
Pavlenko A.N. The problem of the physical objects existence. Outline of the «new critical realism»	70
Baryshnikov P.N. Animal communication systems and “the Rubicon” in the theories of the origin of language	81

PHILOSOPHY OF CULTURE

Lokhov S.A. The problem of the symbolic language in philosophical theology John Macquarrie	90
Аrapova E.A. On philosophical foundations of L.Binswanger's existential psychoanalysis	99
Mardzhi N.M. Romanticism and virtual reality	104
Dautalieva K.N. The emergence of the mythological birth of rights: the case of reconstruction of the Genesis of the Kazakhs legal custom "zhienkuryk")	109

MATERIALS TO LECTURE

Gnatik E.N. Mapping on the human genome: progress, problems, prospects	118
Fedorov V.A., Blagova A.S. Evolution stages of concept "value"	128

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Matushova M.P., Simakin A.G. Book Review of V.M. Naidysh Power secrets. Essays on the philosophy of mythology. M.: Alpha, 2014. 288 p.	141
--	-----

NECROLOGUE	145
-------------------------	-----

ON OUR AUTHORS	147
-----------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Первый выпуск нашего журнала в 2016 г. посвящен исследованию актуальных проблем в таких областях философского знания, как онтология, теория познания, математическая логика, философские проблемы науки, философия культуры. Все статьи носят теоретический характер, отличаются высоким категориально-понятийным уровнем и объединены общей философской позицией (в настоящее время редко декларируемой) о неразрывной связи онтологии, теории познания и логики. При этом редакция и авторы едины в своей уверенности, что фундаментальные теоретические вопросы так или иначе отражают глубинные закономерные способов жизнедеятельности человека, способов бытия человека в мире, т.е. видов деятельности и характера общения людей. Опыт истории учит, что, не разобравшись в такого рода теоретических вопросах, человечество испытывает серьезные затруднения при определении ориентиров, принципов и путей развития социума, мировой цивилизации, разработке моделей научного и технологического прогресса и др.

В разделе «Онтология и теория познания» рассматриваются особенности интегративных процессов в культуре, их типы. Показано, что прошлые формы познания в виде различных идей, понятий, смыслообразов и др. непосредственно вовлекаются в научное творчество нашего времени. Представлен очерк идей и исследований проблемы ментальности сознания. Особое внимание уделено позициям исторической школы Анналов, современным лингвистическим трактовкам проблемы ментальности. Раскрывается эвристическая плодотворность трактовки ментальности как «подсознания» культуры. Идеи связи онтологии и логики ярко продемонстрированы в статье о том, как логический анализ языка способствует решению проблемы существования, осмыслению категории бытия, и в материале о плодотворности замены (при выработке философской картины мира) единой оппозиции тождества/различия неразрывно взаимосвязанными самостоятельными операциями различения и отождествления.

Наш журнал традиционно большое внимание уделяет вопросам математической логики. Так и в данном выпуске. Здесь читатель может ознакомиться с тем, как с помощью абстрактных вычислительных моделей может быть построена онтология течения времени (с иллюстрациями на материале концепции атомарного времени, возникшей в средневековой арабской философии); а также с семантической теорией (претендующей на роль новой программы построения и онтологического обоснования логики), в которой единственным используемым денотатом является денотат *истина*.

Раздел «Философия и наука» содержит статьи, в которых на материале естественных и гуманитарных наук рассматриваются вопросы всегда очень непростого, противоречивого соотношения эмпирического и теоретического уровней познания. В частности, показано, что в современном физико-космологическом знании «теория» перестает быть простым обобщением «опыта», а это, в свою очередь, требует переосмысления понятия «существование объектов». А в статье, по-

священной философским проблемам когнитивных наук, показано, что в анализе языка как коммуникативной системы до сих пор не сняты принципиальные концептуальные противоречия, полемика между градуалистами и сальтационистами далека от своего завершения.

В особый раздел выделены статьи по философии культуры. Здесь интересный материал посвящен природе виртуальной реальности и ее корнях в истории культуры. В частности, показано, что еще в романтизме был разработан целый арсенал философско-понятийных и художественно-стилистических средств изображения виртуальной реальности. Актуальная отрасль современной философии — философия права. Мы предлагаем читателям интересную статью о мифологических истоках обычного права, опирающуюся на малоизвестный эмпирический материал (на примере реконструкции генезиса правового обычая казахов «жиенкұрык»).

Экзистенциализм хотя уже давно не в «тренде» философских дерзаний, не в моде, но продолжает оказывать влияние на философию культуры. В последние годы усилился интерес читателей к вопросам, которые относятся к проблематике философии религии. Мы не остаемся в стороне от этой «новой волны» и предлагаем читателям статью об особенностях той отрасли современной западной философской теологии, которая базируется на установках экзистенциализма. К ней примыкает статья о философских основаниях одного из направлений психоанализа — т.н. экзистенциального психоанализа.

В пользующемся популярностью среди наших читателей — преподавателей и аспирантов — разделе «Материалы к лекции» представлены две статьи. Первая посвящена пятнадцатилетней годовщине с момента важнейшего события в мире науки начала XXI в. — расшифровке генома человека. В ней речь идет о тенденциях и особенностях современной биологической науки и медицины, о новом уровне понимания биологических проблем, основывающемся на результатах программы «Геном человека», о воздействии биотехнологий на социально-экономическое развитие общества, на философию, мораль, право, религию и другие сферы культуры. Вторая посвящена проблематике теоретической аксиологии. В ней проанализирована эволюция базового понятия аксиологии — понятия ценности; выделены основные исторические типы трактовки содержания этого понятия.

Традиционно сборник завершается разделом «Критика и библиография». В нем представлена рецензия на монографию проф. В.М. Найдыша «Власть тайны» (М., 2014), в которой анализируется сущность и структура тайны как особой формы сознания. Данная книга является продолжением и развитием проблематики философии мифологии, разрабатываемой на кафедре онтологии и теории познания РУДН уже свыше двух десятилетий.

Среди авторов данного выпуска — маститые ученые, известные в стране специалисты, преподаватели вузов Москвы (РУДН, МГУ им. М.В. Ломоносова), научные сотрудники Института философии РАН, докторанты из других городов России (Пятигорский государственный лингвистический университет), а также наша аспирантская молодежь.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

THE HISTORY OF SCIENCE AS AN INTEGRATOR OF CULTURE

V.M. Naidysh

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Science of the past is directly involved in scientific work of our time; and in the form of various ideas, concepts, semantic, etc. this increases the role and importance of the history of science, its integrative function. Key methodological role play here: the concept of formation of knowledge, concept of cognitive functional of consciousness, concept of value functional of consciousness, laws of historical development thinking, the principle of "Ghost culture", etc.

Key words: science, history, culture, object of cognition, subject of cognition, cognitive, value, logical relationship.

The complex dynamics of various processes intrinsic for the modern spiritual culture demonstrates several trends. New semantics, ideas and concepts appear and old ones vanish; value standards replace each other like in a kaleidoscope; old ideals and guidelines die, expressing the change of demands and interests, and new synchronic ("horizontal") and diachronic ("vertical") connections between the spiritual culture elements are established; diverse syntheses and spin-offs appear. The history of spiritual culture is not only the expansion of its elements, enrichment with new elements, components and creative work; it also implies the crystallization of its structure, strengthening its internal consistency, including through the establishment of new diachronic relations between its historical layers. At the same time, the processes of diversification, proliferation and differentiation within the spiritual culture system is inevitably supplemented by integrative and synthesizing trends and processes. Differentiation of any complex dynamic system naturally generates integration processes and development of syntheses of various complexity and typology. The processes of differentiation and integration essentially stimulate each other, they are not possible without each other (1).

The analysis shows that there are common core patterns characterizing the integrative processes within the spiritual culture system.

First, in the course of the integration, the boundaries between cognitive and value functions of the consciousness are blurred. Cognitive activity is increasingly directed not so much by the internal logic of the development of a particular type of objects, but more so by the ones determined by the demands of the society, the dominant system of values.

Secondly, the result of integration is the complexity of relationships on the bases (substantial cooperation guiding the genesis, development and deployment of this form of culture), which are represented by the bipolar connection “motive — goal”. In this case, the motive pole is generated by the content of the links including this form of culture in the functions of the social integer, it serves as an essential and subordinate component; and the goal pole sets goals based on the internal structuring of this form of culture.

Thirdly, with the development of modern civilization (post-industrial, information-driven society, the postmodern era and so forth.), the connection between the motives and goals have become more mediated, multilink. Their interaction is increasingly demonstrating irregular, random circumstances stimulating creativity of the deviant culture lines. Therefore, the integrative processes run in two ways: through the main and deviant lines of development in the culture system. Cultural mainlines are its directions naturally growing out of the bases of a culture form; they rely on the base of this form of spiritual culture, its historical layers, feed on them, generate stable structural connections and relationships with such layers. That is what ensures the existence of high requirements for professionalism and creative criteria in these areas of culture; it determines its elitism, rationality, etc.

Deviant lines do not grow naturally out of the bases of culture, they are generated through the interaction of secondary, incidental, fluctuating, random factors. Deviant culture lines (in art — various forms of pop art; in science — various forms of quasi-scientific mythology, pseudoscientific theories etc.; in religion — various nontraditional sects; etc.) are characterized by the lack of deep historical roots, loss of connection with the cultural and creative bases etc. This entails lower criteria of professionalism, the domination of momentary, utilitarian values, populism, etc. The growing role of deviant lines in the culture system has developed with the growth of the personal focus principle in the modern forms of human activity. “Personal gap” in the functioning of the cultural bases generates, on one hand, the potential infinity of the “universe of human spirituality”, and on the other hand, the incompatibility of the irreducibility of the subjectively valuable and the objectively-conditioned, the casual and the regular in the culture system (2).

Fourth. An important regularity has been clearly manifesting itself in the dynamics of contemporary culture: every new important step of cultural creation is accomplished by mastering both the latest achievements of culture and the deep historical culture strata through a large-scale synthesis of the culture history and modernity. The history of culture is being involved in a larger scale of cultural creativity of our time, it becomes its very precondition. Deep culture strata do not remain in the past, they enrich the current state of culture and its development in the form of ideas, semantics, processes and trends.

We increasingly feel that history does not remain in the past; the distant past seems to be living with us and in us; it is present and together with the present it determines the future.

Thus, the integrative culture processes also develop in two planes: synchronically (“horizontal plane”) and diachronically (“vertical plane”). Synchronic integration is a close interaction of culture forms in a given historical period, mutual enrichment, sharing images, meanings, ideas, etc. between different and even seemingly distant culture areas (for example, between art and science, natural and social science etc.). Usually, when speaking of the culture integration, we have in mind such “vertical” integration, generated by identifying deeper aspects, connections, regularities in the structural organization of the world in the process of spiritual cognition. However the integrative develops in culture not only by the object but also the subject of creativity, its activity growth, which alloys the cognitive and value components, the objectively predetermined knowledge and subjectively expressed values. All this is the “vertical” integration of historical culture.

This raises an important issue of objectivity of such historical (“vertical”) integration. This problem stems from the fact that all types of historical consciousness, including the modern consciousness, ineradicably contain all ancient strata, including its primitive base. Surely, the accumulation of historical types of consciousness substantially modified, transformed this basis, but it did not, in any way, dissolve or eliminate them. Under certain conditions, the archaic forms of consciousness can be revived (in versions). This occurs when the understanding and a sense of cultural and historical distance between the past and the present is lost.

An example of this is the quasi-scientific myth-making, where the scientific and the mythical and poetical, the logical and conclusive and the mythological, the rational theoretical and the irrational and mystical coexist and, moreover, in some ways even complement each other. The ideas and concepts used by the modern scientific view of the world and the mythopoetical images (borrowed from the arsenal of ancient folk beliefs, pagan cultural strata, preserved in the depths of the mass consciousness until today), religious ideas, stereotypes of ordinary consciousness peacefully coexist in the quasi-scientific mythology [6]. Another example is the quasi-scientific work on the basis of the construction of the “new history” (Fomenko, Kalashnikov, Nosovsky et al.), which will replace the currently existing (Scaliger’s) chronological timeline of historical events, dating back to the 17th century, and which, according to the supporters of the “new chronology”, has led to a lengthening of human history by thousands of years (3). One can cite other examples of inadequate “vertical” integration of cultural forms.

In our modern society, full of acute contradictions and crises and therefore particularly vulnerable and striving for stability, balance and sobriety, the non-doubtful deficiency of calm, rational analysis of the history of culture, the need for the development of an adequate attitude to the historic events is practically in the air. Theoretical and methodological basis here is the principle of historicism allowing to develop objective models and evaluation of the specific historical distance between the modernity and the various stages of the evolution of cultural forms. The history of science plays an important role here.

The history of science is an interdisciplinary branch of cognitive activity. It studies cognitive, socio-cultural, ideological, psychological, institutional and other factors of the development of scientific knowledge. This allows to better understand the most complex nature of cognitive activity, the diversity of its conditions and factors and to better represent the dynamics of the historical process as a whole. The history of science accumulates and summarizes the experience of the historical progress of science, helping to develop new ideas about the ways and principles of further development, methods of organization, its functions in the society, etc.

The history of science is a most important channel, contributing, first, to the integration of science into a coherent system of understanding the world, and secondly, to the integration of the cultural system, including the establishment of the internal unity of the natural science and humanitarian knowledge, to the strengthening of cooperation between science and culture, science and public relations, spiritual and material culture. The general subject of the history of science includes the patterns, the logic of historical development of scientific and cognitive activity. The science subject covers numerous links and relations of the scientific knowledge of the world: cognitive, social, cultural, economic, political, psychological etc. (4).

The historicism of science is included in the general context of historicism of the spiritual culture as a whole. The past of science is directly involved in the scientific work of our time; as a variety of ideas, concepts, semantic, etc., it enriches its current state. We increasingly feel that the history of science did not remain in the past, it lives in the present and largely determines the future of science. This signifies the role and importance of the history of science, its integrative function. The history of science helps implement the diachronic (“vertical”) integration of science and its inclusion in the historicity of culture as a whole. The history of science and history of culture precondition each other. The historical and scientific research deepen the understanding of the content and structure of both science and spiritual culture in general.

The integrative function of the history of science is realized through restoring the ties existing between the various branches of science and cognitive methods in the previous historical periods; the logic of science development from early to later states; structure of the quality (including revolutionary) transitions in the history of science. Here, the key methodological means include the concept of knowledge formation, the concept of the fundamental attitude of consciousness (cognitive and value), the concept of historical development of thinking, the principle of “the spirit of the culture” etc.

As science is represented as a particular historical form of knowledge, and the history of knowledge is reconstructed as the history of the origin, development and replacement of a holistic type of cognitive activity (formation of knowledge) by another, better organized (other formation), which “removes” the previous one, transforms it and turns into its subordinate. The history of knowledge distinguishes three formations: subject-effective, and figurative-mythological and rational-conceptual, in which the conditions for the emergence of certain specific areas of science appeared. Such key conditions include: active and practical development of a certain type of objects (largely determined by the degree of the development of practical and technological capacity

of the subject); the existence of material (substantive means of interaction between the subject and the object; intermediary objects performing symbolic functions, etc.) and ideal (i.e., knowledge, skills, operational procedures and so forth.) means the cognition of objects of this type; the existence of appropriate value (need-motivational and regulatory) prerequisites of knowledge objects of this type; nature of the organization (institutionalization) of the collective knowledge subject (5).

An important part of the diachronic integration is the principle of cognitive historicism developing through the interaction of cognitive and value consciousness functionalities. Thinking is a two-stage (operand-operational) cognitive process of the abstract-conceptual reflection of reality, growing out of the mythological, sensual and significant generalizations of the world. Thinking does not simply reflect the properties of objects — this problem is solved by the perceptual image — it identifies relationships and their links. To shift from summarizing images to the abstract-conceptual (i.e. to go beyond the immediate boundaries of experience), it is essential to develop methods for the operational impact on an image which can only be derived from the very image, its image tissue. This is possible with the use of the language, its symbolism, defining a separate image, and a separate operation, which expresses the relationship of images, or with a single word. An idea is formed with the procedural impact on the images through operations derived from the very same imagery and fixed by language signs. These operations allow to isolate the objective relations originally fused in the images, and to express them in logical and grammatical forms. Thus, the cognitive process assumes the form of a two-step system implemented through the constant interaction of the elements (images, abstractions, operands, operations etc.), both within each stage and the inter-stage interaction, between the primary and secondary images on the one hand, and abstractions and signs — on the other. Historically, thinking develops in a direction, on one hand, highlighting deeper objective relationships, and on the other hand, with account for subjective constraints imposed on the cognitive process, and introduction of corrections for them in the course of cognition.

An important role in the diachronic integration is assigned to the concept of “the spirit of culture”, the “deep principle” connecting science and culture. After all, science is a part of an integrated system of spiritual culture, based on certain civilizational grounds. Science is connected to the system of spiritual culture with a variety of relations which have a significant impact on both the structure and the content of scientific knowledge. “The spirit of culture” largely determines the type of cognitive activity and can be (to some extent) clarified in the course of epistemological analysis (6).

These considerations help clarify a number of fundamental problems of the history of culture and science. The historical, epistemological and scientific analysis of quasi-scientific myth shows that its cultural and creative bases are not dominated by the focus on the disclosure of the objective laws of reality. Moreover, the quasi-scientific creativity is fundamentally alien to the cognitive, subject-object view of the world. Here the spiritual exploration of the world is determined by the value factors operating in the system of subject-subject relations, interpersonal communication, in the configurations of everyday human interaction. In other words, quasi-scientific myth-making is not

a kind of cognitive (even extra-(pre-) scientific) activities. In fact, it is a modern kind of folklore, its distant historical folklore protoform being a genre of oral folk prose tales like short fables [6].

The folklore consciousness seems to have remained in the contemporary forms of culture, and plays a leading role in their generation and innovation. It is able to catalyze the integration processes in the spiritual culture system, open new ways, establish new connections between various forms of consciousness, and thereby contribute to the emergence of new forms of culture, including such “strange” ones as quasi-scientific mythological centaurs. This ability is apparently due to the fact that the folk consciousness is improvisational in its nature, the cognitive and the value are merged in it, or in the process of primary synthesis, incomplete, which can not be related to the interpretive activity of the mind. We can assume that in future forms of culture, the ability of the folk consciousness to catalyze the integration processes in the system of spiritual culture will manifest itself yet again, and we may be faced with an even more unexpected, more “strange” spiritual phenomena than quasi-scientific myth-making.

The historical and scientific problems requiring consistent application of the cultural and historical distance principle include an issue actively discussed at the present time: Newton’s attitude to alchemy. According to the archives, for over 30 years (from 1660 to 1692) Newton dedicated most of his time to alchemy so that, apparently, he got poisoned by mercury vapors and became seriously ill. There are various explanations of Newton's alchemy hobby. Some are inclined to see this as proof that Newton actually was “not the first scientist but the last magician” seeking to understand the “secret knowledge” [2], while others see his focus on mastering the techniques of the experimental method [3]. Many authors see Newton's passion for alchemy as a banal attempt to get rich, that is, “to eat from silver plates and to ride in a carriage”. It is difficult to clearly understand Newton’s motivation for his “alchemical” activities; the motives here may be combined into a “game”.

It is important to remember the cultural and historical distance, the fact that for the history of chemistry, late 17th century was a transitional period. That was both a time of the decline of the alchemical tradition, and the time of the scientific chemistry rising. The fundamental difference between them is that scientific chemistry tends to “penetrate the structure of matter”, and an alchemist is focused on the “suffering”, “death” and “marriage” of substances, leading to the transmutation of the matter (philosopher’s stone) and the human life (elixir Vitae — “elixir of life”) [8]. Therefore, Newton’s “alchemical” experiments were probably not alchemy but already chemistry. While performing his experiments, Newton acted not so much as an alchemist, but as a representative of scientific chemistry. He focused on the experimental study of the chemicals “attraction” to each other, so as to use the obtained data to understand the nature of gravity, the gravitational attraction of body masses to each other. It is obvious that he could perform such studies only with whatever was available at the time (in fact, alchemical, as no alternative existed). At the same time, the remnants of alchemical ideas led to the fact that many “occult properties” were included in his interpretations of the nature of gravity, which he had assigned ontological status [1]. In view of this interpretation, Newton’s

legendary motto “I do not invent hypotheses!” voiced in his answer to the question about the nature of gravity, gives a new and unexpected ring to the quote.

Thus, the history of science is not only a most important form of culture of historicism; it is also an important part of the modern culture. Enriched with the historical and cultural experience, it stimulates the development of a rationalist attitude to the world, nature, society, the present and future of humankind, thereby forming an adequate cultural and historical gap between the modernity and landmarks of the cultural history.

NOTES

- (1) This relatively trivial philosophical truth has still not been mastered by many ideologists of globalization, asserting the possibility of global integration without parallel differentiating processes in a society (for economic, social, ethnic, cultural etc. grounds).
- (2) Therefore, multiple syntheses in the culture system are mediated by ordinary consciousness and its associated folklore.
- (3) The supporters of the “new chronology” list Isaac Newton among their predecessors, tearing his writings on the subject out of the historical context. The motivation of Newton’s works on history was purely religious in nature: achieving coordination of the two periods of world history, that is, the Old Testament history (before Christ): sacred, filled with miracles and prophecies, and the civil history (after Christ’s death and Resurrection) [4].
- (4) An important feature of the history of science as a discipline is its being very historical. After all, the system of scientific cognition of the world is constantly changing, and sometimes quite radically. Structural changes in the history of science: on the one hand, it diversifies, it differentiates certain research areas (actual science theory, sociology of science, economics of science, psychology of scientific creativity, etc.); on the other hand, it enhanced its integrating tendencies, it increasingly appears as a single, integrated discipline, constituted and justified by the general principles of the “philosophy of science”, epistemology, philosophy of history, cultural history and cultural studies.
- (5) In particular, the analysis showed that the formation of proto-science in the civilizations of the Ancient East and the Ancient Greek science was a natural stage in the development of the rational and conceptual way of thinking, which remained unfinished, interrupted. The features of the socio-cultural environment did not allow the rational and conceptual way of thinking to establish itself on its base or to subjugate its background. The dynamics of consciousness were then dominated not by the cognitive but by the value functionalities. This led to the decline of the ancient science [5].
- (6) This principle is being widely discussed. Empirically oriented researchers focused on the meticulous study of primary sources, concentrating only on the accurate synthesis of sources, often deny the need to take into account the socio-cultural factors in the development of science. For example, a prominent expert on the ancient science, O. Neugebauer wrote: “What is usually called the “Greek” mathematics consists of excerpts of works of about 10 or 20 people, spread over a period of 600 years. I believe it dangerous generalization to try to abstract some common type out of this material, and then establish a mysterious deep principle which allegedly binds mathematical documents with some other works of art” [7. C. 186].

BIBLIOGRAFY

- [1] Dobbs B.J.T. *The Foundation of Newton’s Alchemy*. Cambridge, 1975; Westfall R.S. *Force in Newton’s Physics*. L. — N.Y., 1971.
- [2] Keynes, J.M. *Newton, The Man // Proceedings of the Royal Society Newton Tercentenary Celebrations, 15—19 July 1946*. Cambridge University Press, 1947.

- [3] Newman, William R. Newton's Early Optical Theory and its Debt to Chymistry. Preprint // Jacquart, Danielle and Hochmann, Michel, ed. *Lumière et vision dans les sciences et dans les arts, de l'Antiquité du XVIIe siècle*.
- [4] Найдыш В.М. Хронология и астрономия: Ньютон как историк // *Наука и квазинаука*. М., 2008.
- [5] Найдыш В.М. Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М., 2012.
- [6] Найдыш В.М. Природа и структура квазинаучной мифологии // *Наука и квазинаука*. М., 2008.
- [7] Нейгебауер О. Точные науки в древности. М., 2003.
- [8] Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИИ НАУКИ

В.М. Найдыш

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Прошлое науки непосредственно вовлекается в научное творчество нашего времени; и в виде различных идей, понятий, смыслообразов и др. Все это актуализирует роль и значение истории науки, ее интегративную функцию. Ключевую методологическую роль здесь играют: концепция формаций познания, понятия когнитивного и ценностного функционалов сознания, закономерности исторического развития мышления, принцип «духа культуры» и др.

Ключевые слова: наука, история, культура, объект познания, субъект познания, когнитивное, ценностное, логическая связь.

REFERENCES

- [1] Dobbs B.J.T. *The Foundation of Newton's Alchemy*. Cambridge, 1975; Westfall R.S. *Force in Newton's Physics*. L. — N.Y., 1971.
- [2] Keynes, J.M. *Newton, The Man*. Proceedings of the Royal Society Newton Tercentenary Celebrations, 15—19 July 1946. Cambridge University Press, 1947.
- [3] Newman, William R. *Newton's Early Optical Theory and its Debt to Chymistry*. Preprint. Jacquart, Danielle and Hochmann, Michel, ed. *Lumière et vision dans les sciences et dans les arts, de l'Antiquité du XVIIe siècle*.
- [4] Naidysh V.M. *Hronologiya i astronomiya: N'yuton kak istorik*. Nauka i kvazinauka. M., 2008.
- [5] Naidysh V.M. *Nauka drevnejshih civilizacij. Filosofskij analiz*. M., 2012.
- [6] Naidysh V.M. *Priroda i struktura kvazinauchnoj mifologii*. Nauka i kvazinauka. M., 2008.
- [7] Neugebauer O. *Tochnye nauki v drevnosti*. M., 2003.
- [8] Eliade M. *Aziatskaja alhimija*. M., 1998.

ОНТОЛОГИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЕ

Е.Е. Ледников

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье показано, как логико-философский анализ языка способствует решению онтологических проблем философии и науки.

Ключевые слова: онтология, логика, язык, существование, дескрипция, модальность.

С глубокой древности человека интересовало, что представляет собой Мир, в котором он живет. Как он устроен, что в нем реально существует, а что является всего лишь вымыслом? На подобные вопросы пытались отвечать уже философы античности, увлеченные поисками «первоначала» всего существующего. Учение о четырех стихиях (элементах), атомистика Левкиппа—Демокрита, эфир, заполняющий пространство в «Физике» Аристотеля — все это результаты таких поисков. К ним добавились представления о Космосе как «надлунном» мире с вечными круговыми орбитами и «подлунном» мире с его изменчивостью.

Приведенная картина рождалась в головах философов, почти не обремененных какими-либо специальными знаниями — ведь такие знания были крайне скудны. Подобное учение о бытии (получившее намного позже, в 17 веке, название «онтологии» у Х. Вольфа) с большой натяжкой можно назвать ответом на вопрос, поставленный в древности. В самых известных онтологических доктринах Г. Гегеля, Н. Гартмана, Ф. Брэдли и других легко обнаружить мысль о том, что философ в состоянии судить о бытии, руководствуясь исключительно собственными умозрительными соображениями.

Но в наше время рассуждения об устройстве мира, исходящие из абстрактных философских принципов, выглядят достаточно курьезно. Неужели подобных «онтологов» не настораживает ситуация, в которую еще в начале 19 столетия угодил Гегель, выводя из своих спекулятивных философских положений заключение о том, что число планет Солнечной системы должно быть равно в точности семи? О каком «бытии» сможет говорить философ, если он не будет ссылаться на достижения физики, космологии, биологии и других специальных наук? Разве картина бытия, нарисованная подобным образом, хоть в малой степени будет приближена к реальности? Поэтому онтологическая проблематика, если она претендует на право называться научной — это не поиски «сущего и не сущего», «субстанции и ее „акциденций“», а проблематика того, как вычленив информацию о строении и свойствах окружающего мира из содержания современных научных теорий.

Значительный вклад в превращение онтологических фантазий в строгий философский дискурс внесла в XX в. аналитическая философия, которая сделала упор на изучение языка как средства выражения философских мыслей, в частности языка науки. В соответствии с требованиями аналитической философии,

коль скоро мы желаем рассуждать о бытии чего-либо, надо прежде всего внимательно посмотреть на утверждения существования, которыми мы пользуемся в таких рассуждениях, на их логическую структуру.

Обратимся для примера к средневековой схоластической философии. В популярных книгах по философии довольно часто упоминается «онтологический аргумент» А. Кентерберийского, но редко раскрывается его суть. Этот философ для рационального обоснования существования Бога придумал оригинальный способ рассуждения. По его мнению, коль скоро в христианстве Бог мыслится как Верховное Существо, носитель всех мыслимых достоинств, то он обязательно должен обладать достоинством существования. В противном случае нашлось бы другое существо, которое обладало бы всеми достоинствами первого, но превосходило его в отношении существования.

Разумеется, непредвзятого читателя подобная аргументация вряд ли убедит в существовании Бога, если до прочтения текста А. Кентерберийского он веры в существование христианского Бога не придерживался. Но ошибку в ней искали более 6 столетий, главным образом указывая на то, что из сущности (мысленной характеристики предмета) не следует существование. Пока И. Кант не пришел к выводу, что существование вообще не может быть предикатом, приписываемым субъекту суждения, любому субъекту, в том числе Богу [1. С. 358—364].

Мысль И. Канта сводилась к тому, что нельзя *просто* существовать, существовать можно только в виде чего-то *определенного* — большого, малого, круглого, квадратного, теплого, холодного и т.п. Так что, говоря о каком-либо предмете, что он существует, мы якобы ничего не добавляем к его характеристике.

Правда, к столь интересному выводу И. Канта привело не совсем корректное рассуждение. Он настаивал на том, что сотня реальных талеров и сотня воображаемых талеров обладают одними и теми же свойствами, что, добавив предикат существования к мыслимым талерам, мы фактически ничем новым их не наделяем. В противном случае мы не обладали бы способностью адекватно воспроизводить в нашем сознании реальные предметы.

Но ведь на практике мы легко отличаем реальные сто талеров от воображаемых именно потому, что реальные обладают некоторыми свойствами, которые у воображаемых отсутствуют! С этим И. Кант был согласен, но только различие он усматривал не в предикате существования, а в иных, дескриптивных предикатах. Скажем, реальные сто талеров могут иметь изношенный, мятый, запачканный грязью вид, что не присуще воображаемым талерам.

С аргументацией И. Канта кто-то согласится, а кого-то она не удовлетворит. И лишь современный логический анализ языка позволяет достичь в обсуждаемом вопросе полной ясности. Из практики построения искусственных языков стало понятно, что правильным способом введения знака существования в синтаксическую форму высказывания является введение его не как предиката, а как оператора — квантора существования, который приписывается не субъектам высказывания, а самим дескриптивным предикатам. Т.е. конструкция «**а** — существует», где «**а**» — предмет мысли, субъект высказывания, а «существует» — его предикат, является синтаксически неправильной. Правильной для высказывания о существовании будет являться конструкция «**а** — существует в виде того-то...», где на месте

«того-то» находится один (или несколько) дескриптивных предикатов. Далее, при построении формализованных языков в их алфавит вводятся предикаты либо списком, либо с помощью определений. Скажем, предикат тождества вводится неявным определением с помощью аксиом рефлексивности ($a = a$), симметричности (если $a = b$, то $b = a$) и транзитивности (если $a = b$ и $b = c$, то $a = c$). Но ввести в алфавит языка предикат существования подобным путем не удастся. Очевидно, что такой предикат не может быть дескриптивным, а любое определение, соответствующее интуитивным представлениям о существовании, приводит к устранению предиката существования из алфавита как избыточного, выражение с подобным предикатом оказывается эквивалентным выражению, его не содержащему.

Вернемся теперь к высказываниям о существовании. Наличие в естественном языке так называемых пустых имен (например, «Пегас», «Единорог» — вымышленные мифологические существа) и групповых псевдонимов (например, «Николя Бурбаки» — за этим псевдонимом в середине прошлого века скрывалась группа выдающихся французских математиков) не позволяет причислить категорию имен к надежным языковым средствам, указывающим на существующие предметы. Решить методами логического анализа, какое имя подлинное, а какое фиктивное, не представляется возможным, поскольку это вопросы фактических обстоятельств, лежащих за пределами языка. Поэтому внимание в логико-философском анализе было перенесено на специфику функционирования в языке описательных выражений, так называемых индивидуальных дескрипций.

Первая исторически и философски значимая теория индивидуальных дескрипций изложена в работе Б. Рассела и А. Уайтхеда [8. С. 173—186].

Рассел предпринял попытку объяснить, каким образом в языке функционируют эти похожие на имена выражения, которые в действительности таковыми не являющиеся. Рассел установил, что почти все имена естественного языка, кроме личных и указательных местоимений, являются скрытыми дескрипциями, поскольку они подразумевают характеристику с помощью ряда свойств тех предметов, на которые им, будь они подлинными именами, полагалось бы всего лишь указывать. В частности, использование в философии имени «Сократ» обычно подразумевает, что речь идет о философе, учителе Платона.

Для Б. Рассела индивидуальные дескрипции являются «неполными символами», которые значимы только в контексте других символов, а именно в контексте содержащих их предложений. Они играют роль «подлинных» логически собственных имен лишь тогда, когда имеет место существование и единственность их дескриптов. Если же условие существования и единственности дескрипта не соблюдается, то такие высказывания с индивидуальной дескрипцией на субъектном месте в высказывании являются ложными. Так, для Рассела оба высказывания «Нынешний король Франции лыс» и «Нынешний король Франции не лыс» являются ложными, хотя каждое из них является отрицанием другого. Чтобы такое понимание высказываний с невыполненным для дескрипций условием существования и единственности не приводило к нарушению закона исключенного третьего, Рассел предложил соответствующее их прочтение, сохраняющее справедливость данного закона [7. С. 39—56].

Еще одной важной особенностью языка является часто встречающееся не буквальное, а, скажем так, иносказательное понимание его выражений. Например, посылая кого-то в процессе ссоры к дьяволу, мы отнюдь не обязательно исходим из существования последнего. Рассуждая об абстрактных объектах, мы вовсе не обязаны каждый раз предполагать их существование наряду с привычными объектами физического мира. Отсюда интерес к номиналистическим интерпретациям языка логики и математики в середине прошлого века [3]. Ведь еще представители схоластического номинализма XII—XIV вв. возражали против надления статусом реальности так называемых универсалий.

После Б. Рассела важный шаг в логической перестройке языка науки сделал У. Куайн. Он предложил отказаться в языке от категории собственных имен, поскольку их полная элиминация никак не влияет в негативном смысле на выразительные возможности языка. Она производится в два этапа. Сначала имена замещаются индивидуальными дескрипциями. Затем последние контекстуально элиминируются с помощью выражений, содержащих квантифицируемые переменные. В результате последние остаются в языке теории единственным средством указания на существующие объекты [6. С. 218—224]. Описанная процедура позволяет понять изречение У. Куайна: «существовать — значит быть значением квантифицируемой переменной».

Мы получаем, таким образом, надежный и плодотворный логический аппарат установления онтологического содержания научных теорий. Но не порываем ли мы полностью в результате логико-философского анализа языка с традиционным, установившимся понятием онтологии? Продолжаем ли по-прежнему исследовать особенности «бытия» или теперь наше исследование будет направлено, помимо нашего желания, на что-то другое?

Прежде чем продолжить разговор о достижениях аналитической философии в области научной постановки вопросов об онтологии, следует оценить попытку вообще вычеркнуть подобные вопросы из сферы философии, предпринятые в неопозитивизме. Виднейшим представителем логического позитивизма Р. Карнапом была выдвинута оригинальная логико-философская концепция, изложенная в статье «Эмпиризм, семантика и онтология» [2. С. 298—320]. Она получила название концепции «языковых каркасов». Пионером в ее обсуждении выступил В.А. Смирнов [5. С. 364—378]. Точку зрения В.А. Смирнова попытался поставить под сомнение автор данной статьи [3. С. 59—60]. Однако сейчас, по прошествии более чем 50 лет, хотелось бы еще раз вернуться к той давней дискуссии и внести в некоторые коррективы.

Напомним суть концепции Р. Карнапа. Он разделил вопросы существования на два вида. Первый — вопросы о существовании определенных объектов определенного вида в рамках принятого исследователем языкового каркаса. Эти вопросы тесно связаны с уже упомянутым критерием У. Куайна и названы Р. Карнапом *внутренними*. Второй — вопросы о существовании или реальности системы объектов в целом или, что для Р. Карнапа одно и то же, самого языкового каркаса. Эти вопросы Р. Карнап назвал *внешними*.

По мнению Р. Карнапа, ответ на вопросы первого вида может быть получен в форме «да — нет» либо логическими либо эмпирическими методами, в зависимости от того, является языковой каркас логическим или фактическим. Ответить на вопрос второго вида, как полагал Р. Карнап, означало бы объяснить, почему исследователем принят данный языковой каркас, а не другой. Ответ должен содержать указания на плодотворность, целесообразность использования данного языкового каркаса. В отличие от первого вопроса, теоретического по своей сути, второй является сугубо прагматическим вопросом о предпочтительности выбранного каркаса в сравнении с другими и является вопросом «о степени» целесообразности принятого решения.

Предположим, что исследователь выбрал для своей работы каркас вещного языка. Это решение означало бы принятие в качестве существующего «мира вещей», то есть мира упорядоченных в пространстве и во времени объектов, доступных физическому наблюдению. В этом случае вопросы, какие именно вещи существуют в мире вещей (существуют ли единороги? черные лебеди?), оказываются внутренними вопросами вещного языка, ответ на которые получают в процессе эмпирических исследований. В частности, черные лебеди оказываются существующими, а единороги — нет.

Аналогично, если выбран каркас языка натуральных чисел, то в качестве существующего принят мир объектов, каждый из которых является натуральным числом. Но какие именно числа и с какими свойствами существуют в этом мире — внутренний вопрос. Скажем, существует ли простое число больше ста, это устанавливается методами логико-математического анализа (ответ положительный). А на вопрос о том, существует ли в числовом интервале от 43 до 48 число, делящееся на семь, тем же путем получают отрицательный ответ.

В полном соответствии с традициями логического позитивизма Р. Карнап отвергал вопросы о реальности (или нереальности) тех или иных объектов как вопросы, лишенные познавательного содержания [2. С. 311—312]. У него выходило так, что для подобных вопросов просто невозможно подобрать подходящую логическую форму. С другой стороны, по мнению Р. Карнапа, внутренние вопросы ни в коей мере нельзя ассоциировать с традиционной онтологической проблематикой. Тем самым для онтологических вопросов в неопозитивизме не находилось места, поскольку вроде бы сама логика требовала изгнания их из философии.

В.А. Смирнов обнаружил достоинства в концепции Р. Карнапа. Они, по его мнению, заключались в признании коррелятивности принятия языка и допущения соответствующих типов объектов, а также в различении внутренних и внешних вопросов существования. Но одновременно главный недостаток этой концепции он видел в том, Р. Карнап внешние вопросы существования объявил непознавательными. В.А. Смирнов был уверен, что коль скоро принятие того или иного языкового каркаса хотя и несет в себе элемент выбора, в конечном счете определяется практическими соображениями, то последнее обстоятельство превращает внешние вопросы в познавательные.

В замечаниях на статью В.А. Смирнова нами, думается, справедливо указывалось, что для утверждения реального существования, вопреки мнению В.А. Смирнова, не требуется особый предикат [3. С. 60]. Дело в том, что В.А. Смирнов

придерживался точки зрения, согласно которой во внутренних вопросах существования спрашивается о предметах мысли, а не о реальном существовании. Но ведь решение о признании или непризнании предметов мысли образами внешнего мира никак не связано с логической формой вопросов, оно целиком определяется философскими установками того, кто дает ответы на подобные вопросы. Любые вопросы существования легко превратить во внутренние вопросы, идет ли речь о существовании некоторых элементов класса объектов (как в случае единорогов и черных лебедей в мире вещей) или же о существовании класса объектов («мира» вещей, «мира» натуральных чисел и т.п.). Да и ответы на вопросы как первого, так и второго рода можно получить только в рамках избранной языковой системы. В частности, вопрос «существуют ли натуральные числа?» может быть поставлен в рамках каркаса действительных чисел, и в этом случае он будет таким же «внутренним» вопросом, как и вопрос о существовании черных лебедей. Принципиальное для Р. Карнапа различие между «внутренними» и «внешними» вопросами существования на деле оказывается зависящим от случайного факта выбора языка философом, интересующимся онтологическими проблемами.

С другой стороны, более чем сомнительным выглядит отождествление вопросов о существовании классов объектов с вопросами о принятии того или иного языкового каркаса в качестве инструмента исследования. Когда исследователь выбирает тот или иной язык для решения какой-либо задачи, его в первую очередь беспокоит его эффективность, и именно по этому критерию он старается выбирать наиболее подходящий ему язык. Но при этом исследователь менее всего бывает озабочен онтологией языка, тем, какие системы объектов он обязан принять в качестве существующих. Упомянем поучительный эпизод из истории создания модальной логики.

В 1918 г. К. Льюис [5] предложил модальное исчисление высказываний со строгой импликацией. В тот момент его беспокоило только одно — как избежать «парадоксов» материальной импликации, и совсем не интересовали онтологические (семантические) проблемы построенной им логики. По-настоящему подобными вопросами заинтересовались в середине 40-х гг. прошлого века сначала Р. Карнап и У. Куайн, а с начала 60-х гг. С. Крипке, Я. Хинтикка и другие. Этот пример не единственный. Так что вопрос о принятии систем объектов, как-то ассоциируемых с принятым языком, нередко задается в науке значительно позже принятия языка, что позволяет считать его отдельным вопросом.

Таким образом, осуществляя логическую реконструкцию языка научных знаний, мы не обязаны придерживаться неопозитивистских установок. Вместо этого следует детальнее выяснить, что представляют собой «внутренние» вопросы существования и какие они предполагают ответы? Мы обратили внимание на то, что в философских рассуждениях о существовании фактически всегда речь идет об *известном* существовании, поскольку экзистенциальную информацию можно извлечь только из наличных знаний [4]. Чтобы расширить класс истинных экзистенциальных высказываний, следует отказаться от наивного представления о реальности.

История философии сохранила нам два, можно сказать, радикальных понимания существования. Одно — «существование независимо от нашего сознания». Другое — «существование в качестве воспринимаемого». Ни с одним из них нельзя безоговорочно согласиться. Второе, отождествляющее существующее с тем, что воспринимается, некорректно уже потому, что, с одной стороны, существуют невоспринимаемые (в силу ограниченности наших органов чувств) предметы и явления, а с другой — не все воспринимаемое (в частности, видимое движение Солнца вокруг Земли) существует. Но и первое понимание, если вдуматься, вызывает вопросы. Как можно охарактеризовать в языке, являющемся продуктом сознания, существование чего-либо, никак не связанного с сознанием? Коль скоро существование не является предикатом, то в виде чего существует подобное *ничто*? Очевидно, только в виде носителя определенной совокупности дескриптивных предикатов языка.

Но последнее обстоятельство делает утверждения о существовании подобных предметов зависимым от нашего *знания* того, какими дескриптивными характеристиками наделен соответствующий предмет, и от словарного запаса языка. Скажем, в языке механики И. Ньютона нельзя ничего сказать о существовании электромагнитного поля, а как в таком случае И. Ньютон мог бы судить о его реальности или же нереальности? Сказанное означает, что более уместно рассуждать об *известном* (или, в случае сомнения, *предполагаемом*) существовании, а все контексты существования рассматривать как модальные в смысле эпистемических модальностей.

В таком случае любому высказыванию, характеризующему предмет мысли (то есть экзистенциальному высказыванию), следовало бы предпосылать указание на источник знания (или мнения): «из чувственного опыта известно, что...» (когда строим высказывания об объектах нашего восприятия), «из естествознания известно, что...» (когда строим высказывания о природных объектах), «из математики известно, что...» (когда строим высказывания о математических объектах), «из истории известно, что...» (когда строим высказывания о делах давно минувших дней), «из моих фантазий известно, что...» (когда пытаемся охарактеризовать в словах «мир» собственных домислов), «из мифологии (литературы) известно, что...» и т.д.

Сказанное приводит к тому, что понятия «существующего» и «не существующего» лишаются абсолютного смысла, попадая в зависимость от контекстов знаний или мнений. В этом смысле Р. Карнап был прав, когда говорил, что быть реальным, существовать, значит быть элементом системы [2. С. 301]. Когда пишется учебник по физике или математике, подобный эпистемический контекст уже подразумевается названием учебника, и нет нужды задавать его перед каждым отдельным высказыванием. Открывая книгу по греческой мифологии, мы не нуждаемся в постоянном напоминании, что именно мы читаем. Но если в тексте книги рассуждения о происхождении Вселенной перемежаются математическими выкладками и экскурсами в мифологию или цитатами из богословской литературы, явное указание контекстов уже становится обязательным.

В свете предлагаемого понимания существования известные расселовские высказывания о нынешнем короле Франции являются ложными не только потому, что королю нет места в политической системе современной Франции, но еще и потому, что о нем отсутствует какое-либо упоминание в литературе. Но если завтра появится яркое литературное повествование о приключениях «нынешнего короля Франции», то в его контексте некоторые высказывания о короле, в том числе и экзистенциальные, будут такими же истинными, какими являются высказывания, повествующие о приключениях Алисы в Стране чудес, в частности, о ее диалоге с Чеширским Котом. Разумеется, различие между вымыслом и реальностью не стирается, оно сохраняется как различие эпистемических контекстов, источников знания.

Может возникнуть впечатление, что авторская концепция превращает высказывание о нынешнем короле Франции из ложного в бессмысленное. Ведь без указания контекста использования высказывания ему нельзя дать истинностную оценку. Но в том и дело, что Рассел использовал данное высказывание в контексте истории Франции XX в., а в этом контексте его вполне можно признать ложным. Хотя важнее другое, то, что в расселовской теории дескрипций невозможно объяснить истинность мифологем, таких, например, как «Пегас был пленен Белерофонтом», т.к. контекст мифологии в теории индивидуальных дескрипций невозможно принять во внимание.

Также может возникнуть впечатление, что авторская концепция игнорирует проблему ограничения контекста. Что может означать конструкция «из истории известно, что...»? Ведь в истории существуют конкурирующие концепции, авторы которых нередко радикально расходятся в признании существования тех или иных исторических событий. В этой связи дескрипции, приписываемые определенной исторической личности или событию одним историком, не будут полностью соответствовать дескрипциям, приписываемым этому же событию или личности другими историками. Поскольку в соответствии с предлагаемой нами концепцией нечто существует только в виде носителя определенной совокупности дескриптивных предикатов, то в подобных случаях нельзя будет говорить, что подразумевается один и тот же предмет, а не два или более различных. Однако указанная трудность, во-первых, не имеет отношения к рассматриваемой концепции, поскольку она не отвечает на вопрос, что именно существует, а только показывает, в какой форме нужно искать ответы на вопросы существования. Во-вторых, подобная трудность встречается на каждом шагу в любой области науки, а не только в гражданской истории. Обратимся к физике. Не так давно, в связи с запуском в Европе Большого адронного коллайдера, одни физики рассчитывали обнаружить «первоматерию» в виде бозона Хиггса, а другие считали это бесполезным занятием. Поэтому о том, что именно существует, пусть договариваются между собой историки, физики и другие деятели науки, а задача аналитической философии — предложить для этих споров приемлемую логическую форму.

Что мы имеем в итоге? Р. Карнап безусловно был прав, когда выбор языка необходимым образом связывал с принятием объектов определенного вида. Наш

язык, будь-то естественный или искусственно сконструированный логический язык, обязательно несет онтологическую нагрузку, предполагает что-то существующим. Другое дело, что в естественном языке его онтологические допущения не заданы в явной форме, так что их можно вычленишь только в процессе логической реконструкции языка.

Интерпретация экзистенциальных высказываний языка зависит от философских взглядов пользователя языком, но не от логической формы подобных высказываний. При этом нет смысла особо выделять какие-либо «внешние» вопросы существования, так как их легко превратить во «внутренние» вопросы. А если интересующие нас вопросы в данном языке выглядят «внешними» — значит, мы просто неудачно выбрали язык для их обсуждения. Разумеется, выбор того или иного языка в качестве инструмента исследования философских проблем не бывает «истинным» или «ложным» — это всегда более или менее удачный выбор, то есть оценка выбора должна осуществляться в понятиях степени эффективности. Только не следует подобный выбор интерпретировать как обсуждение особых «внешних» вопросов существования. Наконец, «внутренние» вопросы существования удобнее всего обсуждать в рамках языков эпистемической логики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
- [2] Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
- [3] Ледников Е.Е. Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев, 1973.
- [4] Ледников Е.Е. Существование и индивидуальные дескрипции // Логические исследования. М., 2002. Вып. 9. С. 113—118.
- [5] Lewis C.I. A survey of symbolic logic. Berkeley, 1918.
- [6] Quine W.V. Methods of Logic. New York, 1950.
- [7] Russell B. On denoting // Logic and Knowledge. London, 1956.
- [8] Whitehead A.N., Russell B. Principia Mathematica. Cambridge, 1962.

ONTOLOGY AND EXISTENCE

E.E. Lednikov

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article shows how the logical and philosophical analysis of language contributes to the solution ontological problems of philosophy and science.

Key words: ontology, logic, language, existence, descriptions, modality.

REFERENCES

- [1] Kant I. *Kritika chistogo razuma*. M., 1994.
- [2] Karnap R. *Znachenie i neobhodimost'*. M., 1959.
- [3] Lednikov E.E. *Kriticheskij analiz nominalisticheskikh i platonisticheskikh tendencij v sovremennoj logike*. Kiev, 1973.
- [4] Lednikov E.E. *Sushhestvovanie i individnye deskripcii. Logicheskie issledovanija*. M., 2002. Вып. 9.
- [5] Lewis C.I. *A survey of symbolic logic*. Berkeley, 1918.
- [6] Quine W.V. *Methods of Logic*. New York, 1950.
- [7] Russell B. *On denoting. Logic and Knowledge*. London, 1956.
- [8] Whitehead A.N., Russell B. *Principia Mathematica*. Cambridge, 1962.

РАЗЛИЧИЕ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КАК БАЗОВЫЕ ОПЕРАЦИИ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ЕДИНСТВА МИРА

В.Ю. Кузнецов

Кафедра онтологии и теории познания
Философский факультет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
*Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»,
Москва, ГСП-1, Россия, 119991*

Продолжающую господствовать более или менее явно не только в классической, но и в постклассической философии (вплоть до Делеза и Деррида включительно) оппозицию тождества/различия (предположительно самостоятельно наличествующих) предлагается заменить концепцией неразрывно взаимосвязанных процедур или операций различения и отождествления, только в результате действия которых и могут производиться так или иначе понимаемые тождества и различия.

Ключевые слова: единство, мир, единство мира, различие, различение, тождество, отождествление, постклассическая философия.

Самыми, по-видимому, элементарными или атомарными (то есть далее на фазы, этапы и т.д. неразложимыми) процедурами или операциями, посредством которых в конечном счете выполняется весь комплекс интеллектуальных действий, выступают две — различение и отождествление. Из-за своей фундаментальности они с большим трудом поддаются прямой и непосредственной фиксации; их действие, однако, вполне возможно проследить на том или ином конкретном материале по тем эффектам, которые они вызывают. Именно их взаимообусловленность, выполнимость практически в любой точке концептуального пространства и действенная эффективность предполагают своим условием возможности принцип единства мира (1), понимаемый как потенциальная прослеживаемость универсальных связей, и взаимосвязанный с ним принцип единства культуры как потенциальная способность конституировать те или иные связи, обеспеченная всем арсеналом социокультурных средств и механизмов. Продемонстрировать действенность операций различения и отождествления, равно как и их принципиальное расхождение с — предположительно наличествующим — классическим тождеством и различием [ср. 7; 8; 29], достаточно наглядно можно на материале языка, времени и сознания, взятых и рассматриваемых в аспекте соответствующей концептуализации.

Ситуация с языком, пожалуй, наиболее наглядна, поскольку язык представляет собой различающую различенность (2) как своего рода машину различий [6], что было установлено еще Соссюром (3), который «в первую очередь является тем, кто постулировал произвольность знака и дифференциальный характер знака в качестве основы общей семиологии и, в частности, лингвистики. И, как мы знаем, два этих мотива — произвольность и дифференциальный характер — с его точки зрения являются неразделимыми. Произвольность может быть только потому, что

система знаков задана различиями, а не полнотой терминов. Элементы значения функционируют не благодаря сжатой силе ядер, а благодаря сети противопоставлений, которые различают их и соотносят друг с другом. «Произвольность и дифференциальный характер, — как говорит Соссюр, — это два коррелятивных качества» [9. С. 32]. Отсюда и прямая трактовка Соссюром исследовательских задач применительно к языку: «Наука и занимается игрой этих значимых различий» [23. С. 23].

Вместе с тем, производя и воспроизводя различия, язык делает это систематически, выстраивает более или менее устойчивые сети, ибо «единство явлений речи дано в языке» [24. С. 16]. Тем самым отождествление дополняет различение в действии языка, обеспечивая возможность генерализации: «слово, поднимаясь... над сосуществованием дробных явлений, собирает разрозненное в такое единство, которое всегда шире всякой данной наличности и всегда открыто для новой» [22. С. 812].

Посредством соответствующей способности языка разворачивается и концептуализирующая мысль. «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове. Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то» [5. С. 305]. Концептуализирующая мысль воплощает результаты различений и отождествлений в слова—понятия—концепты. «Слово собирает. Оно λόγος (от λέγειν, собирать в единство)... Своим целым оно собирает... Язык собирает народ. Слово собирает мысль. Мы собираемся с мыслью при помощи слова» [2. С. 404].

Так что «язык, который мы могли бы понять, а мы понимаем, потому что уже имеем язык, нуждается для этого понимания в каких-то постулатах или аксиомах. Назову одну из таких аксиом: язык есть нечто целостное. То есть я хочу сказать тем самым, что, вступив в ту область, которую я назвал сознанием, мы еще имеем дело с такими вещами, которые мы должны принять как возникающие сразу и целиком и не поддающиеся складыванию по частям и в последовательности. Ни один язык нельзя получить по частям. Так он не возникал. А как он возникал? Как возникает понятие квадрата или круга в нашей голове? Философ может ответить, что здесь действует всесвязность сознания... Сознание как свидетельство об этих вещах или об иномирах. Назовем их условно так. Ино-мирные — значит те, которые мы не можем понять, если уже не понимаем. Или уже не имеем. А если имеем, то имеем целиком» [19. С. 48]. Но целостность языка — опосредованная и опосредующая — разворачивается во времени, фиксируя также продолжительность процессов.

Действительно, соответствие феноменологически схватываемых отображений одного события во времени, как подчеркивает Мерло-Понти, не стягивается в «некое идеальное единство, как этого хотел Кант» [20. С. 278], поскольку оно само воспринимается только благодаря своим отображениям и сквозь них. «„Моменты“... не существуют последовательно, а дифференцируются один от другого... Мы имеем здесь дело не с множеством феноменов, но с единым феноменом исте-

чения (escoulement). Время — это единое движение, согласное с собой во всех своих частях, подобно жесту, который охватывает все мускульные сокращения, необходимые для его реализации» [20. С. 279]. Динамический временной поток плавно и текуче, но непреклонно и неостановимо смещает и перемещает планы и горизонты восприятия. Иными словами, единство временного потока определяется композицией операций отождествления и различения.

Дифференцирующая дифференциация сознания позволяет различать (и отождествлять) — в том числе и моменты времени (4) — посредством неизбежной фиксации с помощью языка как своего рода различающей машины: «как эксплицитная, так и имплицитная философско-герменевтическая концептуализация времени в ходе обоснования собственных достижений (в частности, в ходе обоснования состоятельности критериев концептуализации времени) вынужденно апеллируют к языку либо, в первом случае, как к источнику непреходящих смыслов времени, либо, во втором случае, как к способу идентификации временного опыта» [28. С. 120]. При этом различение свидетельствует также и о мире. «*Всякое различение репрезентирует мир благодаря тому, что его другая сторона представляет то, что в данный момент не наблюдается. "Distinction is perfect continence"* (5) — лапидарно выражается Спенсер-Браун [32. Р. 1]» [14. С. 57].

Различение тем не менее должно быть произведено, выполнено. «„Бит“ информации можно определить как различимое различие (a difference that makes a difference) (6). Такое различие, перемещающееся вдоль цепи и претерпевающее в ней последовательные трансформации, есть элементарная идея» [1. С. 337, 294, 339, 418, 421].

Постоянно ускользающие следы замечаются также благодаря эффектам различения. «Нет самого следа, собственного следа. Хайдеггер как раз говорит, что различие не могло бы явиться как само различие (*Lichtung des Unterschiedes kann deshalb auch nicht bedeuten, daß der Unterschied als der Unterschied erscheint*). След этого следа, который (есть) различие, особенно не мог бы ни явиться, ни быть поименованным в качестве *самого себя*, то есть в своем присутствии» [9. С. 94]. И именно опыт различения конституирует сознание. «Идентификация, опознание, узнавание, рекогниция (всё это синонимы) предполагает распознавание, выделение предмета, процесса и т.д. из общей „массы“ предметов, из совокупности других процессов. Опыт распознавания — это опыт выделения, который предполагает различение цветов, форм, пространственных положений и т.д. предмета. Именно это различие „подготавливает“ синтез, а затем идентификацию» [21. С. 59] (7). Поэтому необходимо специально рассмотреть также и концептуализации сознания.

Под вопрос ставится не просто распределение объектов по некоему концептуальному пространству (например, как сознание располагается в порядках природы), а сама исходная разметка этого пространства. «Эта дилемма было бы неразрешимой, если бы антропология уже давно не приучила нас рассматривать — без всяких кризисов и без всякой критики — ткань „природа—культура“, в которой отсутствуют какие бы то ни было швы. Даже наиболее рационалистически мыслящий этнограф, оказавшись за тридевять земель, вполне способен объединить

в одной и той же монографии мифы, этнонауку, генеалогии, политические формы, техники, религии, эпосы и обряды тех народов, которые он изучает... У антропологов нет ни одного элемента, который не был бы одновременно реальным, социальным и рассказанным» [12. С. 66].

Иными словами, дело идет о нередукционистских способах преодоления дуализма. «Вопрос релятивизма становится не таким уж трудноразрешимым. Если наука, понимаемая в духе эпистемологов, и делает проблему неразрешимой, то, как это часто бывает, достаточно изменить концепцию научных практик, чтобы искусственно созданные трудности разрешились» [12. С. 178].

Сознание подобно в этом смысле глазу, который ведь позволяет нам видеть, сам оставаясь невидимым прямо и непосредственно, и, вдобавок, скрывает тот факт, что мы не будем видеть те предметы, образ которых на сетчатке попадает на слепое пятно, но сохраняет при этом неразрушенной иллюзию полноты и непрерывности сферы визуального восприятия. Метафорика устойчива (8) — именно сознание дает возможность увидеть всё наблюдаемое (умо-зрение).

Однако, в отличие от глаза, сознание — это вовсе не предмет, не вещь, не объект, а следовательно, и не может изучаться тем же способом. «Современному научному мышлению чужда идея объекта, сравнимого или, более того, превосходящего по совершенству исследователя. Сформировавшееся на изучении простейших механических явлений научное мышление склонно сначала низвести объект до уровня мертвой вещи, а затем провозгласить тезис, что из мертвого могут быть выведены атрибуты живого и разумного. Приступив к исследованию объектов, которые мало отличны от исследователя, мы должны изменить исследовательскую „идеологию“ и пытаться построить исследовательские средства, специально предназначенные для исследования таких объектов» [13. С. 414]. Сознание человека постигается человеческим же сознанием.

В этом смысле сама постановка проблемы сознания и/или идеального (особенно в классической версии) задает вопрос о гипотетическом разрыве непрерывной монотонности сущего/бытия — при том, что одновременно никто не сомневается и в некотором необъяснимом совмещении сознания с телом (9). Для метафизического строя мысли это повод искать возможности той или иной редукции (одного к другому или к чему-то третьему), но для критикующего догматику образа мышления (начиная с Канта) — это, скорее, повод задуматься о статусе и границах нашего знания, ведь именно они тут прежде всего проблематизируются, ибо это «нечто, чего не могло бы быть в виде сознательной цепочки шагов, в качестве продукта приложения наших желаний, рассуждений, нашего волевого контроля и т.д., а тем не менее есть *де факто*... Непонятно как, но есть» [18. С. 288]. Тем самым единство (10) в данном случае оказывается таким парадоксальным своего рода нерешающим решением, совершенно не зависящим от того, знаем ли мы механизм или точку перехода одного в другое, сможем ли когда-нибудь полностью объяснить, как и почему это происходит, — в любом случае мы знаем о единстве даже без знания деталей и подробностей, в любом случае единство действует, срабатывает само (11). Так что даже в ситуации незнания или ограниченно-

го знания (а мы никогда не будем знать всего целиком и полностью) тем не менее мы в состоянии — вполне очевидно и достоверно — знать о некоторых общих и неустрашимых параметрах, определяющих единство ситуации.

Сложные целостные системы во всем многообразии своих связей непосредственно сознанием не схватываются. Тем не менее мы можем попытаться не ограничиваться только сознанием, особенно в стандартном, фиксированном его понимании, а постараться реконструировать максимально широкий контекст, в котором удалось бы разглядеть должное место сознанию во всем разнообразии его собственных внутренних и внешних порядков рефлексии. Нередукционистские попытки преодоления дуализма, которые и предпринимаются систематически в континентальной философии, могли бы, по-видимому, предоставить набор достаточно эффективных ресурсов и инструментов для переосмысления проблемы сознания в конструктивном постнеклассическом ключе с целью реализации возможности помыслить комплекс эффектов осознания в максимально широком контексте онтологического континуума субъект—объект и природа—культура — в том числе и с использованием результатов и технологических средств, наработанных аналитической традицией. Тем самым представленные в сознании и выполненные с помощью сознания различения и отождествления позволяют, по крайней мере потенциально, отследить те эффекты целостности и связности, которые свидетельствуют о взаимосвязи единства мира и единства культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Понимаемого в постнеклассическом смысле [см. 10]. Здесь и далее мы опираемся на концепцию постнеклассики, предложенную Степиным для науки [см. 25; 26]] и адаптированную нами для философии [11].
- (2) Ср.: «Символические системы — средства познания и коммуникации — могут осуществлять свою структурирующую власть лишь потому, что они структурированы. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности — чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм называл логическим конформизмом, т.е. „гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами“» [3. С. 89].
- (3) По Сосюру, слова и понятия «чисто дифференциальны, т.е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими членами системы. Характеризуются они в основном именно тем, что они — не то, что другие» [24. С. 114].
- (4) «Настоящее есть единство дифференции прошлого и будущего» [15. С. 154].
- (5) «Различение есть совершенная непрерывность» (*англ.*).
- (6) Буквально: «различие, производящее различие» (новый вариант перевода — «небезразличное различие» [27. С. 9]). Ср.: «Информация есть не что иное, как событие, способствующее связыванию различий, — различие, создающее различие» [16. С. 117].
- (7) Ср.: «Вначале существует не идентичность, а различие. Лишь это дает возможность наделять случайности информационной ценностью и тем самым создавать порядок» [16. С. 117].
- (8) Можно вспомнить «третий глаз» Декарта, «смотровое окошко» Воннегута [4] и даже название известной книги Хофштадтера с Деннетом «The Mind's I» [31], что могло бы зна-

чить буквально «Я сознания» (или «Я ума»), но произносится созвучно тому, что будет значить «Глаз разума», как это название и было переведено, — впрочем, на корешке и обороте обложки русского издания [30] можно увидеть, благодаря цветовому выделению, и вариант «Аз ума».

- (9) «Я же двигаю свою руку актом сознания» [18. С. 288].
- (10) «Соединить нельзя, но *de facto* соединено» [18. С. 289].
- (11) «Когда нечто случается даже независимо от того, поймете ли вы это или не поймете, я пойму или не пойму» [17. С. 137].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000.
- [2] Библихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008.
- [3] Бурдье П. О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
- [4] Воннегут К. Малый Не Промах. М.: Радуга, 1988.
- [5] Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
- [6] Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий. Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
- [7] Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
- [8] Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2007.
- [9] Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический Проект, 2012.
- [10] Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассическую эпоху (К постановке проблемы) // Вопросы философии. 2014. № 12.
- [11] Кузнецов В.Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2008. № 1.
- [12] Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Изд-во ЕУСПБ, 2006.
- [13] Лефевр В. Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Лефевр В. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.
- [14] Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- [15] Луман Н. Самоописания. М.: Логос, Гнозис, 2009.
- [16] Луман Н. Социальные системы. СПб.: Наука, 2007.
- [17] Мамардашвили М.К. Введение в философию // Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
- [18] Мамардашвили М.К. Органы онтологии // Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
- [19] Мамардашвили М.К. Проблема сознания и философское призвание // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс-Культура, 1992.
- [20] Мерло-Понти М. Временность // Историко-философский ежегодник-1990. М.: Наука, 1991.
- [21] Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров, Три квадрата, 2004.
- [22] Соловьев В.С. [Теоретическая философия] // Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988.
- [23] Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2000.
- [24] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.
- [25] Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009.
- [26] Степин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. М.: ИФРАН, 1992.
- [27] Федотов Д.Я. Предисловие переводчика // Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: УРСС, 2007.

- [28] Фомин А.Л. Философско-герменевтическая концептуализация времени. М.: НИПКЦ Восход-А, 2010.
- [29] Хайдеггер М. Тожество и различие. М.: Гнозис; Логос, 1997.
- [30] Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. Самара: Бахрах-М, 2003.
- [31] Hofstadter D.R., Dennett D.C. The Mind's I. New York: Bantam Books, 2000.
- [32] Spencer-Brown G. Laws of Form. New York: Dutton, 1979.

DIFFERENTIATION AND IDENTIFICATION AS BASIC OPERATIONS FOR CONSTITUTING OF THE UNITY OF THE WORLD

V.U. Kuznetsov

Department of Ontology and Theory of Knowledge
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
*Training and Research Corps "Shuvalov",
Lenin Hills, Moscow, GSP-1, 119991*

Both classical and postclassical philosophy (up to Derrida and Deleuze) are more or less dominated by opposition of identity and difference (presumably existing on themselves). The article proposes to substitute this opposition with a concept of inseparable chain of procedures of identification and differentiation which can produce identities and differences.

Key words: unity, world, unity of the world, difference, differentiation, identity, identification, post-classical philosophy.

REFERENCES

- [1] Beitson G. Ekologiya razuma. M.: Smysl, 2000.
- [2] Bibihin V.V. Vnutrenniaia forma slova. SPb.: Nauka, 2008.
- [3] Burdyo P. O simvolicheskoi vlasti. Burdyo P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva. M.: Institut eksperimentalnoi sotsiologii; SPb.: Aleteia, 2007.
- [4] Vonnegut K. Malyi Ne Promakh. M.: Raduga, 1988.
- [5] Vygotskii L.S. Myshlenie i rech. *Sobranie sochinenii*. V 6 t. T. 2. M.: Pedagogika, 1982.
- [6] Gibson U., Sterling B. Mashina razlichii. Ekaterinburg: U-Faktoriia, 2002.
- [7] Delyoz Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: Petropolis, 1998.
- [8] Derrida Zh. Pismo i razlichie. M.: Akademicheskii Proekt, 2007.
- [9] Derrida Zh. Polia filosofii. M.: Akademicheskii Proekt, 2012.
- [10] Kuznetsov V.Iu. Edinstvo mira v postneklassicheskuiu epokhu (K postanovke problemy). *Voprosy filosofii*. 2014. № 12.
- [11] Kuznetsov V.Iu. Sdvig ot klassiki k neklassike i narashchivanie poriadkov refleksii v filosofii. *Vestnyk Moskovskogo universiteta*, seriya 7 Filosofii. 2008. N 1.
- [12] Latur B. Novogo vremeni ne bylo. SPb.: Izd-vo EUSPb, 2006.
- [13] Lefevr V. Sistemy, sravnimye s issledovatelem po sovershenstvu. *Lefevr V. Refleksii*. M.: Kogito-Centr, 2003.
- [14] Luman N. Obschestvo kak sotsialnaia sistema. M.: Logos, 2004.

- [15] Luman N. Samoopisaniiia. M.: Logos, Gnozis, 2009.
- [16] Luman N. Sotcialnye sistemy. SPb.: Nauka, 2007.
- [17] Mamardashvili M.K. Vvedenie v filosofiiu. *Mamardashvili M.K. Neobhodimost sebii*. M.: Labirint, 1996.
- [18] Mamardashvili M.K. Organy ontologii. *Mamardashvili M.K. Neobhodimost sebii*. M.: Labirint, 1996.
- [19] Mamardashvili M.K. Problema soznaniia i filosofskoe prizvanie. *Mamardashvili M.K. Kak ia ponimaiu filosofiiu*. M.: Progress—Kultura, 1992.
- [20] Merlo-Ponti M. Vremennost. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik-1990*. M.: Nauka, 1991.
- [21] Molchanov V.I. Razlichenie i opyt: fenomenologiiia neagressivnogo soznaniia. M.: Modest Kolerov, Tri kvadrata, 2004.
- [22] Solovev V.S. [Teoreticheskaia filosofiiia]. *Sochineniia*. V 2 t. T. 1. M.: Mysl, 1988.
- [23] Sossiur F. de. Zametki po obshchei lingvistike. M.: Progress, 2000.
- [24] Sossiur F. de. Kurs obshchei lingvistiki. M.: Logos, 1998.
- [25] Stepin V.S. Classika, neclassika, postneclassika: kriterii razlicheniia. *Postneclassika: filosofiiia, nauka, kultura*. SPb.: Izdatelskii dom «Mir», 2009.
- [26] Stepin V.S. Stanovlenie idealov i norm postneclassicheskoi nauki. *Problemy metodologii postneclassicheskoi nauki*. M.: IFRAN, 1992.
- [27] Fedotov D.Ia. Predislovie perevodchika. *Beitson G. Razum i priroda: neizbezhnoe edinstvo*. M.: URSS, 2007.
- [28] Fomin A.L. Filosofsko-germenevticheskaiia kontseptualizatciiia vremeni. M.: NIPKTC Vo-shod-A, 2010.
- [29] Haidegger M. Tozhdestvo i razlichie. M.: Gnozis; Logos, 1997.
- [30] Hofstadter D., Dennet D. Glaz razuma. Samara: Bakhrakh-M, 2003.
- [31] Hofstadter D.R., Dennett D.C. The Mind's I. New York: Bantam Books, 2000.
- [32] Spencer-Brown G. Laws of Form. New York: Dutton, 1979.

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

О.Н. Стрельник

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье представлен краткий очерк идей, которые предшествовали формулированию проблемы ментальностей, проанализированы позиции этнопсихологии, французской исторической школы Анналов и лингвистической науки по проблеме ментальностей. Утверждается, что уместно и эвристически плодотворно рассматривать ментальность как «подсознание» культуры по аналогии с личным подсознанием.

Ключевые слова: ментальность, культура, цивилизация, языковое сознание, коллективные представления, коллективное подсознание, коллективное бессознательное, миф.

На рубеже XX—XXI вв. доминирующей моделью философско-исторического анализа становится культурно-цивилизационная. Она приходит на смену стадийно-формационной. Ключевое место в новой модели занимают вопросы качественного своеобразия психики, сознания и мышления различных «цивилизационных кластеров» [13]. Такой поворот в свою очередь стимулировал исследования в области этно- и социальной психологии, прежде всего психологическое изучение коллективных субъектов.

Каким образом формируется реальная психологическая общность разрозненных индивидов, благодаря чему возникают и в чем состоят эффекты коллективной психики? Что обеспечивает стабильность коллективного субъекта? Как связаны внутригрупповые процессы с межгрупповыми взаимодействиями? Какие изменения происходят с индивидом, когда он становится членом той или иной группы? [4. С. 7—8]. Первый, второй и частично четвертый вопросы связаны с проблемой ментальности, а сама эта проблема становится одной из главных в социально-гуманитарных науках, изучающих коллективные субъекты разного типа.

Говоря о ментальности, обозначая и определяя ее, как правило, указывают на различие ментальностей людей разных эпох: ментальность эпохи средневековья, Нового времени и т.п. Говоря о национальном характере, проводят прежде всего этнические различия: русский национальный характер, национальный характер французов, т.е. подчеркивают единство психологического склада представителей разных этносов, народов или наций.

Понятия «ментальность» и «национальный характер», таким образом, указывают на разные плоскости анализа сходных феноменов духовной культуры. Речь может идти об одних и тех же явлениях, но рассматриваемых под разными углами зрения. Можно говорить о том, что в сознании одного человека сосуществуют разные ментальности: исторические, этнические, социальные.

В Германии начало исследований ментальности уходит во вторую половину XIX в. и связано с именами М. Лацаруса и Г. Штейнталя.

По мнению этих авторов, все индивиды одного народа имеют сходные чувства, склонности и желания, т.е. обладают одним и тем же народным духом, который проявляется в языке, нравах, обычаях, традициях и ритуалах.

Дальнейшие исследования и оформление психологии народов в качестве самостоятельной науки осуществлялись В. Вундтом. Он считал, что совместная жизнь индивидов и их взаимодействие порождают новые явления, которые не сводятся к явлениям индивидуального сознания, составляют душу народа и должны изучаться самостоятельно. Содержанием души народа В. Вундт называет общие чувства, представления и стремления, которые выражаются в языке, мифах и обычаях [6].

Появление этнопсихологии в России в XIX в. связывают с деятельностью Русского географического общества. Первоначальные социально-психологические исследования проводили Н. Надеждин, К. Кавелин, П. Лавров, Н. Михайловский, Г. Плеханов, А. Потебня и Г. Шпет. Н. Надеждин, будучи участником Русского географического общества, предложил термин «психическая этнография». По его мнению, психическая этнография должна изучать такие проявления «народной психологии», как умственные и нравственные способности, силу воли, чувство человеческого достоинства и т.п. Позднее К. Кавелин предложил идею объективного метода, утверждая, что задачей психологии народов должно быть установление законов психической жизни на основе сравнения однородных явлений, проявляющихся в различные исторические эпохи у того или иного народа.

Оригинальную психологическую концепцию языка разработал А. Потебня. Он утверждал, что язык является главным фактором, объединяющим индивидов в «народность», обуславливая приемы умственной деятельности того или иного народа. Особенности народа находят отражение в языке, а утрата национального языка ведет к денационализации [14].

Особый интерес представляют работы Г. Шпета, который определил этнопсихологию как раздел психологии, изучающий язык, мифы, верования и нравы народов. В работе «Введение в этническую психологию» Г. Шпет на основе анализа концепций М. Лацаруса, Г. Штейнталя и В. Вундта развивает понимание предмета этнической психологии. «Как бы индивидуально ни были люди различны, — пишет Г. Шпет, — есть типически общее в их переживаниях, как „откликах“ на происходящее перед их глазами, умами и сердцем» [16. С. 341].

Этнопсихология должна изучать подобные типические коллективные переживания, в которых, по мысли исследователя, нет ничего психологического. Коллективные переживания в понимании Г. Шпета не относятся только к эмоциональной сфере или только к когнитивной. Понятие типических коллективных переживаний близко к понятию ментальности, понимаемой как эмоционально окрашенное миропонимание той или иной общности людей [15. С. 57]. В отличие от А. Потебни Г. Шпет считает, что изучать надо не только миф, язык, верования, нравы и т.п., а сопровождающие их переживания людей, именно в этих переживаниях и проявляется психология народа.

Во Франции первоначальные исследования в области социальной и этнопсихологии связаны с именами Л. Леви-Брюля, Э. Дюркгейма, Г. Лебона и Г. Тарда [10; 11]. Именно на эти идеи в XX в. опираются представители школы Анналов, когда вводят в историческую науку понятие «ментальность».

Впервые термин *mentalité* использовал Л. Леви-Брюль. В работах «Первобытное мышление» и «Ментальные функции в примитивных обществах» он подчеркивает пралогичность и эмоциональную окрашенность сознания первобытных людей.

Речь шла, прежде всего, о коллективных представлениях, которые доминировали в примитивных обществах и резко контрастировали с образом мышления современного человека (1). «...Генезис понятия *mentalité* во французской науке проходил под знаком примитивности, недоразвитости, пралогичности и социально-психологической маргинальности, в контрастном противопоставлении развитию, логическому, рациональному, „культурному“ сознанию. Представителям школы Анналов Л. Февру и М. Блоку, применившим понятие „ментальность“ к европейцам Средневековья и XVI столетия, было нужно „перекодировать“ его, придав новый смысл, который соответствовал бы иному культурному, социальному и психологическому контексту» [7. С. 61—62].

Исследования стереотипов обыденного мышления и поведения в рамках школы Анналов (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ф. Арьес, Ж. Дюби, Ж. Делюмо, Ж. Ле Гофф, П. Шоню, Р. Шартье) представляются наиболее интересным в силу своей комплексности и полноты. По мнению представителей французской исторической науки, каждая культура представляет собой ансамбль, компоненты которого при всех возможных противоречиях соотношены друг с другом. Предметом истории французские ученые считают сознание людей, причем не только ясное рациональное сознание, выражающееся в философии, науке и т.п., но и чувственно-эмоциональные компоненты сознания, взаимоотношения, взаимовлияния когнитивного и ценностно-эмоционального, возникающие в обыденном сознании. Анализу должен подвергаться весь духовный универсум эпохи, считают представители школы Анналов, в том числе и ментальность.

Слово *mentalité* — ключевое понятие, вводимое Л. Февром и М. Блоком, считается точным образом непереводаемым на другие языки, хотя в английском есть слово *mentality*, а в немецком — *mentalität*. Термин *mentalité* обозначает одновременно и унастроение, и мыслительные установки, и коллективные представления, и воображение, и склад ума. В русском языке ему соответствуют понятия «мировидение» и «мироощущение».

Ментальность, по мнению французских историков, это «система образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [8. С. 52]. Ментальность проявляется в специфических проблемах коллективной и индивидуальной психологии, свойственных той или иной эпохе, в эмоциях, в средствах фиксации и распространения знаний, в повседневной религиозности, в массовых социально-психологических явлениях, в фольклоре и искусстве, т.е. во всех проявлениях общественного человека.

Ментальности, как считают представители французской новой исторической науки, должны изучаться через прояснение систем стабильных представлений. Исследователи выделяют следующие группы таких представлений: хозяйство; природное и социальное окружение; семейная и сексуальная жизнь, любовь; отношение к женщинам; отношение к детям; старость; болезнь; религиозные верования; идеи о душе, смерти, спасении; страх, смех; время; пространство; история; телесность. Этот перечень открыт, постоянно пополняется новыми проблемами и не исчерпывает всего содержания ментальности. А. Бюргер, например, упорядочивает этот комплекс через определение различных предметных зон исследования:

— материальная и биологическая антропология, изучающая тело, установки в отношении к жизни и смерти, сексуальность, питание;

— экономическая антропология, охватывающая экономическое поведение, обмен, соотношение культурных и психологических установок с техникой;

— социальная антропология: изучение семьи, систем родства, исторической демографии, отношений между семьей и государством, специфики социальных связей;

— культурная и политическая антропология, исследующая нечетко сформулированные верования и ритуалы, которыми насыщена повседневная жизнь, системы представлений о мире, времени, религиозный фольклор, мифы, символику жестов, соотношение народной культуры с официальной [4].

Л. Февр, подчеркивая качественные различия между цивилизациями, пишет, что ментальность, пронизывающая все аспекты общественных отношений, определяет историческую индивидуальность того или иного общества. Для того чтобы понять сущность цивилизации и поведение людей, необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, их «мыслительный» и «чувственный инструментарий».

Индивидуальное видение мира, согласно Л. Февру, есть лишь один из вариантов коллективного мировидения. В этой связи исследователь вводит понятие «духовного оснащения» [7. С. 50—51]. Иначе термин «*ouillage mental*» переводится как «психическая оснастка», «умственная вооруженность». Это понятие должно было, по мысли Л. Февра, конкретизировать понятие «ментальность».

Представители школы Анналов противопоставляли историю ментальностей традиционной истории идеологий и экономической истории. По их замыслу, история призвана вскрыть потаенный план общественного сознания, ментальность — это именно массовое, повседневное, обыденное сознание. Как пишет М. Блок, «читая иные книги по истории, можно подумать, будто человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны... Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если б всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов» [2. С. 104]. Историкам следует изучать не философские, религиозные или политические доктрины, а ту почву, на которой они вырастают: неявные установки мысли, ценностные ориентации, автоматизмы сознания. Люди ведут себя не только в соответствии с объективными стимулами, их сознание содержит модель осмысливаемой ре-

альности, несводимую к отражению внешней данности. Мифы и верования, обычаи и символика, надежды и страхи так же определяют поступки, как и объективные жизненные обстоятельства. Только преломившись в ментальности, они начинают определять индивидуальное и социальное поведение людей и групп. Таким образом, ментальность — не просто один из факторов исторического процесса, наряду с экономикой, политикой и т.п. Именно в ментальности фокусируются все остальные движущие силы истории, поскольку для того, чтобы стать действенными, они неизбежно должны пройти через сознание людей.

Рациональные идеи — лишь видимая часть айсберга духовной жизни, часть достаточно динамичная, тогда как ментальность, массовое, обыденное сознание более консервативно, изменяется с большим трудом. Именно этот факт позволил одному из представителей школы Анналов Ф. Броделю написать: ментальности — это темницы, в которые заключено время большой длительности, а другому — Ж. Ле Гоффу — выдвинуть идею «долгого Средневековья», продолжавшегося в Европе вплоть до XIX в. [3; 12].

Особый вопрос — почему и как изменяются ментальности? Представители школы Анналов утверждают, представление о том, что ментальности изменяются «сверху вниз», т.е. рациональные идеи постепенно внедряются в толщу представлений и образов обыденного сознания, недостаточно. Некоторые ментальные тенденции зарождаются как раз в недрах обыденного сознания. Представители школы Анналов демонстрируют это на примере изменения отношения средневековых людей к смерти, времени и т.д. [1—3; 8; 12]. По мнению анналистов, правильнее было бы говорить не об одностороннем движении ментальных установок только «сверху вниз», но и о взаимодействии различных тенденций, присущих разным strata общества.

Особое внимание и Л. Февр, и М. Блок уделяли вопросу взаимодействия естественно-географической среды и человека. «В «иерархии сил», действующих в истории, они различают три основные группы, обладающие собственными ритмами: «постоянства», «структуры» и «конъюнктуры». «Постоянства» (permanences) — это, прежде всего, природно-географические условия, в которых существует и развивается общество. «Структуры» — долговременные факторы истории, экономика, социальные институты и процессы, духовный строй общества, т.е. религия, философские системы, наука, искусство. «Конъюнктуры», напротив, изменчивы, таковы кривые движения народонаселения, объема производства, цен, заработной платы. Ментальности в этом смысле являются частью «структур» [7. С. 205].

Постигать ментальности возможно через изучение языка, анализ символических и знаковых систем. В смене терминологии, в появлении новых смыслов привычных слов и выражений отражаются изменения общественных институтов и ценностных систем. Причем следует специально изучать случайные слова и выражения, которые свидетельствуют о мировидении людей больше, чем продуманные рационально сконструированные тексты. В этом вопросе проблематика школы Анналов смыкается с исследованиями ментальности в лингвистике.

Ментальность в первую очередь транслируется через язык. Внешние условия существования этноса: географические и физиолого-антропологические особенности, культурные и бытовые традиции формируют особые представления, которые определяют основу национальной ментальности. Фундаментальные и жизненно важные образы выражаются в языке и передаются следующим поколениям в вербализированном виде. Внешние материальные условия существования этноса могут со временем измениться, однако особенности мировосприятия, зафиксированные в языке, воспроизводятся вновь и вновь. Иными словами, язык предлагает его носителям готовые формы оценки и восприятия.

Любой аспект языка — семантический, лексический, синтаксический, морфологический может стать источником информации о национальной ментальности. Так, А. Вежбицкая предлагает модель синтаксической типологии языков. По ее мнению, существует два основных типа предложений о людях — номинативный тип, опирающийся на агентивную модель, и дативный, в соответствии с которым люди представлены как лица, не контролирующие события. Активная модель: я думаю, я хочу, я боюсь. Пассивная модель: мне думается, мне хочется, мне страшно. Русский язык согласно этой типологии тяготеет к пассивным безличным конструкциям. Активные конструкции в нем тоже имеются, но в повседневном общении употребляются реже [5]. Таким образом, в языке фиксируются два разных подхода к жизни, один из них выразить фразой «я делаю», другой — «со мной происходит». Таким образом, в языке выражаются, фиксируются и передаются другим поколениям мировоззренческие ориентации, т.е. ментальность.

Российский исследователь О. Корнилов предлагает использовать понятие «языковая картина мира». Языковая картина мира — это результат отражения мира обыденным коллективным сознанием, вербализированная система матриц, в которых запечатлен национальный способ видения мира. Эти матрицы позволяют понять ценностные приоритеты, систему образности и ассоциативного мышления. Универсального отражения действительности на уровне обыденного массового сознания не существует, однако существует специфическая логика образного осмысления действительности, в которой находят отражение культурные, психологические и проч. черты народа, т.е. ментальность [9. С. 106, 113].

Любой аспект языка может свидетельствовать об особенностях мировосприятия, однако О. Корнилов считает, что под языковой картиной мира следует понимать прежде всего лексическую систему языка, именно ее можно использовать как источник знаний о ментальности [9. С. 79—80]. Для проникновения в чужую ментальность необходимо знание о национально-специфических прототипах, скрытых за универсальными концептами. Национальный образ мира — это и есть совокупность прототипов, существующих в обыденном коллективном сознании, а национальная языковая картина мира — это совокупность лексических эквивалентов этих прототипов. Прототип определяется как собирательный образ объекта — идеального представителя той категории, которая называется тем или иным словом. Как отмечает О. Корнилов, концептуальные универсалии могут иметь под собой совершенно разные прототипы [9. С. 81, 160].

Для того чтобы установить соотношение между внеязыковым прототипом и его языковым эквивалентом, необходимо изучение широкого пласта экстралингвистической реальности. Так, национальная символика тесно связана с коннотативной зоной языка, которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях. Эта информация уникальна для каждого языка. Например, в немецком языке ассоциацией трудолюбия является крыса. В русском языке такие же смыслы связываются с пчелой или муравьем. Если человека с российской ментальностью назвать крысой, это будет звучать обидно, а для немца может оказаться непонятным сравнение с пчелой.

Именно коннотативная зона языка сложна для усвоения представителям других культур, поскольку «точка зрения» родного языка кажется естественной и универсальной.

Наиболее показательным примером возникающего в таких случаях непонимания является, например, «непереводимость» некоторых рекламных образов. Рекламные сюжеты, легко «считываемые» представителями одних культур, непонятны и даже вызывают раздражение у представителей других. То же самое, но в меньшей степени относится к кинематографу и художественной литературе. Приближение к пониманию чужой ментальности во многом означает освоение именно коннотативной зоны чужого языка.

Можно утверждать, что ядро структуры языка составляет единая логико-понятийная база, эта совокупность является базовым компонентом мышления, который делает возможным принципиальное понимание между людьми. Однако она лишь основа языка. Область внелогического отражения мира, которая также находит выражение в языке, не предполагает какого-либо единства. Неповторимость мироощущения и мироощущения определена, прежде всего, внелогическими способами восприятия действительности. Именно такой способ отображения характерен для обыденного сознания, именно он и фиксируется в ментальности. Вместе с чужим языком сознание (коллективное или индивидуальное) воспринимает чужие вербальные стереотипы, т.е. периферию логического осмысления мира и всю область внелогического отражения. Наиболее отчетливо специфика проявляется не столько в фонетике, лексике или синтаксисе, сколько на уровне целостных речевых произведений, выявляясь в их стилистике и особенностях образности.

Проблема ментальности, таким образом, комплексная и междисциплинарная. Идеи «мигрируют» от одних научных дисциплин к другим, из философии в науку и обратно. Это связано как с неопределенностью самого понятия «ментальность», так и с многомерностью явления, которое этим понятием обозначается. Однозначного определения понятия «ментальность» пока нет. Под ментальностью понимают общие представления, воображение, видение мира, глубинные и архаические слои психики, неосознанное, повседневную сторону сознания, стереотипы поведения, систему ценностей и т.п. В общем смысле ментальность можно описать как систему представлений, которая формируются в определенную историческую эпоху или в рамках какой-то культуры, закрепляется в сознании людей в процессе общения и определяет стереотипы поведения и психологических реакций. Сложность в определениях связана с тем, что ментальность представляет собой про-

межуточное образование между коллективным сознанием и коллективным бессознательным, на границах сливаясь с ними. Термин «ментальность» потеснил термины «коллективные представления», «национальный характер», «базовая и модальная личности», которые ранее использовались в социологической, этнопсихологической и антропологической литературе.

Для пояснения, что такое ментальность, уместно, на наш взгляд, провести аналогию между индивидуальной субъективностью и духовной культурой. В современной психологии в структуре субъективности принято выделять сознание, подсознание и бессознательное. По аналогии можно предложить следующую иерархию для духовной культуры: общественное сознание, коллективное подсознание или ментальность и коллективное бессознательное.

Подсознание в индивидуальной психологии определяется как совокупность автоматизмов, которые могут частично осознаваться и переходить на уровень сознания, и, напротив, сформировавшись на сознательном уровне, переходить в сферу подсознательного. А ментальность представляет собой совокупность стереотипов мышления и поведения, не до конца осознаваемых знаний о мире и человеке, выражаемых в символической форме и закрепляемых в общении. На наш взгляд, эвристически плодотворно рассматривать ментальность именно как «подсознание» культуры.

Содержание ментальности — это неосознаваемые установки, стандарты оценок, поведенческие клише, предрассудки, верования, представления. Ментальность как совокупность не до конца осознаваемых знаний и стереотипов служит онтологическим и функциональным объяснением особенностей поведения людей, принадлежащих к разным культурам или эпохам. В ментальности фундируются идентичность и общность, которые затем проявляются в способности людей одного этноса или эпохи наделять одинаковыми значениями сходные явления объективного и субъективного мира, интерпретировать их тождественным образом и выражать в одних и тех же символах.

Ментальность имеет различные модусы. По-видимому, можно говорить о ментальности любой более или менее большой группы людей, независимо от того, по каким основаниям выделяется эта группа: этническим, социальным или историческим. Общество неоднородно. Человек одновременно принадлежит к нескольким социальным группам. Однако законы функционирования коллективной психики одинаковы, независимо от того, на какой основе сформирован массовый субъект. Эффекты коллективного сознания всякий раз имеют место при наличии той или иной социальной группы. В силу этого и социальная психология, и история, и этнопсихология обнаруживают свой предмет в сфере изучения ментальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О ментальности как феномене психической жизни, характеризующемся «пралогичностью», примерно в те же годы писал известный французский психолог Шарль Блондель. В литературе термин *mentalité* появился в романах Марселя Пруста. *Mentalité*, по словам одного из персонажей романа «У Германтов», означает в точности то же самое, что и «образ мыслей», но никто не знает, что этим хотят сказать.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арьерс Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- [2] Блок М. Апология истории. М., 1973.
- [3] Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. М., 1994.
- [4] Бюрджер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // *Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. В 2 кн. М., 2003.
- [5] Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- [6] Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
- [7] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа Анналов. М., 1993.
- [8] Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. М., 1991.
- [9] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
- [10] Лебон Г. Психология толп. М., 1998.
- [11] Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1986.
- [12] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.
- [13] Основания цивилизации. Философский анализ / Отв. ред. В.М. Найдыш. М., 2001.
- [14] Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
- [15] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000.
- [16] Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. М., 1996.

THE MENTALITY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY AND SCIENCE

O.N. Strelnik

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the philosophical and scientific understanding of the problem of mentalities. It presents a brief outline of the ideas and research that preceded the explicit formulation of a problem of mentalities, analyzed some of the ideas of the French historical school of annals, and linguistic science regarding the issue of mentalities. The article argues that appropriate and heuristically fruitful to consider the mentality as "the subconscious" of culture by analogy with the personal subconscious.

Key words: mentality, language, culture, civilization, language consciousness, collective representations, collective unconscious, collective unconscious, myth.

REFERENCES

- [1] Ar'ers F. Chelovek pered licom smerti. M., 1992.
- [2] Blok M. Apologija istorii. M., 1973.
- [3] Brodel' F. Chto takoe Francija? Кн. 1. Prostranstvo i istorija. M., 1994.
- [4] Bjug'er A. Ot serijnoj k kompleksnoj istorii: genezis istoricheskoy antropologii. *Homo Historicus: К 80-letiju so dnja rozhdenija Ju.L. Bessmertnogo*. V 2 kn. M., 2003.

- [5] Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1997.
- [6] Vundt V. Problemy psihologii narodov. Sankt-Peterburg, 2001.
- [7] Gurevich A.Ja. Istoricheskij sintez i Shkola Annalov. M., 1993.
- [8] Djubi Zh. Razvitie istoricheskikh issledovanij vo Francii posle 1950 g. M., 1991.
- [9] Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M., 1999.
- [10] Lebon G. Psihologija tolp. M., 1998.
- [11] Lebon G. Psihologija narodov i mass. SPb., 1986.
- [12] Le Goff Zh. Civilizacija srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg, 2005.
- [13] Osnovaniya civilizacii. Filosofskij analiz. Ed. V.M. Najdysh. M., 2001.
- [14] Potebnja A.A. Simvol i mif v narodnoj kul'ture. M., 2000.
- [15] Stefanenko T.G. Jetnopsihologija. M., 2000.
- [16] Shpet G.G. Vvedenie v jetnicheskiju psihologiju. Psihologija social'nogo bytija. M., 1996.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

ОНТОЛОГИЯ ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ: АБСТРАКТНЫЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

А.М. Анисов

Отдел эпистемологии и логики
Институт философии РАН
ул. Гончарная, 12/1, Москва, Россия, 109240

В статье с помощью абстрактных вычислительных моделей на основе созданного автором языка программирования АВТ строится онтология течения времени. Одна из моделей эксплицирует оригинальную концепцию атомарного времени, возникшую в средневековой арабской философии.

Ключевые слова: течение времени, становление, вычислительная модель, арабская философия времени.

§1. АВТ-МОДЕЛЬ ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ

В [3] был описан абстрактный язык программирования АВТ, далеко выходящий за рамки стандартных теорий вычислимости. Воспользуемся этим языком для моделирования течения времени. Процесс течения времени или становления связан как с утратой части прошлого, так и с новыми приобретениями в будущем. Но становление — не хаотический процесс. В его основе лежат определенные закономерности, которые, однако, не должны быть слишком «жесткими». Необходимо избегать как крайности полного произвола, так и крайности предопределённости хода течения времени. Соблюсти оба эти условия можно за счет ввода в модель становления, с одной стороны, стабилизирующего звена — *формальной теории времени*, а с другой — *моделей этой теории*, которые до известных пределов варьируются и, тем самым, позволяют избегать фатальной неизбежности возникновения или исчезновения тех или иных ситуаций или событий. Приступим к осуществлению намеченной программы.

Пусть язык LS содержит следующие символы.

1. Индивидуальные переменные (переменные первого порядка)

$$x, y, z, x_1, x_2, \dots, x_n, \dots$$

2. Одноместные предикатные переменные (переменные второго порядка)

$$X, Y, Z, X_1, X_2, \dots, X_n, \dots$$

3. Одноместную предикатную константу *H*.
4. Двухместную предикатную константу *E*.
5. Логические связки и кванторы по переменным всех типов.
6. Технические символы (пробел, левая и правая скобки).

Термами первого порядка являются индивидуальные переменные. *Термами второго порядка* являются предикатные переменные и константа *H*. Если α — терм первого порядка и Γ, Δ — термы второго порядка, то выражения вида $\Gamma(\alpha), \Delta(\alpha)$ и $\Gamma E \Delta$ — *атомарные формулы*. Атомарными формулами будут, например, выражения $H(x), X(x), X E Y, X E H$ и т.п. Остальные пункты определения правильно построенных формул, формулировка логических аксиом и правил вывода обычные (см., напр., [5. Гл. 5]).

Равенство термов первого порядка можно ввести по определению: $\alpha \approx \beta$ является сокращением формулы $\forall \Gamma(\Gamma(\alpha) \leftrightarrow \Gamma(\beta))$. Короче, $\alpha \approx \beta \leftrightarrow_{\text{Df}} \forall \Gamma(\Gamma(\alpha) \leftrightarrow \Gamma(\beta))$. В свою очередь, равенство термов второго порядка $\Gamma \equiv \Delta$ есть сокращение формулы $\forall \alpha(\Gamma(\alpha) \leftrightarrow \Delta(\alpha))$: $\Gamma \equiv \Delta \leftrightarrow_{\text{Df}} \forall \alpha(\Gamma(\alpha) \leftrightarrow \Delta(\alpha))$. При этом дополнительно принимаем аксиому $\forall X_1 \forall X_2 \forall Y_1 \forall Y_2 ((X_1 \equiv Y_1 \ \& \ X_2 \equiv Y_2) \rightarrow (X_1 E X_2 \rightarrow Y_1 E Y_2))$. Знак « \equiv » остаётся знаком равенства в метаязыке.

В подразумеваемой смысловой интерпретации значениями переменных первого и второго порядка являются *события* и *множества событий* соответственно. Среди множеств событий выделяются *моменты времени* — те множества, которые принадлежат полю отношения *раньше, чем*. Это отношение обозначается символом *E*, момент настоящего символом *H*.

Введём для удобства еще несколько сокращений:

$m(X) \leftrightarrow_{\text{Df}} \exists Y(X E Y \vee Y E X)$ (*X* — момент времени),

$X \parallel Y \leftrightarrow_{\text{Df}} X E Y \vee Y E X \vee (X \equiv Y \ \& \ m(X))$ (*сравнимость* двух моментов времени),

$X|Y \leftrightarrow_{\text{Df}} (X E Y \vee Y E X) \ \& \ \forall Z(\neg(X E Z E Y) \ \& \ \neg(Y E Z E X))$ (*X* и *Y* — соседние моменты времени).

Аксиомами теории **TS** в языке **LS** являются следующие формулы, образующие из-за пункта 1 бесконечный список.

1. $\forall X(m(X) \rightarrow \exists x_1 \exists x_2 \dots \exists x_n (X(x_1) \ \& \ X(x_2) \ \& \dots \ \& \ X(x_n) \ \& \ \neg(x_1 \approx x_2) \ \& \ \neg(x_1 \approx x_3) \ \& \dots \ \& \ \neg(x_1 \approx x_n) \ \& \ \neg(x_2 \approx x_3) \ \& \ \neg(x_2 \approx x_4) \ \& \dots \ \& \ \neg(x_2 \approx x_n) \ \& \dots \ \& \ \neg(x_j \approx x_{j+1}) \ \& \ \neg(x_j \approx x_{j+2}) \ \& \dots \ \& \ \neg(x_j \approx x_n) \ \& \dots \ \& \ \neg(x_{n-1} \approx x_n)))$ (для каждого $n > 1$ имеем отдельную аксиому 1_n)
2. $\forall x \exists X(m(X) \ \& \ X(x))$
3. $\forall X \neg(X E X)$
4. $\forall X \forall Y \forall Z(X E Y \ \& \ Y E Z \rightarrow X E Z)$
5. $\forall X(m(X) \rightarrow X \parallel H)$
6. $\forall X \forall Y \forall Z(Y E X \ \& \ Z E X \rightarrow Y \parallel Z)$
7. $\forall X(m(X) \rightarrow \exists Y(Y E X \ \& \ Y|X))$
8. $\forall X(\exists Y(X E Y) \rightarrow \exists Z(X E Z \ \& \ X|Z))$
9. $\exists X \exists Y(H E X \ \& \ H E Y \ \& \ H|X \ \& \ H|Y \ \& \ X \neq Y)$

На этом список аксиом **TS** исчерпан.

Очевидно, аксиомы 3 и 4 утверждают, что отношение \mathbf{E} является отношением частичного порядка. Существование моментов времени следует, например, из аксиомы 2. Кроме того, из 2 вытекает, что не существует событий вне времени. Схема аксиом 1 гарантирует бесконечность каждого момента времени. Аксиома 9 позволяет доказать теорему $\mathbf{TS} \vdash m(H)$. Из аксиомы 5 вытекает сравнимость с H по отношению \mathbf{E} любого момента времени, отличного от H (такие моменты существуют в силу непустоты и антирефлексивности \mathbf{E}). Иными словами, каждый неравный H момент времени либо раньше, чем H , либо позже, чем H . Аксиома 6 запрещает ветвление в прошлое (в этом случае говорят о линейности времени в прошлое). Так как $\mathbf{TS} \vdash \exists X(m(X))$, то отсюда и из аксиомы 7 получаем отсутствие начала времени. Вместе аксиомы 7 и 8 утверждают, что отношение \mathbf{E} дискретно. Наконец, из аксиомы 9 следует, что время ветвится в будущее от момента настоящего H .

По-видимому, не все аксиомы \mathbf{TS} одинаково интуитивно приемлемы. В принципе можно было вместо \mathbf{TS} взять другую теорию, постулирующую иные свойства времени. Подчеркнем, однако, что дискретность времени существенна для того типа моделей динамической концепции времени, которые мы рассматриваем в данной работе.

Определим предикаты прошлого \mathbf{P} , настоящего \mathbf{H} и будущего \mathbf{F} : $\mathbf{P}(X) \leftrightarrow_{\text{Df}} X \mathbf{E} H$, $\mathbf{H}(X) \leftrightarrow_{\text{Df}} X = H$, $\mathbf{F}(X) \leftrightarrow_{\text{Df}} H \mathbf{E} X$. В любой модели $\mathbf{M} = \langle \mathbf{U}, \mathbf{J} \rangle$ теории \mathbf{TS} множество моментов прошлого $\mathbf{J}(\mathbf{P})$ линейно упорядочено, а множество моментов будущего $\mathbf{J}(\mathbf{F})$ частично упорядочено отношением $\mathbf{J}(\mathbf{E})$ (здесь \mathbf{U} — непустое множество, являющееся *универсумом* модели \mathbf{M} , \mathbf{J} — функция *интерпретации* этой модели, доопределённая на множестве $\{\mathbf{P}, \mathbf{H}, \mathbf{F}\}$ следующим образом:

$$\mathbf{J}(\mathbf{P}) = \{\mathbf{Q}: \mathbf{Q} \mathbf{J}(\mathbf{E}) \mathbf{J}(H)\}, \mathbf{J}(\mathbf{H}) = \{\mathbf{J}(H)\}, \mathbf{J}(\mathbf{F}) = \{\mathbf{Q}: \mathbf{J}(H) \mathbf{J}(\mathbf{E}) \mathbf{Q}\}.$$

Положим $\mathbf{S} =_{\text{Df}} \mathbf{J}(\mathbf{P}) \cup \mathbf{J}(\mathbf{H}) \cup \mathbf{J}(\mathbf{F})$. Тогда \mathbf{S} является *множеством моментов времени в модели \mathbf{M}* . Модель $\mathbf{M} = \langle \mathbf{U}, \mathbf{J} \rangle$ теории \mathbf{TS} называется **корректной**, если

- 1) для любого момента времени $m \in \mathbf{S}$ выполнено условие $|\mathbf{J}(\mathbf{F})| < |2^m|$ (т.е. число моментов будущего меньше, чем кардинал множества всех подмножеств любого прошлого, настоящего или будущего момента);
- 2) для любых моментов $m_1, m_2 \in \mathbf{S}$ таких, что $m_1 \mathbf{J}(\mathbf{E}) m_2$ множество $\{m \in \mathbf{S}: m_1 \mathbf{J}(\mathbf{E}) m \mathbf{J}(\mathbf{E}) m_2\}$ конечно или пусто;
- 3) существует множество счетных ординалов \mathbf{C} такое, что $|\mathbf{C}| > \omega$ и $(\forall \alpha \in \mathbf{C}) (\alpha \notin \mathbf{U})$.

Данное определение связано с обеспечением t -корректности рассматриваемой ниже АВТ-программы BECOMING.ABT, а также обусловлено содержательными соображениями (о них речь пойдёт ниже).

Возьмём произвольную модель $\mathbf{M} = \langle \mathbf{U}, \mathbf{J} \rangle$ теории \mathbf{TS} (то, что эта теория имеет модели, не вызывает сомнений). Назовем функцию \mathbf{f} *функцией выбора прошлого для \mathbf{M}* , если \mathbf{f} удовлетворяет следующим условиям:

- 1) \mathbf{f} определена на семействе \mathbf{S} ;
- 2) $(\forall m \in \mathbf{J}(\mathbf{F})) (\mathbf{f}(m) = m)$;

- 3) $(\forall m \in S \setminus J(F)) ((\omega \leq |f(m)|) \& (f(m) \subset m) \& (m \setminus f(m) \neq \emptyset));$
- 4) $(\forall m, m' \in S) (m \neq m' \rightarrow f(m) \neq f(m')).$

Так определённая функция f является взаимно однозначной.

Положим $S' =_{\text{Df}} J'(P) \cup J'(H) \cup J'(F)$. Будем говорить, что модель $M' = \langle U', J' \rangle$ есть *сужение в прошлое* модели $M = \langle U, J \rangle$ теории TS , если выполнены следующие условия, в которых используется функция f выбора прошлого для M :

- 1) $J'(H) = f(J(H)), J'(P) = \{m' : (\exists m \in J(P)) (m' = f(m))\};$
- 2) $J'(H) = \{J'(H)\}$ и $J'(F) = J(F)$;
- 3) для всех $m_1, m_2 \in S'$, если $f^{-1}(m_1) \subset J(E) f^{-1}(m_2)$, то выполняется $m_1 \subset J'(E) m_2$;
- 4) $U' = \cup S'$.

Отметим, что равенство $U' = \cup S'$ обеспечивает выполнимость аксиомы 2. Ясно, что $U' \subset U$ и M' модель TS .

Введём новую константу TS' для обозначения теории, получающейся из TS заменой аксиомы 9 на формулу $m(H)$. Существование моделей для TS' следует из аналогичного факта для TS , так как TS' — подтеория TS .

Выберем в модели $M = \langle U, J \rangle$ теории TS произвольный момент m , соседний с $J(H)$ и такой, что $J(H) \subset J(E) m$. Затем отбросим все моменты, несравнимые с m . Положим

- 1) $S' =_{\text{Df}} \{m' : m' \subset J(E) m \vee m \subset J(E) m' \vee m = m'\}$ (получается, что $S' \subset S$ и $S' \neq S$, поскольку в модели M имеются моменты, несравнимые с m , что вытекает из аксиомы 9 теории TS);
- 2) $U' =_{\text{Df}} \cup S'$ и $J'(H) =_{\text{Df}} m$;
- 3) $J'(E)$ есть сужение $J(E)$ на множество S' .

Очевидно, что $M' = \langle U', J' \rangle$ — модель теории TS' . По определению, модель M' теории TS' является *переходом в будущее* относительно модели M теории TS .

Пусть $M_1 = \langle U_1, J_1 \rangle$ — произвольная модель теории TS , являющаяся расширением модели $M = \langle U, J \rangle$ теории TS' таким, что

- 1) $U \subset U_1, J_1(P) = J(P), J_1(H) = J(H)$;
- 2) $J(F) \subset J_1(F)$ и при этом множество соседних с $J_1(H)$ моментов, удовлетворяющих условию $m \in (J_1(F) \setminus J(F)) \& J_1(H) \subset J(E) m$, не пусто.

Назовем M_1 первым расширением в будущее для модели M .

Далее, пусть $M' = \langle U', J' \rangle$ — любая модель теории TS , для которой выполняются следующие условия:

- 1) $U_1 \subset U'$ и $J_1(P) = J'(P)$;
- 2) существует взаимно однозначная функция f из $S_1 =_{\text{Df}} J_1(P) \cup J_1(H) \cup J_1(F)$ на $S' =_{\text{Df}} J'(P) \cup J'(H) \cup J'(F)$ такая, что
 - a. $m_1 \subset J_1(E) m_2 \Leftrightarrow f(m_1) \subset J'(E) f(m_2)$;
 - b. для всех $m \in J_1(H) \cup J_1(F)$ выполняется $m \subset f(m), f(m) \setminus m \neq \emptyset$.

Тогда M' назовём *вторым расширением в будущее* для модели M .

Напомним, что ординал $\omega = \{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}\}, \dots\}$, где множества $\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}\}, \dots$ представляют числа 0, 1, 2, 3, В качестве ω^* возьмем множество $\{\dots, \{\{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}\}\}, \{\{\emptyset, \{\emptyset\}\}\}, \{\{\emptyset\}\}\}$, т.е. положим $\omega^* =_{\text{Df}} \{\alpha: (\exists \beta \in \omega \setminus \{\emptyset\}) (\alpha = \{\beta\})\}$. Тогда для каждого положительного $n \in \omega$ соответствующее отрицательное число $-n$ есть просто $\{n\} \in \omega^*$. Отношение порядка на множестве ω совпадает с отношением \in , суженным на ω . Множество ω^* упорядочим следующим образом:

$$(\forall \{n\}, \{m\} \in \omega^*) (\{n\} < \{m\} \leftrightarrow_{\text{Df}} m \in n).$$

Ясно, что так определенный порядок на множестве ω^* изоморфен порядку на множестве отрицательных целых чисел.

Здесь и далее в этом параграфе принимается равенство $LD = \omega^* + \omega$, т.е. множество LD упорядочено по типу множества всех целых чисел. Из описания множеств ω и ω^* следует, что множество $E(\omega^* + \omega) = E(LD)$ счётно. Кроме того, из равенства $|E(LD(x))| = |E(LD)|$, выполняющегося для каждого $x \in LD$, следует, что множество LD является E -равномерным (1).

Завершив предварительные шаги, перейдём к построению АВТ-программы BECOMING.ABT, моделирующей течение времени на основе теории TS.

Программа BECOMING.ABT

- I₁ DELETE X
- I₂ CHOOSE X | (X отрезок LD) & X = Y⁺
- I₃ IF X = LD THEN END
- I₄ DELETE Y
- I₅ CHOOSE Y | (Y отрезок LD) & Y = X⁺
- I₆ IF Y = LD THEN END
- I₇ DELETE X₁
- I₈ CHOOSE X₁ | X₁ ⊨ TS & X₁ — сужение в прошлое для Y₁
- I₉ DELETE Y₁
- I₁₀ CHOOSE Y₁ | Y₁ ⊨ TS' & Y₁ — переход в будущее относительно X₁
- I₁₁ DELETE X₁
- I₁₂ CHOOSE X₁ | X₁ ⊨ TS & X₁ — первое расширение в будущее для Y₁
& X₁ корректен & |Mm(X)| ≤ |Mm(Mm(X) ∪ Mm(Y) ∪ Mm(X₁) ∪ Mm(Y₁))|
- I₁₃ DELETE Y₁
- I₁₄ CHOOSE Y₁ | Y₁ ⊨ TS & Y₁ — второе расширение в будущее для X₁
& Y₁ корректен & |Mm(X₁)| ≤ |Mm(Y₁)|
- I₁₅ GOTO I₁

Вопрос о выполнимости программы BECOMING.ABT отложим на конец параграфа, а сейчас обратимся к концептуальной стороне дела.

С содержательной точки зрения процесс выполнения программы BECOMING.ABT подходящим АВТ-компьютером @ моделирует становление во времени, которое представляет из себя трансфинитный цикл, не имеющий ни начала, ни конца. Цикл обеспечивается инструкциями I₁ — I₆ и I₁₅, в совокупности

составляющими каноническую программу CC_LD (см. [3]). При этом инструкции I_3 и I_6 , завершающие цикл, в данном случае не нужны и могут быть исключены из программы $BECOMING.ABT$.

Метамоментом рассматриваемой модели становления будем называть модель $M = \langle U, J \rangle$ теории TS , возникшую после выполнения инструкции I_{14} . Все остальные модели, появляющиеся на свет в ходе выполнения программы $BECOMING.ABT$, образуют **квазиметамоменты**, каждый из которых, с одной стороны, есть след предыдущего исчезающего метамомента, а с другой — представляет из себя этап возникновения следующего нового метамомента.

Сосуществование в памяти компьютера двух метамоментов (это означало бы сосуществование двух метанастоящих) недопустимо по философским причинам, поэтому сосуществовать могут либо метамомент и квазиметамомент, либо квазиметамомент и квазиметамомент. На самом деле нет необходимости при обсуждении проблемы сосуществования добавлять «в памяти компьютера», поскольку в динамических универсумах *существовать* означает *существовать в памяти*. Те объекты, которые не находятся в памяти, не могут считаться существующими. Таким образом, достаточно проследить за перераспределением памяти, чтобы убедиться в том, что не возникает запретных ситуаций сосуществования уже прошедшего и еще не наступившего.

Первой инструкцией, не относящейся к каноническому циклу CC_LD , является инструкция I_7 . После ее выполнения существует только метамомент M , возникший в предыдущем цикле. Затем выполняется инструкция I_8 — метамомент по-прежнему существует, но уже рядом с квазиметамоментом, являющимся его следом. После выполнения I_9 остается только след безвозвратно ушедшего метамомента. При этом теряется часть ситуаций, образовывавших универсум U из M .

На следующем шаге (инструкция I_{10}) налицо первые признаки зарождения следующего метамомента: выбирается новое настоящее. Однако процесс потерь продолжается — ведь выбор настоящего сопровождается исчезновением всех альтернатив, утративших возможность осуществления в будущем. После выполнения I_{11} об этих альтернативах остается только гадать. Сказанное, между прочим, имеет отношение к расхожему вопросу о том, позволительно ли сослагательное наклонение в истории или нет? В рассматриваемой относительно простой модели становления ответ на поставленный вопрос однозначно отрицательный, но это обстоятельство не предрешает решения проблемы в более сложных моделях исторического процесса.

Последние шаги связаны с дальнейшей актуализацией нового метамомента, протекающей уже без каких-либо потерь в том смысле, что ни отдельные ситуации, ни множества ситуаций (моменты) не исчезают. На шаге I_{12} расширяется и множество ситуаций, и множество будущих альтернатив. Выполнение I_{13} устраняет лишь то, что и так содержится в первом расширении в будущее. Наконец, второе расширение в будущее (обогащающее возникающее настоящее и имеющиеся будущие альтернативы развития новыми ситуациями) в ходе выполнения I_{14} приводит к образованию нового метамомента. При этом сохраняет существование результат первого расширения — квазиметамомент. Затем цикл повторяется вновь.

В результате выполнения инструкций I_{12} и I_{14} должны получаться корректные модели теории **TS**. В содержательном плане пункт 2 определения корректной модели предотвращает процессы, в которых количество шагов трансфинитного цикла не согласуется с количеством моментов времени. Точнее, в соответствии с интуитивным представлением о том, что каждый момент прошлого когда-то был настоящим, а любой из моментов будущего может стать настоящим, необходимо иметь сохраняющее порядок взаимно однозначное соответствие между множеством $\omega^* + \omega$ и каждым из максимальных линейно упорядоченных подмножеств множества моментов времени. Тогда для каждого момента времени можно указать шаг трансфинитного цикла (отрезок множества $\omega^* + \omega$), на котором этот момент либо был настоящим, либо является настоящим, либо, возможно, им будет.

Как убедиться в том, что программа BECOMING.ABT будет успешно выполняться на подходящем ABT-компьютере? Программа BECOMING.ABT не только не должна завершать свое функционирование, но и не должна иметь начального шага выполнения. Выполнение таких программ возможно только на компьютерах с бесконечной памятью, что также накладывает свою специфику на рассуждения об ABT-программах. В этих условиях свойства f -корректности уже не достаточно: требуется ввести понятие *корректности относительно прошлого*, или **p -корректности**, фиксирующее отсутствие начала процесса. ABT-программы, являющиеся одновременно и f -, и p -корректными, будем называть **t -корректными**.

Если π — ABT-программа и I какая-либо инструкция из π , то запись вида $\uparrow\pi$ указывает на то, что процесс выполнения π на подходящем ABT-компьютере не имеет начала, а запись вида $\uparrow(I)\pi$ указывает на отсутствие первого выполнения инструкции I . Далее, запись типа $\{\uparrow(I)\pi(I)\uparrow\}Q$ будет означать, что процесс выполнения I не имеет ни первого, ни последнего шага, и что после каждого выполнения I предикат Q истинен. ABT-программу π , удовлетворяющую условию $\{\uparrow(I)\pi(I)\uparrow\}Q$, назовем **тотальной t -корректной относительно I и Q** .

Ключевой в программе BECOMING.ABT является инструкция I_{14} , выполнение которой завершает построение очередного метамомента. Всё, что на самом деле требуется, — это получить корректную модель теории **TS**. Так что утверждение о тотальной t -корректности программы BECOMING.ABT сформулировать несложно: $\{\{\uparrow(I_{14})\text{BECOMING.ABT}(I_{14})\uparrow\} Y_1 \models \text{TS} \ \& \ Y_1 \text{ корректен}$.

Теорема о тотальной t -корректности программы BECOMING.ABT (2).

Утверждение $\{\{\uparrow(I_{14})\text{BECOMING.ABT}(I_{14})\uparrow\} Y_1 \models \text{TS} \ \& \ Y_1 \text{ корректен}$ истинно тогда и только тогда, когда программа BECOMING.ABT выполняется на ABT-компьютере $@ = \langle \text{Mm}, \text{Pr} \rangle$ с бесконечной памятью. При этом в памяти Mm может находиться любая корректная модель M теории **TS** такая, что $|E(\text{M})| \leq |\text{Mm}|$.

Описанная в данной главе модель становления является универсумом с ограниченными ресурсами (уором). После выполнения инструкции I_{14} возможно, в частности, использование всей памяти без остатка для размещения сменяющих друг друга структур. На примере построенного уора хорошо видны, как нам представляется, специфические проблемы, возникающие в динамических универсумах, моделирующих течение времени.

§2. АВТ-ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ВРЕМЕНИ МУТАЗИЛИТОВ

Концепция времени представителей раннего калама мутазилитов является оригинальным достижением средневековой арабской мысли. Как нам представляется, в предельно кратком виде (подробнее см. [2]) эта концепция сводится к следующим шести основным положениям.

1. Моменты времени у мутазилитов не являются точечными объектами. Они наделены некоторой *структурой*, в основе которой *пара* событий.

2. События оказываются *действиями*. Пары сменяющих одно другое действий производят момент времени и, наоборот, любой момент есть такая пара действий, сменяющих одно другое.

3. В конкретных примерах первое действие может означать *уничтожение*, а второе действие — *сотворение*.

4. Момент у мутазилитов не длится, хотя и образован двумя событиями. Но эти события-действия сменяют друг друга и никогда не наличествуют вместе, и потому не могут быть отделены друг от друга, «разрезаны».

5. Модель времени мутазилитов является *дискретной*: она состоит из атомарных моментов времени.

6. В каждый момент атомарного времени мироздание уничтожается и возникает вновь: время *течет*.

Перед нами, несомненно, *динамическая концепция времени*. Более того, ей нет аналогов в европейской традиции. Никто и никогда там не представлял становление с такой глубиной и детализацией. Время у мутазилитов предстаёт не как застывшая геометрическая структура, а как состоящий из сменяющих друг друга действий дискретный процесс, одни части которого уже в прошлом, другие только предстоит осуществить, а какое-то действие осуществляется здесь и теперь. Вместо метафор и апелляций к интуиции арабская философия предлагает основанное на процессуальной логике объяснение хода течения времени.

Сопоставим эти положения с динамической АВТ-теорией времени, которая была построена в предыдущем параграфе. Как мы видели, эта теория имеет следующие особенности.

1. Каждый момент (точнее, метамомент, но это сейчас не важно) времени *структурирован* и представлен *шестью* событиями.

2. События оказываются *действиями*.

3. Имеются точно синтаксически и семантически заданные действия DELETE (логическая операция *уничтожения*) и CHOOSE (логический аналог *сотворения*).

4. Момент не длится в том смысле, что длится только время, состоящее из сменяющих друг друга моментов. «Разрезать» сам момент бессмысленно, хотя в его составе шесть событий-действий: как только какое-то из действий будут отброшено, выполнение оставшихся станет логически невозможным, течение времени прекратится!

5. Каждый актуально существующий момент t имел непосредственного предшественника t^- (если t не первый момент) и будет иметь непосредственного последователя t^+ (если t не последний момент). Таким образом, время оказывается *дискретным*.

6. Моменты времени, а вместе с ними всё мироздание (в модели теории), исчезают (но не полностью!) и появляются вновь (как бы прибавляя новое к старой основе). Время *течет*, мироздание находится в процессе *становления*.

Течение времени в сильно упрощённом виде может быть представлено следующим шести шаговым циклом преобразований π над тремя переменными M , P и F , представляющими мир *настоящего* (или мир актуально существующих вещей и событий) M , *прошлое* P , являющееся частью мира M , и грядущее *новое будущее* F , которое миру M не принадлежит.

1. Недетерминированным образом выбирается собственная часть M : CHOOSE $P \mid P \subset M$ и $P \neq M$. M и P сосуществуют, значения этих переменных определены. Значение F не определено.

2. Мир M *уничтожается*: DELETE M . Теперь переменная M не определена, ей ничего не сопоставлено. Зато переменная P по-прежнему определена. Это *прошлое*, та часть исчезнувшего мира, которая уцелела. Значение F не определено.

3. Недетерминированным образом выбирается *новое будущее*: CHOOSE $F \mid F \neq \emptyset$ и $P \cap F = \emptyset$. Значения переменных P и F определены. Значение M не определено.

4. *Возникает* новый мир M : CHOOSE $M \mid M = P \cup F$. Прошлое соединилось с будущим. Все три переменные M , P и F определены.

5. DELETE P, F . Есть только настоящее. Значения переменных P и F не определены, M определено.

6. GOTO 1. Возврат к шагу 1.

Формально, прокомментированные шаги 1—6 сводятся к выполнению следующей *ABT*-программы π .

(π)

1. CHOOSE $P \mid P \subset M \ \& \ P \neq M$
2. DELETE M
3. CHOOSE $F \mid F \neq \emptyset \ \& \ P \cap F = \emptyset$
4. CHOOSE $M \mid M = P \cup F$
5. DELETE P, F
6. GOTO 1

ABT-программа π в процессе выполнения осуществляет *переход* от момента настоящего к следующему настоящему. Поскольку двух «настоящих» быть не может, они никогда не сосуществуют: прежде, чем появится новое настоящее (шаг 4), предыдущее успевает исчезнуть (шаг 2). Из таких дискретных переходов складывается *течение времени*. Точно таким же образом осуществляется переход от акта уничтожения к акту сотворения у мутазилитов. Возникает естественный вопрос: сколько *длится* этот переход? Но этот вопрос неправильно поставлен. Его пресуппозицией является утверждение, что *ABT*-программа π или переход мутазилитов выполняется *во времени*, что каждый соответствующий цикл занимает некоторое время. Однако, данное утверждение в рассматриваемой ситуации *ложно*. Само выполнение *ABT*-программы π или сам по себе переход от акта уничтожения к акту

сотворения у мутазилитов *порождает* время. Бессмысленно утверждать, что порождение времени происходит во времени, что оно занимает какое-то время. *Становление или течение времени не происходит во времени, оно и есть время.*

Как же тогда быть с законным фундаментальным вопросом: *Сколько прошло времени или сколько пройдёт (потребуется) времени?* На данный вопрос ни концепция мутазилитов, ни моделирующая ее вычислительная интерпретация, представленная АВТ-программой π , ответа не дает. Эти конструкции онтологически *первичны*, в них еще нет счета времени. Чтобы такой счет мог возникнуть, требуется, как минимум, осуществить два существенных усложнения исходной модели. Во-первых, надо мир M представить в виде *метамомента*: упорядоченной структуры «внутренних» моментов. Например, такая структура могла бы удовлетворять аксиомам о ветвлении моментов в будущее и их линейности в прошлое, как уже было показано. Во-вторых, на множестве подмножеств тем или иным образом упорядоченных моментов необходимо ввести функцию *меры* или какой-то подходящий ее аналог. Но всё это технически сложно и лежит далеко за пределами построений мутазилитов и проблемы их интерпретации.

Еще одно напрашивающееся возражение связано с использованием терминов «раньше, чем», «позже, чем», «сейчас», «теперь» и т.п. применительно к процессу выполнения АВТ-программы π или актам уничтожения и сотворения мутазилитов. Не являются ли обороты типа «пусть сейчас выполняется шаг n АВТ-программы π », «шаг 3 АВТ-программы π выполняется раньше, чем шаг 4» «акт уничтожения предшествует акту возникновения» и т.д. незаконными, вводящими темпоральные понятия там, где еще нет времени. На наш взгляд, необходимо выделять два слоя темпоральных понятий. Один слой относится к структуре *множества моментов*, другой, более глубинный, — к структуре самих *моментов*. Момент времени структурирован, но не статичным теоретико-множественным образом, а динамически, через смену составляющих его событий или действий. Например, в утверждениях «момент t раньше момента t^* » и «акт уничтожения происходит раньше акта возникновения» содержится одинаковое слово «раньше», но за ним в первом и во втором случае скрываются разные понятия, имеющие отдельную область применимости.

Мутазилиты фактически предложили в качестве представления времени двух-элементный цикл *уничтожение — возникновение*. Но можно ли представить такой цикл шагом 2 и шагом 4 в следующей форме: Мир M *уничтожается*: DELETE M ; *Возникает* новый мир M : CHOOSE M ? По нашему мнению, нельзя. Ведь тотальное уничтожение мира и последующее возникновение ниоткуда взявшегося нового не обеспечивает никакой *преемственности* между действиями по уничтожению и возникновению.

Однако дело не так просто. Как пишет А.В. Смирнов, «В своем подлинном начальном варианте теория времени, как она была создана первыми мутакаллимами, мутазилитами (а не пересказана столетия спустя поздними мутакаллимами, ашаритами, а с их слов - и другими мыслителями) отнюдь не предполагает тотальное уничтожение мира и возникновение заново всего мира. Акты *уничтожение — возникновение* относятся у них только к акциденциям, но не к субстанциям. От-

стаивая субстанциальную устойчивость мира, мутазилиты, вероятно, видели в этом ответ на вопрос о преемственности между отдельными моментами существования мира» [2. С. 158].

Вернемся к вопросу о вычислительной интерпретации концепции времени мутазилитов. Акты уничтожения и сотворения можно представлять как сложные, т.е. составленные из нескольких базовых (далее неделимых) действий. В этом случае наша АВТ-программа π воспроизведет двухэлементную модель мутазилитов посредством *соединения* шагов: шаги 1—2 соответствуют *уничтожению*, шаги 3—5 — *возникновению*. Правда, при этом шаг 6 всё-таки выпадает. Однако, это так только с формальной стороны. В содержательном отношении нет никаких сомнений, что акты уничтожения и возникновения в концепции мутазилитов повторяются вновь и вновь, образуя то, что мы теперь называем циклом.

Утверждать, что двухэлементный цикл мутазилитов не сопоставим напрямую с шестизлементным циклом АВТ-теории — все равно, что отрицать прямую сравнимость двухтактных и четырехтактных двигателей внутреннего сгорания. А если вспомнить, что в двухтактном двигателе за один такт выполняется несколько операций, которые в четырехтактном двигателе разделены, то аналогия становится поистине полной. Но четырехтактный двигатель лучше двухтактного. Поэтому мы не призываем вернуться к двухтактной темпоральной модели мутазилитов. Но для своего времени эта модель была высочайшим достижением. Более того, если уж говорить о проблеме времени сегодня, то в философском отношении лучше пользоваться концепцией мутазилитов, чем современными лишенными каких бы то ни было динамических темпоральных характеристик геометрическими моделями физиков.

В заключение кратко обсудим ещё одну любопытную проблему. Последовательность шагов *уничтожение — возникновение* у мутазилитов не случайна, т.е. она не обращается. *Сначала* уничтожение (D), *потом* возникновение (C). Но вот вопрос: можно ли уничтожить то, чего нет, уничтожить не существующее? На этот вопрос напрашивается отрицательный ответ: уничтожить можно только уже существующее, т.е. то, что возникло в предшествующий момент времени. А если так, то действие уничтожения предполагает, что какой-то мир до этого акта *уже существовал*. Но и он возник лишь благодаря тому, что до этого был уничтожен более ранний мир и т.д., до бесконечности. *Время в этом случае не должно иметь начала!*

.....DC, DC, DC, DC.....

Именно этот вариант интерпретации динамической концепции времени реализован в философии суфизма: здесь существующий во времени мир «параллелен» существующему в вечности Богу и, как и последний, не имеет временного начала.

Однако возможно и другое решение: Бог мог сотворить первый мир из ничего, породив затем цепочку уничтожений и возникновений.

C, DC, DC, DC, DC.....

Этот вариант реализован в концепциях тех мутазилитов, которые придерживались коранического тезиса о творении мира из ничего и, следовательно, о начале мира во времени.

Что касается предлагаемой вычислительной *ABT*-интерпретации, то последовательность *сначала уничтожение, потом возникновение* в ней была четко реализована. Шаг 2 уничтожения мира M *предшествует* шагу 4 сотворения нового M . Но теперь вопрос о начале времени решается однозначно: *ABT*-программа π *не имеет первого шага выполнения*. Это легко формально доказать, опираясь на заданную семантику операторов языка *ABT*. Такова цена вопроса о том, в какой последовательности осуществляются акты уничтожения и сотворения. Но можно ли реализовать вторую возможность, в которой время имеет начало? В качестве ответа предъявим следующую *ABT*-программу π^* .

(π^*)

1. CHOOSE $M \mid M \neq \emptyset$
2. CHOOSE $P \mid P \subset M \ \& \ P \neq M$
3. DELETE M
4. CHOOSE $F \mid F \neq \emptyset \ \& \ P \cap F = \emptyset$
5. CHOOSE $M \mid M = P \cup F$
6. DELETE P, F
7. GOTO 2

Процесс выполнения этой программы идёт как раз по типу ряда $C, DC, DC, DC, DC, DC, \dots$ с первым шагом, соответствующим началу времени. Затем акты уничтожения и возникновения (именно в таком порядке) повторяются до бесконечности.

А как быть с симметричным вопросом о конце времён? В логике рассуждений мутазилитов нет никаких оснований для выбора последнего момента времени. И если Бог решит когда-то уничтожить мир, но затем его не воссоздавать, то сделано это будет в неведомом будущем и по причинам, выходящим за границы концепции времени как таковой. В *ABT*-теории предъявить программу, моделирующую течение времени и при этом обречённую на завершение своей работы, не так то просто. Можно, конечно, ввести счётчик числа циклов, по завершению которого программа остановится. Но кто решится сказать, сколько в точности мгновений осталось существовать миру?

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Функция E , константа LD и понятие E -равномерности введены в [1] и также в [4].
- (2) Доказательство этой теоремы мы не приводим, т. к. из-за своей технической сложности оно выпадает из ориентированного на доступность материала статьи. Его можно найти в работе [1].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Анисов А.М.* Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М., 1991.
- [2] *Анисов А.М., Смирнов А.В.* Логические основания философии времени мутазилитов // *Философский журнал*. 2009. № 2 (3). С. 132—163.
- [3] *Анисов А.М.* Креативная недетерминированная вычислимость // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия»*. 2009. № 3. С. 80—92.
- [4] *Анисов А.М.* Феномен течения времени. Логико-философский анализ. LAP LAMBERT, 2012.
- [5] *Черч А.* Введение в математическую логику. М., 1960.

ONTOLOGY CURRENTS OF TIME: ABSTRACT COMPUTING MODELS

A.M. Anisov

Department of Epistemology and Logic
Institute of Philosophy RAS
Goncharnaya, 12/1, Moscow, Russia, 109240

In article by means of abstract computing models on the basis of the language of programming ABT created by the author is under construction ontology currents of time. One of models specifies the original concept of atomic time which has arisen in medieval Arabian philosophy.

Key words: current of time, becoming, computing model, the Arabian philosophy of time.

REFERENCES

- [1] Anisov A.M. Vremja i komp'juter. Negeometricheskij obraz vremeni. M., 1991.
- [2] Anisov A.M., Smirnov A.V. Logicheskie osnovanija filosofii vremeni mutazilitov. *Filosofskij zhurnal*. 2009. No. 2 (3). S. 132—163.
- [3] Anisov A.M. Kreativnaja nedeterminirovannaja vychislimost'. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija»*. 2009. № 3. S. 80—92.
- [4] Anisov A.M. Fenomen techenija vremeni. Logiko-filosofskij analiz. LAP LAMBERT, 2012.
- [5] Cherkh A. Vvedenie v matematicheskuju logiku. M., 1960.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕЗИС ОБОБЩЕННОЙ БУЛЬ \cap ФРЕГЕ СЕМАНТИКИ

С.А. Павлов

Сектор теории познания
Институт философии РАН
Гончарная ул., 12/1, Москва, Россия, 109240

На основании совместного рассмотрения семантик логик Буля и Фреге с последующим их согласованием построена семантическая теория, которая названа Буль \cap Фреге семантикой. Онтологический тезис, лежащий в основе Буль \cap Фреге семантики и существенно отличающий ее от других семантик, состоит в следующем: единственным используемым денотатом в этой семантике является денотат *истина*.

Ключевые слова: истина, денотат, семантика, Буль, Фреге.

Введение. В статье рассмотрены и согласованы основные положения семантик логик Буля и Фреге. Полученная семантическая теория, которая названа Буль \cap Фреге семантикой, является исходной теорией новой программы построения и онтологического обоснования логики [6].

Необходимость новой программы построения и обоснования логики связана с тем, что к настоящему времени построено бесконечное число формальных (логических) систем. Среди них не выделено ни одной, с которой согласилось бы все логическое сообщество. По этому поводу в учебнике по логике [2] пишут «В современной науке однозначно установлено, что существует не одна на все времена данная нам логика. На самом деле логик очень много, более того — их бесконечно много». Не все логики подписались бы под словами «однозначно», «бесконечно много», но авторы выражают достаточно распространенное мнение.

Имеются два порядка (варианта) построения логик:

в первом:

- 1) во вводных разъяснениях дается представление о языке логики,
- 2) задается формализованный язык логики,
- 3) задается семантика языка логики,
- 4) задаются аксиомы и правила вывода логики,
- 5) исследуются металогические свойства логики (сравнить с [1; 4]).

В этом случае логический плюрализм связан с наличием множества различных семантик. Аксиомы и правила вывода логики должны соответствовать заданной семантике.

Во втором меняют последовательность 3-го и 4-го пунктов:

- 1) во вводных разъяснениях дается представление о языке логики,
- 2) задается формализованный язык логики,
- 3*) задаются аксиомы и правила вывода логики,
- 4*) задается семантика языка логики,
- 5) исследуются металогические свойства логики.

В последнем случае можно говорить о применении принципа конвенциональности (толерантности) Карнапа: «В логике нет морали. Каждый свободен построить свою собственную логику, то есть свою собственную форму языка по своему желанию. Все, что от него требуется, если он желает обсуждать ее, это ясно изложить свой метод и дать синтаксические правила вместо философских аргументов». Но и здесь предлагаемые логики (и «логики») необходимо обосновать с помощью подходящих семантик.

Потому выберем первый вариант построения логик для его анализа, уточнения и модификации, результатом которых будет новая программа построения и обоснования логики. Необходимо отметить, что областью исследования будут те дедуктивные системы, которые пригодны для проведения логических рассуждений и для которых существенно использование таких логических оценок как «истинно» и «ложно».

Начнем с обсуждения отдельных пунктов.

1) В естественном языке к языку логики относятся предложения в грамматическом смысле, например: «Солнце светит», «Снег черный» и т.д., связки: «или», «если, то» и другие логические слова. Будем допускать наличие таких предложений, как например: «Зеленые идеи яростно спят» и т.п. То есть с самого начала не будем ограничиваться двужначными высказываниями.

2) Формализованный язык логики состоит из алфавита и правил образования формул и термов. В частности язык сентенциальной логики:

Алфавит:

s, s_1, s_2, \dots сентенциальные переменные;

\sim, \rightarrow логические константы, обозначающие отрицание и импликацию;

(,) технические символы.

Правила образования

1.1. Если v есть сентенциальная переменная, то (v) есть элементарная формула.

1.2. Если P есть элементарная формула, то P есть правильно построенная формула (ппф).

2. Если P есть ппф, то $(\sim P_1)$ и $(P_1 \rightarrow P_2)$ есть ппф.

3. Ничто иное не является ппф.

Множество элементарных формул языка логики будем обозначать как EFOR, а множество ппф как FOR.

Имеется два этапа построения логики: первый, на котором будем использовать только EFOR и второй, на котором будем использовать FOR.

3) Семантика языка логики, имеющей многозначную интерпретацию, состоит из двух частей: α) семантическая метатеория, в язык которой входят FOR, истинностные значения (логические значения), функция оценки, определение общезначимых формул и т.п. а также β) семантические правила.

Продолжим построение семантики, используя рассмотрение семантик логик Буля и Фреге с последующим их согласованием, которое назовем Буль \cap Фреге семантикой.

Обобщение Буль \cap Фреге семантики на неклассические случаи и онтологический тезис

Представляет интерес сопоставить смыслы семантических терминов языков логической семантики, рассматривая их в контекстах концепций Дж. Буля и Г. Фреге.

Принято считать, что основы современной логики заложены Дж. Булем. В ней Буль связывает с истиной универсальный класс (the Universe) или 1, а с ложью связывает Ничто (Nothing) 0 или пустое множество \emptyset .

Проводят сопоставление операций логики Буля с операциями алгебры множеств [10].

Логика	Алгебра множеств
высказывание	множество
F	Пустое множество \emptyset
T	Универсальное множество U
Дизъюнкция \vee	Объединение \cup
Конъюнкция \wedge	Пересечение \cap
Негация \sim	Дополнение

Приведем примеры

$$\begin{array}{ll}
 P \vee F = P & A \cup \emptyset = A \\
 P \wedge F = F & A \cap \emptyset = \emptyset \\
 P \vee T = T & A \cup U = U \\
 P \wedge T = P & A \cap U = A \\
 P \wedge P = P & A \cap A = A \\
 P \wedge \sim P = F & A \cap \sim A = \emptyset
 \end{array}$$

Особенностью семантики Фреге явилась его идея рассмотрения повествовательных предложений как имен, денотатом (bedeutung, reference) которых являются абстрактные предметы: либо истина, либо ложь. В [7] Фреге предложил «на каждое утвердительно-повествовательное предложение... смотреть как на собственное имя, причем на такое, значение которого, если оно существует, есть либо истина, либо ложь».

Другими словами, имеется дилемма, гласящая, что всякое предложение A обозначает либо истину, либо A обозначает ложь.

Имеем также равнозначные этой дилемме эквивалентности:

- 1) A обозначает ложь е.т.е. неверно, что A обозначает истину;
- 2) A обозначает истину е.т.е. неверно, что A обозначает ложь.

Фреге в своем учении об истинности и ложности выдвигает следующие тезисы:

- I. Всякое истинное предложение обозначает истину.
- II. Всякое ложное предложение обозначает ложь.

Также из положений Фреге следуют дилемма:

либо A истинно, либо A ложно; которая выражает принцип бивалентности (двузначности).

Развивая свою семантику далее, Г. Фреге переходит от исходного отношения обозначения и денотатов к функции оценки и ее аргументам, расширяя ее понима-

ние и область определения от множества чисел до множества предметов, включая абстрактные. Он пишет: «Тут я говорю: „значение нашей функции есть некоторое значение истинности“ и затем „Теперь можно рассмотреть некоторые функции, которые для нас важны именно тогда, когда их аргументом является истинностное значение“» [8].

А. Черч отмечает, что имеется два семантических отношения: «обозначать» (denoting) и «принимать значение» (having values), о которых он пишет: «при рассмотрении семантических правил формализованного языка мы предполагали понятия „обозначать“ и „принимать значения“ уже известными и использовали семантические правила для того, чтобы дать содержание прежде не интерпретированной логической системе» [9].

Исходя из этих двух отношений, построим соответствующие две семантики: V -семантику, в которой используется отношение обозначения и денотаты: истина и ложь, и V -интерпретацию, в которой используется функция оценки $v(A)$, соответствующая отношению «принимать значение», и истинностные значения: 1 и 0, для языка классической сентенциальной (пропозициональной) логики (логики высказываний). Более подробно см. в [5].

Соотношение между V -семантикой и V -интерпретацией следующее:

$v(A) = 1$ соответствует тому, что A обозначает истину;

$v(A) = 0$ соответствует тому, что A обозначает ложь.

Пользуясь вышеприведенной эквивалентностью 1), в семантических правилах V -семантики фразу «Предложение обозначает ложь» заменим фразой «неверно, что предложение обозначает истину». Полученную переформулировку V -семантики назовем V^T -семантикой.

Соотношение V^T -семантики и V -семантики в этом случае будет следующее:

$v(A) = 1$ соответствует тому, что A обозначает истину;

$v(A) = 0$ соответствует тому, что неверно, что A обозначает истину.

Рассмотрение полученной формулировки V^T -семантики и правой части ее соотношения с V -интерпретацией, в которых не употребляется и не используется денотат ложь, вызывает вопрос:

Является ли необходимым положение о существовании денотата ложь?

Для построения семантики классической логики ответ отрицательный, то есть утверждение о существовании денотата ложь не является необходимым, так как мы уже имеем V^T -семантику и соотношение последней с V -интерпретацией, в которых не используется денотат ложь. Подчеркнем, что изменение онтологического статуса денотата ложь самой V -интерпретации не затрагивает, так как в ней используются аргументы и значения функции из множества $\{0, 1\}$, а не денотаты.

Чтобы эти соотношения и функции можно было рассматривать как функциональную интерпретацию языка логики L , необходимо продолжить модификацию семантики Фреге. Коррекция будет состоять в отказе от отождествления значений функций, интерпретирующих сентенциальные связки, с денотатами соответствующих формул. Вместо последних в качестве аргументов и значений функций можно взять элементы из множества $\{1, 0\}$.

То есть теперь денотат предложения не есть значение функции — они не отождествляются. Следовательно, истина не есть аргумент или значение функции.

Так в логике Буля лжи сопоставляется 0 или Ничто, то есть пустое множество \emptyset .

Поэтому предпочтем отбросить как несуществующий денотат ложь.

Что же касается ложных предложений то они остаются, к сожалению, то есть предикатов или операторов остается два: истинно и ложно.

Положения фрегевского учения об истинности и ложности модифицируются следующим образом: первое остается неизменным, а второе звучит так:

Всякое ложное предложение не обозначает истину.

Возникает вопрос относительно предложений, которые не обозначают истину. Возможны два варианта: первый — рассматривать их как пустые имена (смысл их остается неизменным), второй — полагать, что предложения, подобно понятиям или именам, имеют экстенционал и интенционал, как это предложил Р. Карнап. Второй вариант предпочтительнее: не надо предложения рассматривать как имена, но предложения будут иметь пустой экстенционал и непустой интенционал или смысл. Также отметим, что в обоих вариантах все предложения, которые не обозначают истину, равнообъемны (эквивалентны).

С точки зрения семантики Фреге экстенционалом предложений, которые являются единичными именами, являются либо истина, либо ложь.

Вместо оперирования объемами единичных имен перейдем к операциям на множествах.

Сначала проведем сопоставление семантики Фреге и алгебры множеств.

Для сопоставления формул языка логики с логическими связками формулам языка алгебры множеств с алгебраическими операциями будем соотносить семантические утверждения, такие как формула A обозначает денотат d или перефразируя:

денотат d обозначается формулой A , с утверждениями алгебры множеств такими, что

элемент x принадлежит множеству M , то есть ($x \in M$).

Далее:

Имеем два денотата: истина и ложь.

Имеем множество {истина, ложь} с его подмножествами.

Сопоставим: денотату истина элемент истина,

а денотату ложь элемент ложь.

Формуле A вышеприведенного языка L сопоставим множество, обозначаемое как $M(A)$, следующим образом: семантическому утверждению, что формула A обозначает денотат d сопоставим утверждение алгебры множеств, что элемент d принадлежит множеству $M(A)$, то есть ($d \in M(A)$). $M(A)$ определяется так:

$$M(A) = \begin{cases} \{\text{истина}\}, & \text{если } A \text{ обозначает истину,} \\ \{\text{ложь}\}, & \text{если } A \text{ обозначает ложь.} \end{cases}$$

Пусть, к примеру, A истинно. Тогда истинному предложению A , которое обозначает истину, сопоставлено множество $M(A)$, которому принадлежит элемент истина, то есть $M(A) = \{\text{истина}\}$ и $(\text{истина} \in M(A))$.

Для формулы с конъюнкцией $M(A \wedge B)$ получаем таблицу:

		M(B)	
	M(A \wedge B)	{истина}	{ложь}
M(A)	{истина}	{истина}	{ложь}
	{ложь}	{ложь}	{ложь}

Напомним, что два множества равнообъемны (имеют один и тот же экстенционал), если им принадлежат одни и те же элементы и приведем аксиому экстенциональности (равнообъемности).

$$\forall x ((x \in y) \leftrightarrow (x \in z)) \rightarrow (y = z)$$

В алгебре множеств имеет место соотношение:

$$(x \in M(A)) \wedge (x \in M(B)) \equiv (x \in (M(A) \cap M(B)))$$

Можно поставить вопрос о сопоставлении формулы языка логики ($A \wedge B$) и формулы языка алгебры множеств ($M(A) \cap M(B)$), а также о сопоставлении отрицания операции дополнения. Вопрос: имеет ли место соотношение:

$$M(A \wedge B) = (M(A) \cap M(B)) \text{ (имеют ли один и тот же экстенционал)} \quad ?$$

Ответ отрицательный, что видно из сравнения таблицы для $M(A \wedge B)$ с нижеприведенной таблицей для $(M(A) \cap M(B))$, полученной по законам алгебры множеств.

		M(B)	
	(M(A) \cap M(B))	{истина}	{ложь}
M(A)	{истина}	{истина}	\emptyset
	{ложь}	\emptyset	{ложь}

Тогда поставим следующий вопрос: возможно ли так изменить семантику Фреге, чтобы имели место вышеупомянутое соотношение $M(A \wedge B) = (M(A) \cap M(B))$?

Ответ положительный. Достаточно модифицировать семантику Фреге так, чтобы отбросить денотат ложь как несуществующий.

При этом семантические утверждения модифицируются таким же образом как для B^T -семантики.

Далее соответственно модифицируем соответствующие соглашения в сопоставлении с алгеброй множеств.

Сопоставляем денотату истина элемент истина.

Имеем множество {истина} и его подмножества.

$$M(A) =_{df} \begin{cases} \{\text{истина}\}, & \text{если } A \text{ обозначает истину,} \\ \emptyset, & \text{если неверно, что } A \text{ обозначает истину.} \end{cases}$$

Пусть, к примеру, A ложно. Тогда ложному предложению A , для которого неверно, что A обозначает истину, сопоставлено множество $M(A)$, которое является пустым, то есть $M(A) = \emptyset$ и $\neg(\text{истина} \in M(A))$.

Тогда имеют место соотношения (как в вышеприведенной таблице в начале статьи для конъюнкции \wedge и пересечения \cap)

$M(A \wedge B) = (M(A) \cap M(B))$, так как в этом случае

$M(A \wedge B)$	$\{\text{истина}\}$	\emptyset
$\{\text{истина}\}$	$\{\text{истина}\}$	\emptyset
\emptyset	\emptyset	\emptyset

$(M(A) \cap M(B))$	$\{\text{истина}\}$	\emptyset
$\{\text{истина}\}$	$\{\text{истина}\}$	\emptyset
\emptyset	\emptyset	\emptyset

а также имеет место соотношение $(\{\text{истина}\} \setminus M(A)) = M(\sim A)$, устанавливающее связь между отрицанием и дополнением (аналогично для $M(A \vee B) = (M(A) \cup M(B))$).

Вывод из данного рассмотрения состоит в том, что для того, чтобы имело место соотношение, связывающее конъюнкцию и операцию пересечения множеств $M(A \wedge B) = (M(A) \cap M(B))$, а также чтобы имели место соотношения, связывающие между собой другие логические связки и операции алгебры множеств, необходима такая модификация семантики Фреге, которая состоит в отбрасывании денотата ложь как несуществующего. Тем самым в модифицированной семантике Фреге имеются экстенциональные соотношения, подобные тем, что характерны для логики Буля. Поэтому полученную семантику называется Буль \cap Фреге семантикой. Также отметим, что для логики, являющейся определенным образом семантически интерпретированной системой, важно семантическое происхождение значений истинностных функций и их аргументов.

Неклассический случай

В классическом случае имеет место дилемма истины: либо предложение A обозначает истину, либо предложение «неверно, что A » (символически $\sim A$) обозначает истину.

Принцип бивалентности не имеет места в неклассическом случае, а значит, не имеет места и дилемма истины. Поэтому в этом случае имеет смысл выяснять отношение к истине или лжи для предложения A и предложения $\sim A$ независимо. При этом рассмотренную выше формулировку B^T -семантики можно распространить и на неклассический случай. Предложению A поставим в соответствие упорядоченную пару предложений $\langle A, \sim A \rangle$, каждое из которых независимо одно от другого может обозначать либо не обозначать истину, то есть будем использовать бисентенциальную семантику.

Тем самым и в этом неклассическом случае нет необходимости принимать предположение о существовании денотата ложь.

В этом случае тезисы фрегевского учения об истинности и ложности модифицируются следующим образом: первый остается неизменным, а второй звучит так.

Для всякого ложного предложения A , $\sim A$ обозначает истину.

Отметим, что у нас осталось два разных отрицания: одно (синтаксическое \sim) принадлежит языку логики, другое (семантическое «неверно, что») метаязыку се-

мантики. Тем самым для каждой пары предложений имеем четыре возможных варианта денотации, выражаемых в тетралемме истины.

Либо A обозначает истину и неверно, что $\sim A$ обозначает истину;
либо неверно, что A обозначает истину, и $\sim A$ обозначает истину;
либо A обозначает истину и $\sim A$ обозначает истину;
либо неверно, что A обозначает истину, и
неверно, что обозначает истину.

С учетом того, что A ложно означает то же, что $\sim A$ истинно, членам тетралеммы можно сопоставить четыре оценки: T — истинно и не ложно, F — ложно и не истинно, V — истинно и ложно, N — ни истинно, ни ложно соответственно.

Таким образом, показано, что семантики с единственным денотатом «истина» могут быть согласованы с двух-, трех- и четырехвалентными интерпретациями логик, а также рассмотрены соотношения логических связей и операций алгебры множеств, связывающие синтаксические, семантические и онтологические аспекты сентенциальной логики и требующие определенных модификаций семантики Фреге.

Таким образом, можно констатировать, что проведенное сопоставление смыслов понятий истинности и ложности в различных языках логической семантики в контекстах концепций Дж. Буля, Г. Фреге и Р. Карнапа, показало, что *согласование* этих смыслов возможно на пути взаимных модификаций этих концепций.

Элементарная теория операторов истинности и ложности и логика Бочвара

Рассмотрение фрегевского учения об истинности и ложности показывает, что в качестве исходных терминов имеет смысл принимать операторы истинности и ложности, так как именно они фигурируют в качестве антецедентов тезисах его учения.

Построение элементарной теории операторов истинности и ложности начнем с аксиоматического задания свойств оператора истинности на множестве предложений. Эти предложения в общем случае не обязательно должны быть двузначными, то есть для исходного языка логика не обязательно классическая.

Для высказываний об истинности предложений принимается классическая логика высказываний.

Предложения и выражения любого языка принято оценивать не только на истинность, но и на ложность. Учтем при этом, что неистинность предложений в общем случае не всегда означает его ложность. Поэтому наряду с оператором истинности T вводим в рассмотрение логически независимый от него оператор ложности F .

В область определения операторов истинности и ложности войдут как исходные предложения, так и высказывания об истинности (и ложности) предложений. При этом будем допускать итерацию операторов истинности и ложности.

Язык элементарной теории операторов истинности и ложности ε TFT

Алфавит ε TFT:

- s, s_1, s_2, \dots сентенциальные переменные;
- \neg, \Rightarrow логические константы, обозначающие отрицание и импликацию;
- T, F , логические константы, обозначающие операторы истинности и ложности;
- $(,)$ технические символы.

Правила образования

1.1. Если v есть сентенциальная переменная, то (v) есть элементарная формула.

1.2. Если E есть элементарная формула, то E есть правильно построенная формула (ппф).

1.3. Если A есть ппф, то (TA) и (FA) есть ппф.

Из всего класса ппф выделим подкласс формул, которые образованы из префиксированных операторами истинности или ложности формул (называемыми в дальнейшем TF-формулами (TF-ф.)).

2.1. Если A есть ппф, то (TA) и (FA) есть TF-ф.

2.2. Если P_1, P_2 есть TF-ф., то $(TP_1), (FP_1), (\neg P_1)$ и $(P_1 \Rightarrow P_2)$ есть ппф и TF-ф.

3. Ничто иное не является ппф и TF-ф.

Метапеременные: A, B, C, \dots для ппф;

P, P_1, P_2, \dots для TF-ф.

Принимаем обычные соглашения насчет опускания скобок.

Определим ряд производных связок классическим образом.

$$D1.1.1. (P_1 \wedge P_2) =_{df} \neg(P_1 \Rightarrow \neg P_2),$$

$$D1.1.2. (P_1 \vee P_2) =_{df} (\neg P_1 \Rightarrow P_2),$$

$$D1.1.3. (P_1 \underline{\vee} P_2) =_{df} ((P_1 \vee P_2) \wedge \neg(P_1 \wedge P_2)),$$

$$D1.1.4. (P_1 \Leftrightarrow P_2) =_{df} ((P_1 \Rightarrow P_2) \wedge (P_2 \Rightarrow P_1)).$$

Определим оператор строгой истинности \lceil :

$$D1.3.1. \lceil A =_{df} (TA \wedge \neg FA),$$

Схемы аксиом

$$A1.1. (P_1 \Rightarrow (P_2 \Rightarrow P_1))$$

$$A1.2. (P_1 \Rightarrow (P_2 \Rightarrow P_3)) \Rightarrow ((P_1 \Rightarrow P_2) \Rightarrow (P_1 \Rightarrow P_3))$$

$$A1.3. ((\neg P_1 \Rightarrow \neg P_2) \Rightarrow (P_2 \supset P_1))$$

К этим схемам аксиом добавим аксиомы редукции, которые выражают условия истинности и ложности для TF-формул.

$$A1.4.1. TP \Leftrightarrow P$$

$$A1.4.2. FP \Leftrightarrow \neg P$$

Правила вывода

$$R2.1 \frac{P_1, (P_1 \Rightarrow P_2)}{P_2} \text{ MP}$$

Правила введения и удаления \lceil :

$$R2.1 \frac{A}{\lceil A} \quad R2.2 \frac{\lceil A}{A}$$

Завершена формулировка элементарной теории операторов истинности и ложности ε TFT.

Теоремы

T1.1. $(\top A \vee \neg \top A)$.

T1.2. $(\perp A \vee \perp A)$.

Вышеприведенные дилемма истинности и дилемма ложности приводят к тетралемме истинности и ложности, которая содержательно звучит так:

Всякое предложение либо истинно и не ложно; либо ложно и не истинно; либо истинно и ложно; либо не истинно и не ложно.

Отметим, что оператор строгой истинности \top соответствует первому члену тетралеммы:

Интерпретация

Имеем четырехзначную интерпретацию с вышеопределенными значениями: T, F, B, и N.

Выделенное значение — T.

Таблицы значений для исходных и производных связок и операторов:

P	\neg P
T	F
F	T

\Rightarrow	T	F
T	T	F
F	T	T

A	$\top A$	$\perp A$	$\top A$
T	T	F	T
F	F	T	F
B	T	T	F
N	F	F	F

Исчисление $\mathbf{E_{TFT}}$ непротиворечиво и семантически полно относительно предложенной интерпретации.

Имеет смысл сравнить эту интерпретацию с таблицами операторов и связок логики Бочвара.

Бочвар [4] строит трехзначную логику с помощью таблиц для связок $\sim, \vdash, \overline{}, \cap$. Бочвар предлагает рассматривать три истинностных значения: R («истина»), F («ложь»), S («бессмыслица»), а также классифицировать связки, различая внешние и внутренние:

- внутреннее отрицание $\sim A$ («не-А»),
- внутренняя логическая сумма $A \cap B$ («А и В»),
- внешнее утверждение $\vdash A$ («А верно»),
- внешнее отрицание $\overline{} A$ («А ложно»).

\cap	R	F	S
R	R	F	S
F	F	F	S
S	S	S	S

A	$\sim A$	$\vdash A$	$\overline{} A$
R	F	R	F
F	R	F	R
S	S	F	F

Для внешних связок и префиксированных ими формул имеет место классическая логика, так же как и для операторов T и F. Можно считать последние продолжением внешнего утверждения и внешнего отрицания логики Бочвара. Отличие же между логически независимыми операторами T и F и внешними связками состоит в том, что для последних имеет место зависимость: если $\vdash A$, то $\overline{} \overline{} A$.

Выводы

Рассмотрены несколько первых пунктов новой программы построения и онтологического обоснования логики. На основании совместного рассмотрения семантик Буля и Фреге с последующим их согласованием построена семантическая теория, которая названа Буль \cap Фреге семантикой. Онтологический тезис, лежащий в основе Буль \cap Фреге семантики и существенно отличающий ее от других семантик, состоит в следующем: единственным используемым денотатом в этой семантике является денотат *истина*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Анисов А.М.* Современная логика. М., 2002.
- [2] *Бочаров В., Маркин В.* Введение в логику. М., 2008.
- [3] *Бочвар Д.А.* Об одном трехзначном исчислении и его применении к анализу парадоксов классического расширенного функционального исчисления // Математический сборник. Т. 4. Вып. 2. 1938. С. 287—308.
- [4] *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1947.
- [5] *Павлов С.А.* Модификация семантики Фреге и многозначные интерпретации // Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН Вып. XIX. М., 2009. С. 70—81.
- [6] *Павлов С.А.* О новой программе построения и обоснования логики // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса. Том III. Уфа, 2015. С. 120—121.
- [7] *Фреге Г.* О смысле и значении // Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230—246.
- [8] *Фреге Г.* Функция и понятие // Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 215—229.
- [9] *Черч А.* Введение в математическую логику. М., 1960.
- [10] *Johnsonbaugh R.* Discrete Mathematics. Prentice Hall, 2005.

THE ONTOLOGICAL ARGUMENT GENERALIZED BOOLE \cap FREGE SEMANTICS

S.A. Pavlov

Department of Knowledge
Institute of Philosophy of RAS
Goncharnaya, 12/1, Moscow, Russia, 109240

On the basis of the joint examination of semantics of logic Boole and Frege and their subsequent agreement to construct a semantic theory which is named Boole \cap Frege semantics. The ontological argument, the underlying semantics and Boole \cap Frege essentially distinguishes it from other semantics as follows denotation truth is only used denotation in this semantics.

Key words: truth, denotation, semantics, Boole, Frege.

REFERENCES

- [1] Anisov A.M. *Sovremennaja logika*. M., 2002.
- [2] Bocharov V., Markin V. *Vvedenie v logiku*. M., 2008.
- [3] Bochvar D.A. Ob odnom trehznachnom ischislenii i ego primenenii k analizu paradoksov klassicheskogo rasshirennogo funkcional'nogo ischislenija. *Matematicheskij sbornik*. T. 4. Vyp. 2. 1938. S. 287—308.
- [4] Gil'bert D., Akkerman V. *Osnovy teoreticheskoj logiki*. M., 1947.
- [5] Pavlov S.A. Modifikacija semantiki Frege i mnogoznachnye interpretacii. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo seminaru logicheskogo centra Instituta filosofii RAN*. Vyp. XIX. M., 2009. S. 70—81.
- [6] Pavlov S.A. O novej programme postroenija i obosnovanija logiki. *Filosofija. Tolerantnost'. Globalizacija. Vostok i Zapad — dialog mirovozzrenij: tezisy dokladov VII Rossijskogo filosofskogo kongressa*. Tom III. Ufa, 2015. S. 120—121.
- [7] Frege G. O smysle i znachenii. *Logika i logicheskaja semantika*. M., 2000. S. 230—246.
- [8] Frege G. Funkcija i ponjatje. *Logika i logicheskaja semantika*. M., 2000. S. 215—229.
- [9] Cherc A. *Vvedenie v matematicheskiju logiku*. M., 1960.
- [10] Johnsonbaugh R. *Discrete Mathematics*. Prentice Hall, 2005.

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ. НАБРОСОК «НОВОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»

А.Н. Павленко

Исследовательская Группа «Онтология»

Институт философии РАН

ул. Гончарная, 12/1, Москва, Россия, 109240

Показано, что в современном физико-космологическом знании имеет место изменение эпистемологического вектора: «теория» перестает быть простым обобщением «опыта». Это затребует переосмысление понятия «существование объектов». Стратегия позитивизма, предполагавшая жесткую зависимость между физическими наблюдаемостью (O) и существованием (E) — $\forall x (O(x) \leftrightarrow E(x))$, перестала отвечать требованиям современного познания. Происходит ослабление эквиваленции до конъюнкции $\exists x (\neg O(x) \& E(x))$. Показана «автономность» аналитической истины в отношении к истине эмпирической на примере физических и логических теорий.

Ключевые слова: новый критический реализм, существование, объект, физика, космология, принцип наблюдаемости.

Формулирование проблемы

Вопрос о том, какие объекты можно считать существующими в физическом смысле, а какие нет, давно интересовал исследователей и в естествознании, и в философии науки. В данном случае под «физическими объектами» мы будем понимать объекты такого рода, которые (1) *наблюдаются непосредственно* (exp.: *небесные тела, вещество в каком-либо агрегатном состоянии и т.д.*), (2) *наблюдаются опосредованно*.

К физическим объектам, *наблюдаемым опосредованно*, можно также отнести объекты двух типов: (а) *те, которые регистрируются приборами в принципе*: поля, их переносчики и т.д.; (б) *те, которые не могут регистрироваться приборами в принципе, но существование которых обосновывается наблюдением уже зарегистрированных объектов* (exp.: *вещество в начальном состоянии Вселенной с плотностью 10^{94} гр/см², фотонный газ в первоначальной Вселенной, существование стенок домена в инфляционной теории и др.*).

Назовем физические объекты, *наблюдаемые непосредственно, объектами первого рода*, а физические объекты, *наблюдаемые опосредованно, объектами второго рода*.

Наиболее рельефно эта проблема «существования» отразилась в обсуждении принципа наблюдаемости. Обсуждение этого принципа в значительной степени было стимулировано изменениями в природе самого физико-космологического знания, которые, если говорить кратко, сводились к тому, что теоретический его раздел стал значительно опережать раздел эмпирический. Такое «отставание» не могло не спровоцировать появление уже чисто методологических трудностей. Так фундаментальные теории современной физики и космологии сталкиваются с весьма сложной проблемой: *каков онтологический статус выводимых из них следствий (говорящих о существовании предсказанных объектов, явлений, зависимостей и т.д.)?*

Могут ли быть эти следствия проверены *в принципе*, то есть удовлетворяют ли они требованию Гемпеля [4]? По сути *речь идет о*: 1) *онтологическом статусе* высказываний научной теории *до* получения подтверждения и 2) *онтологическом статусе* высказываний *после* получения подтверждения. Поэтому принципиальный вопрос сводится к следующему: «существование» объектов какого типа описываются такими высказываниями?

Требования к существованию, предъявлявшиеся позитивизмом

Как мы помним, еще в прошлом столетии Карнап [6] специально подчеркивал, что в логическом формализованном языке глаголу «существовать» соответствует «квантор существования» — \exists . Утверждая «существует нечто», по мнению Карнапа, следует иметь в виду синтаксическое выражение $\exists(x)$. Не углубляясь в специфику карнаповской полемики с «метафизиками», а также помня о том, что его подход тоже не вполне совершенен, о чем мы уже писали [9], перейдем сразу к рассмотрению постулата о «принципиальной проверяемости» гипотезы.

В одной из предшествующих работ [8] нами уже были проанализированы подобные трудности с методологической точки зрения. Опираясь на классификацию, данную Лакатосом [17], было показано, что некоторые современные теории являются гипотезами *ad hoc*, которые можно подразделить на «теории, имеющие непроверяемые следствия в принципе» — *ad hoc* 2_{ai} и «теории, имеющие проверяемые следствия в принципе, но непроверяемые в настоящее время» — *ad hoc* 2_{aj} . Используя данный подход, перейдем к рассмотрению статуса высказываний физической теории.

Статус высказываний физической теории

До тех пор, согласно Карнапу, пока речь идет о теоретических уравнениях, исследователь находится в области возможного, логически непротиворечивого мира. Однако здесь возникает вопрос: можно ли говорить о том, что тот объект, который предсказывает теория — если предсказание правильное — *уже фактически существует?!*

Отметим, что специфика современного физического знания (в огромном классе теорий) заключается в том, что на стадии теоретической разработки состояний исследуемой области произвести опытное подтверждение предсказанного яв-

ления (факта, зависимости и т.д.) сразу, по получении теоретического предсказания, не представляется возможным.

Более того, требование Карнапа — «приписывание предиката не инициирует существование объекта» — выглядит совершенно оправданным. Ведь, действительно, невозможно признать существующим все, что является продуктом той или иной теории. Однако за такой видимой ясностью могут скрываться затруднения, связанные с вытекающими из этого утверждения следствиями.

Нетрудно заметить, что за таким жестким требованием к соотношению «наблюдаемости» и «физического существования» стоит, по сути, *«сильный онтологический принцип наблюдаемости»* (2)

$$\forall x (O(x) \leftrightarrow E(x)),$$

где E — предикат «существования» (условимся считать его в нашем случае равнозначным «физическому существованию»), O — предикат «быть наблюдаемым» (условимся считать его в нашем случае равнозначным «быть физически наблюдаемым»), \leftrightarrow — символ эквиваленции, \forall — квантор общности, x — переменная, которая пробегает по всему универсуму физико-космологических объектов U .

Напомним, что такая формулировка вводит жесткую дихотомию: *физически существует то и только то, что физически наблюдаемо, не наблюдаемое физически — не существует*. Достаточно признать, что объект (x) *ненаблюдаем*, чтобы тут же получить следствие: *объект (x) не существует*.

Необходимо признать, что для подавляющего массива физического знания последней четверти XIX в. и первой четверти XX в. такое требование «позитивизма» было в большом числе случаев оправдано. Например, гравитационный парадокс Зеелигера говорил о том, что если в решении уравнения Пуассона, при увеличении масштаба Вселенной, плотность вещества убывает медленнее чем по $1/r^2$, то интеграл расходится, а гравитационная сила, действующая на пробное тело, может принимать любое значение, в том числе и бесконечное. Но ни этого, ни стремления средней плотности вещества к нулю, при увеличении масштабов Вселенной, заключил Зеелигер, мы не наблюдаем, то есть эти следствия противоречили базовому допущению космологии Ньютона о пространственной бесконечности Вселенной. Вывод напрашивался один: ньютоновская теория гравитации не подходит для *непротиворечивого объяснения* устройства Вселенной.

Однако даже в этот период, на самых ранних его этапах, мы можем обнаружить первые «всполохи» *смены эпистемологического вектора* [7], которые уже тогда (в середине XIX в.) «не соответствовали» требованию Карнапа.

Возьмем в качестве примера открытие существования планеты Нептун.

Решение уравнений небесной механики, основанных на теории тяготения Ньютона и законах Кеплера об обращении планет вокруг Солнца, позволило предсказать *существование* планеты Нептун! Любой исследователь согласился бы со следующим ходом рассуждения:

«Небесное тело „планета Нептун“ есть *правильное* предсказание теории, следовательно, планета Нептун существует».

Дело в том, что физическая (космологическая) теория *предсказывает не суждение* «планета «Нептун»», а именно *существование* космического объекта (физического объекта), которому придано условное имя «Нептун». Ведь теория предсказывает не «предсказания теории», а «*существование предсказываемых космических объектов*»! Из того факта, что мы наделили некоторый *теоретически вообразимый объект* именем «Нептун», не следует его фактическое существование. Это так. Но, из того, что некий небесный объект (названный именем «Нептун») был предсказан, в *результате правильного решения уравнений небесной механики*, следует, что эта планета *должна реально существовать*. Ее вычислили Джон К. Адамс (в 1843—1845 гг.) и Урбан Ж.Ж. Леверье (в 1845 г.), а Иоганн Галле затем (в 1846 г.) ее обнаружил.

Здравый научный смысл и «нелепости» существования

Если мы примем позицию Карнапа, то перед нами открывается удивительная картина. Например, попробуем задать простой вопрос: существовала ли планета Нептун в 1845 г. и ранее, если была обнаружена с помощью предсказаний и наблюдений только 24 сентября 1846 г.? *Здравый научный смысл* настаивает на том, что — существовала! Однако подход Карнапа запрещает это утверждать.

И вот здесь возникает принципиальный вопрос: *если из логического существования необходимо не следует фактическое существование, то как возможны все без исключения теоретические (аналитические) предсказания о существовании природных объектов?*

Нам представляется, что интрига проблемы «существования» в физике и космологии сводится не к тому, *что в аналитических и фактических суждениях различного, а наоборот — что в них общего*. Карнап и другие логические позитивисты настаивали на том, что из логического существования никак не следует фактическое существование. Это справедливо относительно понятий, характеризующих *пустые множества*, как то: «сущность», «энтелехия», «теплород» и пр., то есть понятий, *которым ничего не соответствует в эмпирической реальности*.

Но справедливо ли это требование относительно *непустых* множеств, таких, например, как, «Планета солнечной системы „Нептун“», «переносчик электрослабого взаимодействия W^+ бозон» и др.? Здесь концепция скептиков сталкивается, как нам кажется, с непреодолимыми для нее трудностями.

Итак, реконструируем кратко позицию Карнапа. Для того, чтобы говорить о каких-либо объектах, необходимо ввести «способы речи» — «построить языковой каркас» [6]. Ибо, с точки зрения Карнапа, следует различать два вида вопросов о существовании: 1) вопросы о существовании определенных объектов нового вида в «данном каркасе» (*внутренние вопросы*) и 2) «вопросы, касающиеся существования или реальности систем объектов в целом, называемые внешними вопросами».

Внутренние вопросы и ответы на них формулируются с помощью выражений в данном каркасе. Ответы на них могут быть даны либо логическими методами, либо эмпирическими, в зависимости от того, является ли каркас логическим или эмпирическим. Внешние вопросы являются проблематичными.

Карнап понимает, что появляются новые объекты не только в вещном мире, но и в научном. Как быть в этом случае? Необходимо ввести новый *языковый каркас* — *новые формы выражений* в два шага.

1. Первый шаг — введение общего термина, предиката более высокого уровня для нового рода объектов, который позволит сказать, что новый частный объект принадлежит к этому роду [6. С. 309—310]. Например:

«Нептун есть планета» — $\exists x P(x)$.

2. Второй шаг — введение переменных нового типа. Новые объекты — это значения новых переменных. Например:

$\exists x (x = \text{Нептун})$.

С помощью этих переменных могут быть сформулированы общие предложения об этих переменных. Сформулированные вопросы могут быть либо «эмпирическими», либо «логическими». Ответы будут соответственно: или *фактически истинными*, или *аналитически истинными*. Получается, что вопрос о «реальности Нептуна» до получения наблюдательного подтверждения является *псевдоопросом*, «лишенным познавательного содержания» [6. С. 11]. И вот здесь, как мне кажется, возникает «онтологический провал». Суть его в следующем.

Замечание Карнапа о том, что до самого акта наблюдения (подтверждения), задаваемого эмпирическим каркасом, мы ничего определенного сказать не можем, все равно не снимает вопрос *научного здравого смысла*: существовал ли предсказанный природный объект до наблюдения? Если «да», то значит, в *аналитическом* (логическом) существовании есть «что-то» общее с *фактическим* существованием. Если «нет», значит, этот природный объект «возник» в момент его *первого наблюдения*. Но этот вывод ведет к очевидным нелепостям.

Получается, что реликтовое излучение с температурой $2,7^\circ K$, предсказанное Георгием Гамовым в 1948 г. [14] и открытое А.А. Пензиасом и Р.В. Вилсоном, «возникло» в «момент» открытия в 1964 г., то есть *спустя 15 млрд лет* после того, как оно *стало* собственно «реликтовым излучением». На возражение о том, что до 1948 г. в космологической теории не было самого понятия о «реликтовом излучении» — то есть этот термин ещё не был введен в эмпирический языковой каркас — можно предложить переформулировку заданного вопроса без изменения его смысла: «Существовало ли реликтовое излучение в *эмпирической (фактической) реальности* в период с 1948 г. по 1964 г., то есть в тот самый период, когда оно находилось в области *логического (возможного) существования?*»

Отметим, что этот ряд затруднений можно было бы продолжать без конца.

«Необозначающие термины» Б. Рассела

Рассмотрим другой подход в объяснении природы «существования», предложенный Б. Расселом. Рассел полагал, что «необозначающие термины» не могут быть ни истинными, ни ложными [11. С. 170]. С его точки зрения высказывание «Единороги существуют» — бессмысленное высказывание. «Пропозиция о существовании, — говорит Рассел, — ничего не говорит фактических индивидуумах, но только о классах и функциях» [11. С. 170].

Однако и здесь сохраняется неясность — как быть с научными фактами-предсказаниями?

Суть дела, по-моему, в следующем: Рассел, Карнап и Гемпель с удовольствием приводят примеры типа «Нынешний король Франции лыс», «Единороги существуют» и т.д. Есть подозрение, что они намеренно упрощают проблему. Например, можно было бы задать вопрос: «является ли истинным суждение «Хиггсино (хиггсевский бозон) существует»?», заданный в любое время после предсказания *его существования* Питером Хиггсом в 60-е гг. прошлого столетия и до его обнаружения в 2012 г. в ЦЕРНЕ, то есть на протяжении почти пятидесяти лет?

Что это за высказывание, согласно Расселу? «Хиггсино» — это дескрипция (описание) или только термин (имя)? Согласно Расселу имена не говорят о реальных предметах. О них говорят только дескрипции. Но является ли «хиггсино» *дескрипцией и только* дескрипцией? Другой вопрос, который возникает в связи с расселовским подходом: а могут ли существовать *дескрипции разного уровня*?

Согласно Расселу «Существование может осмысленно утверждаться только там, где есть пропозициональная функция». Имеются в виду утверждения типа xRy . Но «существование» не есть свойство (предикат), поэтому утверждение «хиггсино существует», с точки зрения Рассела, бессмысленно. Ведь «Существование является свойством пропозициональной функции» [11. С. 172]. Далее он добавляет — «класса», а не «индивидуума». Дело в том, что «Пропозиции о существовании ничего не говорят о фактических индивидуумах, но только о классах и функциях» [11. С. 173]. Следовательно, в нашем случае мы можем сказать, что «существует некий x , и x — хиггсино». Утверждение «Хиггсино — не существует» просто означает, что эта пропозициональная функция не является истинной ни для одного значения x . « x » — это любой возможный объект.

Затруднение позитивизма (эмпиризма)

В объяснении проблемы существования *весь эмпиризм* (позитивизм) сталкивается с затруднением, если не сказать резче — с ошибкой. В самом деле, если мы берем заведомо пустой класс элементов («нынешний король Франции — лыс», «русалки — зеленоволосы» и др.), то требование позитивизма проходит! Из того, что некто утверждает о том, что «русалки — зеленоволосые», никак не вытекает факт существования самих русалок. Почему? Потому что *в отношении заведомо пустого класса* приписывание предиката не влечет «существование» в нем элемента. *Если класс элементов заведомо пуст, то приписывание ему предиката его не «наполняет».* Это так!

Однако, как я думаю, эмпиризм (позитивизм) не замечает, или не хочет замечать, другое регулятивное положение: *из приписывания предиката какому-либо классу не следует пустота этого класса!* Другими словами, если приписывается предикат, то это не означает, что класс, которому его приписали, с необходимостью является пустым. Но именно так можно было бы понимать стратегию эмпиризма, в котором «пустота — непустота» класса «физических объектов» изначально детерминирована его (класса) *опытной (чувственной), преданностью исследователю.*

Фактические и возможные объекты

Теперь возникает другой любопытный вопрос: занимается ли физика изучением *возможных объектов* или она занимается изучением только уже обнаруженных и *эмпирически данных* объектов? До второй половины XIX в. ответ был очевиден: изучением *только эмпирически данных объектов*. Однако, как мы уже отмечали [10], со второй половины XIX в. ситуация меняется радикальным образом. Теории перестают быть «просто обобщениями» наблюдаемых фактов.

Для демонстрации этого возьмём предсказания теории А.А. Фридмана. Поскольку Вселенная Фридмана расширяется по закону Хаббла

$$v = Hr,$$

где v — скорость, с которой удаляется от наблюдателя объект (галактика или скопление галактик), H — постоянная Хаббла, которая $\approx 50\text{—}75$ км/сек Мпс; r — расстояние до удаляющегося объекта.

Постольку можно говорить о трех возможных сценариях эволюции Вселенной: 1) если наблюдаемая плотность вещества $\rho > \rho_c$, то кривизна пространства является положительной, и, соответственно, Вселенная является закрытой и *конечной* (но безграничной); 2) если $\rho = \rho_c$, то кривизна пространства является равной нулю, а Вселенная является плоской; 3) если $\rho < \rho_c$, то кривизна пространства является отрицательной. Соответственно, Вселенная является открытой и бесконечной.

Мы видим, что фридмановская теория становится «продуцентом» новых фактов (объектов) — например, такого, как «расширяющаяся Вселенная», — которые до момента их продуцирования не наблюдались и *не могли наблюдаться в принципе*. В этом случае физическая теория позволяет сформулировать уже вопрос о статусе «возможных» объектов в рамках физического знания.

Следовательно, физика (космология) выходит на *аналитический* (логический) уровень обсуждения проблемы *существования*.

Логическое объяснение существования, альтернативное позитивистскому

Однако даже в самой логике конца прошлого столетия и начала наступившего мы можем найти такие походы, которые преодолевают ограничения, накладываемые подходом Карнапа. Примером такого подхода может быть рассмотрена работа Ю.Г. Гладких [5]. Следуя Р. Гранди [15] и Т. Бержу [13], Гладких в этом вопросе занимает принципиально другую позицию в отношении позиций Карнапа и Рассела. Приведем наиболее его важный для нас результат:

Теорема 4, $\neq \text{П}n (t_1 \dots t_n) \supset (E(t_1) \& \dots \& E(t_n))$,

где $\text{П}n$ есть некоторый n -арный предикат, приписываемый терминам $t_1 \dots t_n$, а $E(t_i)$ есть унарный предикатный символ, который читается «...существует».

Доказательство. На основе определения П этот принцип гласит, что *если объекту приписывается предикат, то этот объект существует* (курсив мой — А.П.)» [5. С. 45].

Приведем определение II.

«Пусть U есть множество. Тогда интерпретация I есть такая функция, которая определена на L и которая приписывает предикатным выражениям и индивидуальным константам L их значения, а именно:

1) Каждому константному термину t из области интерпретации I ставит в соответствие объект $|t|_1$ в U .

2) Каждому n -арному предикатному выражению — предикат» [5. С. 43].

Далее Гладких вводит условия такого приписывания, которые мы опустим, ибо для нас важно другое. Одним из следствий такого приписывания, оказывается состояние модели M , когда универсум U пуст, то есть: $|E|_1 = \{ \}$ (нечему существовать) и $|t_1| = \{ \}$ (нет объекта). Отсюда, согласно Гладких, следует, что

$|\perp xA | \alpha M = \{ \}$; (нет приписывания значения переменной x)

$|t| \alpha M = \{ \}$; (нет приписывания объекта в модели)

$|\exists xA | \alpha M = 0$; (т.е. ложно, ибо не существует значения (объекта))

$|\Pi n (t_1, \dots, t_n) | \alpha M = 0$, (т.е. ложно, ибо у константных терминов отсутствуют денотаты)

однако

$|\forall xA | \alpha M = 1$. (т.е. истинно, ибо формула « A » действительно имеет место в модели « M »).

И далее он приводит теорему о статусе «необозначающих» терминов.

Определение V. «Пусть $M = \langle U, I \rangle$, α — приписывание. Тогда формула A истинная в M , если и только если $|A | \alpha M = 1$ для всех α ». Затем Гладких [5. С. 44] доказывает *теорему 2*. Воспроизведем это доказательство.

Теорема 2. Если A истинна в M , то $\forall xA$ истинна в M .

Доказательство. Допустим антецедент. Если U_1 не пусто и α — приписывание в U_1 , то в силу допущения $|A|^{\alpha(x/a)} M = 1$ для любого $a \in U_1$, так как $\alpha(x/a)$ есть приписывание в U_1 , а потому $\forall xA$ истинно в M . Если же U_1 пусто, то $\forall xA$ истинно в M . Следовательно, в обоих случаях $|\forall xA | \alpha M = 1$.

На самом деле, если я правильно понимаю, смысл доказанных положений очень прост: если некая формула, например тот же закон контрапозиции в логике предикатов

$$\forall x (P(x) \supset Q(x)) \leftrightarrow \forall x (\neg Q(x) \supset \neg P(x))$$

является в некоторой модели (теории) *тождественно-истинной формулой* (и это аналитически доказано), то для этой *формулы совершенно безразлично*, будут ли на каком-либо объектном универсуме U найдены значения ее предикатных переменных или нет. *Она останется истинной и тогда, когда такая интерпретация будет найдена, и тогда, когда она найдена не будет.* Ведь ее истинность (общезначимость) доказана для *любых возможных значений переменных (!)*. Поэтому она и универсальна.

Сам Гладких комментирует этот результат очень четко: «Хотя сами переменные или константы в формулах L могут оставаться без их значений, сами формулы имеют определенное значение истинности» [5. С. 43].

Следствия для физических теорий

Что это число логический результат может означать в случае обсуждения проблемы существования физических объектов и вообще физического знания? Думаю, следующее:

- 1) если уравнения физики внутренне непротиворечивы,
 - 2) если они соответствуют принципам симметрии и законам сохранения,
 - 3) если они включают уравнения предшествующей теории в качестве предельного случая,
 - 4) если они предсказывают новые факты,
- то, значит, они — *аналитически истинны*.

Именно так и есть: уравнения и их *правильные решения* (это как раз и есть область «аналитической истинности» в математической физике) имеют «определенное значение истинности». А все перечисленные пункты выполняют *критическую роль* «внутритеоретического опыта». По сути, *законосообразной реальностью физические объекты обладают уже на стадии их аналитической истинности*. Поэтому и мы вправе говорить об оправданности *новой стратегии критического реализма*.

Получается, что правильные решения уравнений «говорят о физических объектах» *уже на стадии получения этого решения*. Я давно обращал внимание на тот факт, что «*предсказанный факт или явление*», как именно *результат правильного решения математического уравнения, содержит в себе двоякую природу* — «*возможную*» и «*реальную*» — *одновременно*. Возможную — как именно результат «правильного решения», реальную — как результат в своей основе опытного (чувственного) «наблюдения».

Результат, полученный Гладких, для нас очень важен. Дело в том, что теперь обнаруживаются два отчетливо проявляющихся направления в самой логике:

- 1) с точки зрения Карнапа, Рассела и др. — «приписывание предиката не влечет существование объекта»;
- 2) с точки зрения Бержу, Гранди, Гладких и др. — «приписывание предиката влечет существование объекта» [5. С. 45].

Как видим, сама логика за прошедшее столетие проделал путь, который демонстрирует большую комплиментарность ее выводов общим требованиям современной европейской научной рациональности.

В заключение сделаем несколько важных для нас методологических выводов.

Вывод первый: изменение *эпистемологического вектора* в науке (физике и космологии) XX—XXI столетий затребует переосмысление такого базового для нее понятия как «существование объектов». Та стратегия позитивизма, которая предполагала жесткую зависимость между наблюдаемостью и физическим существованием — $\forall x (O(x) \leftrightarrow E(x))$ — перестала отвечать требованиям современного естественнонаучного исследования. Современный физик, думаю, уже не может сказать уверенно обо всем классе физических объектов: «не наблюдаем, значит — не существует». А это и означает, что требуется ослабление эквиваленции. Возможно даже, вплоть до конъюнкции $\exists x (\neg O(x) \& E(x))$, поскольку в тело совре-

менных физических теорий введены «объекты второго рода», о способах существования которых мы говорили в самом начале. Более того, именно такую конъюнкцию и вводит Бас ван Фраасен, когда предлагает символическое выражение конструктивного эмпиризма: $\text{Emp Ad } (L) \rightarrow \text{Real } (X) \wedge \neg \text{Obs } (X)$ [10].

Вывод второй. Объяснение существования объектов Расселом и Карнапом адекватно состоянию естествознания до начала XX в. и не удовлетворяет состоянию естествознания начиная со второй его трети.

Вывод третий. Было бы безумием отрицать фундаментальную роль эмпирического подтверждения в естествознании, но также неоспоримо и то, что на «стадии эмпирической невесомости теории (СЭНТ)» — например, в случае того же «хиггсино», в теории которого она длилась около пятидесяти лет — решающую роль начинают играть внутритеоретические критерии обоснования, *то есть те самые аналитические (логические) аргументы*, которые, по моему мнению, выполняют роль «*внутритеоретического опыта*». Как видим, опыт сохраняется, но видоизменяясь. Поэтому «провал в структуре референции», чего так опасался Г. Фреге, не влечет «истинностный провал». Причина, по-моему, в том, что существенно меняется область значений (референции) в современной теории. В случае СЭНТ такой областью, прежде всего, становится проверка базовых принципов теории и ее уравнений, то есть как раз то, что относится к сфере «аналитической истины».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975.
- [2] Галилей Г. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М., 1964.
- [3] Гейзенберг В. Квантовая механика и беседа с Эйнштейном // Природа. 1972. № 5.
- [4] Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998.
- [5] Гладких Ю.Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. М.: Изд-во МГУ, 2006.
- [6] Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
- [7] Павленко А.Н. Эпистемологический поворот // Вестник Российской Академии наук. М.: Наука, 1997. № 4.
- [8] Павленко А.Н. Стадия эмпирической теории и ad hoc аргументация // Философия науки. М.: ИФРАН, 1998. Вып. 4.
- [9] Павленко А.Н. Радиофундаментализм // Вопросы философии. М., 2008. № 1.
- [10] Павленко А.Н. Принцип наблюдаемости, «стадия эмпирической невесомости теории» (SEWT) и «конструктивный эмпиризм» (CE) // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2011. № 3.
- [11] Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007.
- [12] Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1965.
- [13] Burge T. Truth and Singular Terms // Nous. 1974. № 8.
- [14] Gamov G. Physical Review. 1948. V. 74.
- [15] Grandy R. A Definition on Truth for Theories with Intensional Definite Description Operators // Journal of Philosophical Logic. 1972. 1.
- [16] Fraassen B.C. van. The Scientific Image. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- [17] Lakatos I. History of Science and its Rational Reconstructions // Boston Studies in Philosophy of Science Dordrecht. 1972. Vol. 8.
- [18] Muller F.A. Can a Constructive Empiricist Adopt the Concept of Observability? // Philosophy of Science. 2004. 71.

THE PROBLEM OF THE PHYSICAL OBJECTS' EXISTENCE. OUTLINE OF THE "NEW CRITICAL REALISM"

A.N. Pavlenko

Research Group "Ontologiya"
Institute of philosophy of the RAS
Goncharnaya, 12/1, Moscow, Russia, 109240

It is shown that in the modern physical and cosmological knowledge there is a change of epistemological vector: "theory" is no longer a simple generalization of "experience". It requests a reconsideration of such concept as "the objects' existence". That strategy of positivism, which involved a strong relationship between the physical observability (O) and physical existence (E) $\forall x (O(x) \leftrightarrow E(x))$ — no longer meet the requirements of modern knowledge. There is a weakening of equivalence to the conjunction $\exists x (\neg O(x) \& E(x))$. It is illustrated "autonomy" of analytic truth with regard to the empirical truth by the example of physical and logical theories.

Key words: new critical realism, the objects 'existence, physics, cosmology, the principle of observability.

REFERENCES

- [1] Bunge M. *Filosofija fiziki*. M.: Progress, 1975.
- [2] Galilej G. *Izbrannye trudy v dvuh tomah*. T. II. M., 1964.
- [3] Gejzenberg V. *Kvantovaja mehanika i beseda s Jejsnshtejn*. *Priroda*. 1972. № 5.
- [4] Gempel' K. *Logika objasnenija*. M., 1998.
- [5] Gladkih Ju.G. *Logika bez jekzistencial'nyh predposylok*. M.: Izdatel'stvo MGU, 2006.
- [6] Karnap R. *Jempirizm, semantika i ontologija. Znachenie i neobhodimost'*. M.: Izdatel'stvo Inostranoj literatury, 1959.
- [7] Pavlenko A.N. *Jepistemologicheskiy povorot*. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*. M.: Nauka, 1997. № 4.
- [8] Pavlenko A.N. *Stadija jempiricheskoj teorii i ad hoc argumentacija*. *Filosofija nauki*. M.: IFRAN, 1998. Vypusk 4.
- [9] Pavlenko A.N. *Raciofundamentalizm*. *Voprosy filosofii*. M., 2008. № 1.
- [10] Pavlenko A.N. *Princip nabljudaeмости, «stadija jempiricheskoj nevesomosti teorii» (SEWT) i «konstruktivnyj jempirizm» (CE)*. *Vestnik RUDN. Ser. Filosofija*. 2011. № 3.
- [11] Rassel B. *Izbrannye trudy*. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe Izdatel'stvo, 2007.
- [12] Jejsnshtejn A. *Sobranie nauchnyh trudov*. M., 1965. T. 4.
- [13] Burge T. *Truth and Singular Terms*. *Nous*. 1974. 8.
- [14] Gamov G. *Physical Review*. 1948. V. 74.
- [15] Grandy R. *A Definition on Truth for Theories with Intensional Definite Description Operators*. *Journal of Philosophical Logic*. 1972. 1.
- [16] Fraassen B.C. van. *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- [17] Lakatos I. *History of Science and its Rational Reconstructions*. *Boston Studies in Philosophy of Science Dordrecht*. 1972. Vol. 8.
- [18] Muller F.A. *Can a Constructive Empiricist Adopt the Concept of Observability?* *Philosophy of Science*. 2004. 71.

ANIMAL COMMUNICATION SYSTEMS AND THE RUBICON PROBLEM IN THE THEORIES OF THE ORIGIN OF LANGUAGE

P.N. Baryshnikov

Department of History, Social Sciences, Philosophy,
Oriental Studies and Theology
Pyatigorsk State Linguistic University
Kalinina, 9, Pyatigorsk, Russia, 357532

The modern theories of the origin of language have reached the parity in the argumentation. And now the knowledge of this sphere is expressed with the antinomies. It means that the conflicting approaches are veritable to the same extent. In the cognitive science there is the so-called “Rubicon problem”, which is unsolvable without breaking of the consistency of the one of the conflicting theories. Some researches recognize the deductibility of faculty of language from the animal communication system, whereas others do not recognize it. Both parties have the strong argumentation. This article deals with the ethological, semiotic and psychological approaches to language as abstract symbolic system on the one hand and as social and communicative activity on the other hand. In the context of the “Rubicon problem”, Vygotsky’s works obtain the “novel sound”. The heritage of the ideology-driven Soviet psychological school is relevant again even for the Western scientists. The social and cultural-historical determination of the faculty of language allows bridging the gap between cognitive-ethological and nativist approaches. We argue the idea of under-determination of the ontological status of language as the biological communicative system: the polemic between gradualists and saltationists is far from its completion.

Key words: emergence of language, gradualism, saltationism, language universals, ontology of language.

INTRODUCTION

Contemporary works on glottogenesis theory often utilize the method of correlations. This is primarily related to the fact that there is no exact date when language appeared as a fully functional system of codes and communications. Representatives of various knowledge areas try to link language inception to a certain phylogenetic or ontogenetic, or cultural stage of establishment. The most popular theories link human language origin to the evolutionary changes in ancient Hominidae’s physiology: modifications of larynx, jaws, methods of tongue muscles control, and transformation of brain language zones. Anthropologists also use archeological and ethological data and link language origin with the evolution of primitive forms of culture, complicating of social forms of interaction and cognitive processes in animals’ communication. There are many works in the genetics area, in which their authors try to extrapolate genetic information of mitochondrial DNA analysis to the problem of Homo sapiens dissemination and language groups’ affinity.

1. IN SEARCH OF THE “MIDDLE WAY”

The theories of language origins recognize language as the system and language as the characteristics of humanity conducting this system learning and make them both their subject matter. The issue of language origins includes the issues of origin of the world, living matter, man, and consciousness.

The Rubicon problem is quite typical in the modern theories. It is well-known that the classical issue of linguistic universals involves dichotomous approaches highlighting opposition of polar directions: analogism and anomalism, realism and nominalism, empiricism and rationalism, internalism and externalism, realism and counter-realism, behaviorism and functionalism, logocentrism and counter-logocentrism, naturalism and phenomenism, etc. Ultimately, knowledge of the universal properties of language comes down to the pairs of opposites. Conventionally, these pairs may be divided into three groups:

◆ **constitutive opposites:** material — ideal, natural — artificial, arbitrariness — substantiation, specific local — universal;

◆ **processual opposites:** following the rules — breaking the rules; logical — illogical, norm — deviation, language — mentality, language — speech, syntax — semantics;

◆ **subjective opposites:** conclusion — interpretation, individual — collective, speaking — listening, discourse — text.

The theories of language origins are the components of explanatory models dealing with the origin of man, consciousness, and evolvement of cognitive and intellectual functions. Therefore, the processes of human language activity development and proto-language parameters of the cognitive system in other biological species' communication become especially significant.

2. ANIMAL COMMUNICATION SYSTEMS AND ESTABLISHMENT OF LANGUAGE PROCEDURES OF CONSCIOUSNESS

Animal communication

Based on the above, proto-language cognitive processes observed in children and some apes become especially significant. This poses a question that seems trivial at first glance: what is the difference between language and non-language? When we consider this issue in details, it turns out that “language” is a term with vague meaning and indistinct scope. Definition depends on the criteria of intellectual, cognitive, communicative or social activities. Differentiating language from other forms of animal communication is a task, the results of which are materially dependent on the methods of its solving.

If we consider a language to be a form of evolutionary development of living matter and describe all symbolic structures as a sort of organismic adaptation, then whales, dogs, and bats, as well as squirrels, bees, ants and other faunal species have their primitive forms of language. Scent marks structures in addition to strictly chemical composition have fairly wide range of meanings — direction, amount of food, time periods, etc.

Up to now the following remains a key question: *what is the criterion differentiating a language (even the very initial and primitive) from non-language signal system (which may be very complicated and advanced)?* A clarification is required here: in biology, human language is traditionally compared only to the signal systems of the vertebrata since complicated communication systems of the invetrebrata have a very different morphology, the structure of which seems to be dead-locked in the light of questions about the essence of human language.

If we consider animals’ signal elements within the scope of the Peircean typology of signs, they will be recognized as both indexes and symbols. They are indexes because they symptomatically show the level of animal’s nervous system activation, and they are symbols because animals’ signals contain referentiality [1].

The comparative analysis of animal signal communication system and human language by Hockett’s classical criteria [10] shows ambiguous results. Below we present the description of language universal criteria from the viewpoint of language system characteristics, on the one hand, and from the viewpoint of the vertebrate mammals’ intellectual functioning characteristics, on the other hand.

Table 1

Comparative table for human language and animal communication system

Characteristics	Human language	Animal communication system
Semanticity	Existence of signs referring to denotata from extralinguistic world. Arbitrariness of a sign	Animal signals are a part of their meaning. A wail of horror is a reflectory consequence of the horror as such
Openness	An infinite multiplicity of statements may be built on the limited number of words	Signals range defines a set of “regular expressions”
Transferability	A language allows speaking of something, which has not been experienced yet	All animal signals are determined by the current events
Discreteness	Difference between signs has clear literal manifestation: sheep / ship, water / daughter, etc.	Material differences between animal signals are often barely noticeable and accompanied with the signal position of limbs, tail, ears, etc.
Indirectness	The meaning of statements may be related to fictitious worlds and arbitrary ideas	No arbitrariness of signal forms
Reflexiveness	A language may be used to talk about the language as such	Animals are not able to stand in meta-position in relation to their signal system
Duality of patterning	Ability to build complex meaningful units out of already meaningful units	Animal signals have neither morphological, nor syntactical combinability
Hierarchical pattern	Languages are built based on the hierarchical principle: they are becoming more complex starting from miscellaneous meaningless phonemes to sentences and texts	Animal signals do not create syntagmas or any other combinatorial sequences

When analyzing Table 1 data, a gap between human language and animal communication becomes obvious. Regardless of the obvious gap in communicative principles and syntactic-semantic architecture between the human language system and animal signal systems, the researches remain very interested in apes’ linguistic competence. Some authors claim that linear combinatorics of the learned gesture-words (grammar remains an insurmountable wall) allows apes to express complex pragmatic components such as a lie or a joke [19].

A fundamental question is posed here. If the primates are able to create primitive symbolization, do evolutionally transformations necessarily contain a certain attribute characteristic of the cognitive systems able to produce only symbol-signs?

Elements of symbolization do exist in behavior, yet, can we that a behavioral reaction not representing an intentional sign is a symbol? It is rather difficult to prove by experiments that generation of a fiction in human language and a foxes’ false alarm signal (used by adults in order to scare importunate cubs away from food and have a feed themselves) are of the same behavioral etiology.

At the same time, there is a counter comparison of universal language signs and animal communication systems. It means that in another interpretation the gap is not so wide. Zorina and Smirnova in their “What ‘Speaking’ Apes Told us about” give examples of human features in communications of anthropoid primates that learned AmSLan (American Sign Language) [4].

All of this data does not allow so far to answer the question whether the evolutionary amplification of brain structure actually develop flexibility of cognitive and communicative processes, and whether the difference between the signal systems of a wren, a gorilla, and a man actually lies only in the degree of brain tissue complicacy. In this context even more amazing are certain animal “communicative competencies” that may be called quite intelligent:

◆ *Capacity for cross-species communication* means that a communication channel of a different species is used for mutually beneficial relationships or for security; e.g. certain moths (owlet moths) are able to detect bats by ultrasonic signals they generate for echolocation purpose and thus promptly escape from these predators.

◆ *Signals generalization* means different species’ use of the same signals to warn of danger or in ritualized mating actions.

◆ *High specialization of roles* means e.g. multi-agent system of ant colony, which is able to function due to strict role determination (queen, workers, soldiers, etc.).

◆ *Use of languages of various modality (multi-channeling)* — acoustic, chemical, tactile.

◆ *Flexibility of social order for efficient communication* means “takeover of other’s property”, “slavery”, “cattle breeding”, and “crop farming” (aphid milking and fungus growing), legal rules for community members [11].

Today, the main tendencies in scientific and theoretical dispute about the nature of language may be reduced to several directions.

Substrate approach. Those who support this theory look for language bases in structural evolution of the living matter at the level of genetic transformation or mutations at the level of brain structure. Such thing as gradualism — conviction in gradual evolutionary generation of language skills based on mutations, brain cortex transformation, changes in climate, nutrition, social hierarchy in the primates groups, etc. — is present here [13; 15; 11; 9].

Radical nativism. Those who support this approach are also known as saltationists — proponents of the hypothesis of language capacities sudden evolution. This movement appeared due to N. Chomsky’s works, and within the scope of this approach the question of the stages of language capacities formation is inappropriate.

Linguistic determinism. This theory reinterprets Humboldt’s tradition and Sapir-Wharf’s theory of linguistic relativity from the anthropological viewpoint. Experimental part of the hypothesis has been formed through several stages; today, we recognize a “strong” tradition (the language fully forms thinking paradigm of the world and determines epistemological parameters) and a “weak” tradition (the language determines methods of objects denomination).

Social-communicative determinism. Language here is recognized as a result of complication of animal communication system. Protolanguage structures are determined by evolution of group tasks complexity. Communicative external challenges became

a reason for transformation of signal-index system into sign-symbol system. In the Russian science, this movement is related to the names of L. Vygotsky and representatives of Moscow psychological school. The role of the social-communicative approach is not understood sufficiently. Possibly, the ideas of L. Vygotsky, A. Luriya, A. Leontiev and their followers are still waiting to be applied to pacify discussion of the internalists and the externalists, the saltationists and the gradualists, the substantialists and the communicativists.

Informational approach. This approach may be characterized as a model approach. Explanatory characteristics of computer models of evolution of language and man’s language capacities are important, but probably the most important task for the representatives of this approach is systematization, visualization, and statistical representation of data from various disciplines dealing the problem of language origin. Within the scope of the computer paradigm, such areas as computer models of biological processes [18], statistic visualization of language evolution [17], computer models of brain neural activity [12; 16] overlap. In our opinion, informational and functional approach (also known as *computational* in the Western traditions) looks the most promising.

3. REVIVAL OF CULTURAL AND HISTORIC PARADIGM

From the viewpoint of the “Language Rubicon”, L. Vygotsky’s works [3] find their new meaning. Social and cultural-historic measurement of language skills allows bridging the gap between the cognitive-ethological and nativistic approaches. Surprisingly, the modern Western researchers base their works on the “law of sociogenesis» described by Vygotsky in the first half of the 20th century [8]. Kozintsev consistently proves that general philosophical provisions of Engels-Noire’s labor theory were confirmed by Vygotsky’s psychological experiments; in the end of the 20th century they were proved by the data of ethology, primates’ psychology, archeology, and paleolinguistics; and in the 21st century they were proved by the researches in the neurosciences area [5]. If we adopt Vygotsky’s idea of ontogenetic and phylogenetic arbitrariness of language and its independency of the level of intellect, then it would be logical to assume that preverbal phase of evolutionary development and pre-intellectual phase meet at a certain point where a language appears. Congenital reflectory signals with their genetic flexibility and automatism are a perfect communicational tool of the natural world but at a certain stage reflex connections start slowing down, then introspection, consciousness, and free will arise. A man “rejects” reflex-stimulus communicative mechanisms choosing intentional cooperation approach. Syntax (according to Tomasello, but in contrast to Chomsky and Pinker) becomes not a system of abstract rules but a method of practical purposes achievement. In this case the nature of language is expressed neither in the universal grammar nor in the connections between the significant and the signified, but in the functions of social interaction.

Hence, we see that eventually not syntax or semantics but social pragmatics takes place of a language universal in the modern cognitive researches. Status of recursion as a key cognitive mechanism [14] or the role of mirror neurons, along with the social and object-correlation hypotheses, act as additional contexts of a problem.

As A. Leontiev rightly noted, L. Vygotsky was the first one who managed to show theoretical unity of sign and communication, language and social activity, thus substantiating cultural and historic nature of mentality [7]. Activity approach to psychological procedures of language and consciousness establishment comprises seven significant aspects:

1. The notion of *meaning* is represented as a key psychological category (unlike logics, linguistics, and semiotics).
2. *Meaning* is represented not in logical-semantic static forms but in dynamics of sign operation, as a path from the idea to the word.
3. The idea of significance of objective and semantic aspect of meaning is developed.
4. Consciousness has semantic structure.
5. A sign (in addition to syntax, semantics, and pragmatics) has social-pragmatist dimension (very likely, this Vygotsky's idea resulted from his adherence to Marxism and recognition of communication as a result of social and historical development).
6. A sign is conceived in the consonance of communicative and cognitive processes.
7. Language and activity ("word and activity" in Vygotsky's terms) are unified in the common psychological system [7].

Heritage of the Soviet psychological school represents a significant methodological counterweight to the analytical philosophy of consciousness the theory of which is inspired by the philosophy of language, formal semantics, theory of artificial intellect, computer linguistics, etc.

Therefore, we can see that the ontological status of a language as biological communicative system is not fully determined: the dispute between the gradualists and the saltationists is far from being resolved. The heritage of the ideology-driven Soviet psychological school again proved to be in-demand. Modern data of archeology, paleoanthropology, cognitive ethology of neurosciences prove social-pragmatic principle of cooperation in formation of language skills both at the level of glottogenetic models and at the level of the psychology of child speech. In our opinion, social and cultural-historical language dimension provides new terms for proving of semantic nature of the consciousness.

CONCLUSION

Bringing up again the dispute between Humboldt's and Saussure's approaches, the problem of formation of language processes of consciousness refreshes the opposition of reductionism and holism in terms of various cognitive disciplines. Is it possible to reduce the language to certain structural universals without losing cognitive-transforming potential of the language as an activity? Referring to V. Voloshinov's "Marxism and Philosophy of Language", V. Lazarev describes opposition of the existing traditions of linguistic philosophy in terms of *anthropocentric pragma-oriented* linguistics (Voloshinov's "individualistic subjectivism") and *systemocentric structure-oriented* linguistics (Voloshinov's "abstract objectivism") [6]. Such differentiation partly substantiates the tendency manifesting itself in modern cognitive sciences dealing with the nature of language and language skills. Yet Voloshin himself, mentioning in his comments I. Present's

“Origin of Speech and Mind” (1929), does not recognize evolutionary ties between the animal signal-reflex system and the language system [2. P. 350], thus taking the cognitive “Rubicon problem” outside the scope of linguistic matters.

In context of *individualistic subjectivism*:

- ◆ language is a continuous pragmatic creative process;
- ◆ language creativity processes are individual-psychological laws;
- ◆ language creativity is meaningful creative work and requires involvement of consciousness;
- ◆ language as system is nothing but “dead deposit, solidified lava of language creativity” abstractedly engineered by linguistics in order to use it as a finished tool [2. P. 386].

This approach, as you know, is supported by fundamental works of such researches as W. von Humboldt, A. Potebnya, H. Steinthal, K. Vossler, W. Wundt, B. Croce and many others. These are the roots of continental linguistic philosophy, linguistic ethno-psychology and other post-Humboldt approaches recognizing language as a manifestation of national spirit, texts of culture, esthetics, congeneric archetypes, social-historical activity, etc.

Abstract subjectivism is characterized by the following postulates:

- ◆ language is a stable system of normative identical language forms;
- ◆ laws of language as a system are related to all components and properties of the system itself and represent objective laws for individual consciousness;
- ◆ language ties do not depend on cultural-historical or ideological content; connection between the expression plane and content plane of a sign is arbitrary;
- ◆ individual acts of speech are local distortions of normative-identical acts; there are no connections between history and language; speech may not be an object of linguistics.

Therefore, we see that philosophical antinomical issues of correlation between the name and the thing, of the nature of language universals, of the origin of language and language skills in context of lingual-philosophical studies took the form of “contact” paradigms: individualistic subjectivism of Humboldt’s type and abstract objectivism of Saussure’s type. In our opinion, special methodological potential in the issues of ontological status of the language can be found in the problem of computability of the semantic processes of the consciousness. Ontological role of the language semantics as a complex of cognitive-pragmatic procedures of the consciousness requires comprehensive philosophical examination.

BIBLIOGRAFY

- [1] Бурлак С.А. Переход от до-языка к языку: что можно считать критерием? // Разумное поведение и язык / ред. Т.В. Черниговская, А.Д. Кошелев. .: Языки славянских культур, 2008. С. 89—101.
- [2] Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / ред. И.В. Пешков. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. С. 349—487.
- [3] Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Психология развития человека. М.: Изд-во «Смысл», «Эксмо», 2005. С. 1039—1128.

- [4] Зорина С.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М.: Языки славянских культур, 2006.
- [5] Козинцев А.Г. Зоосемиотика и глоттогенез // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 326—359.
- [6] Лазарев В.В. Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006.
- [7] Леонтьев А.А. Ключевые идеи Л.С. Выготского — вклад в мировую психологию XX столетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 5—10.
- [8] Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
- [9] Фридман В.С. От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных. М.: Либроком, 2012.
- [10] Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике / ред. В.А. Успенский. М.: Прогресс, 1970. С. 45—77.
- [11] Черниговская Т.В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? // Разумное поведение и язык / ред. Т.В. Черниговская, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 406.
- [12] A Large-Scale Model of the Functioning Brain / С. Eliasmith, Т.С. Stewart, X. Choo [и др.] // Science. 2012. Vol. 338. № 6111. P. 1202—1205.
- [13] Arbib M.A. Action to language via the mirror neuron system. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- [14] Corballis M. From hand to mouth. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2002.
- [15] Deacon T. The symbolic species. London: Penguin Books, 1997.
- [16] Hlinka J., Coombes S. Using computational models to relate structural and functional brain connectivity // The European journal of neuroscience. 2012. Vol. 36. № 2. P. 2137—2145.
- [17] Minett J.W., Wang W.S.-Y. Language, evolution, and the brain. Hong Kong: City University of Hong Kong Press, 2009. P. 294.
- [18] Oudeyer P.-Y., Kaplan F. Language evolution as a Darwinian process: computational studies // Cognitive Processing. 2007. Vol. 8. № 1. P. 21—35.
- [19] Patterson F. The Mind of the Gorilla: Conversation and Conservation // Primates / ред. К. Верншкхе. New York, NY: Springer New York, 1986. P. 933—947.

СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ ЖИВОТНЫХ И «ПРОБЛЕМА РУБИКОНА» В ТЕОРИЯХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

П.Н. Барышников

Кафедра исторических, социально-философских дисциплин,
востоковедения и теологии

Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, Пятигорск, Ставропольский край, 357532

В статье анализируются этологические, семиотические и психологические подходы к языку как абстрактной системе и как социальной деятельности. Современные теории происхождения языка достигли паритета в аргументации. В когнитивных науках появилась «проблема Рубикона», которую невозможно решить, не нарушив непротиворечивость одного из подходов. Одни исследователи признают выводимость языковых способностей из систем коммуникации животных, другие — нет. Мы аргументируем мысль о том, что онтологический статус языка как биологической коммуникативной системы недоопределен: полемика между градуалистами и сальтационистами далека от завершения.

Ключевые слова: происхождение языка, градуализм, сальтационизм, языковые универсалии, онтология языка.

REFERENCES

- [1] Burlak S.A. Transition from before-language to language: what is the criterion? *Razumnoe povedenie i jazyk*. Ed. T.V. Chernigovskaya, A.D. Koshelev. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. P. 89—101.
- [2] Voloshinov V.N. Marxism and philosophy of language. *Frejdzizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofija jazyka. Stat'i*. Ed. I.V. Peshkov. M.: Izd-vo «Labirint», 2000. P. 349—487.
- [3] Vygotsky L.S. Tool and sign in the child development. *Psihologija razvitija cheloveka*. M.: Izd-vo «Smysl», «Eksmo», 2005. P. 1039—1128.
- [4] Zorina S.A., Smirnova A.A. What did «talking» monkeys tell? M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006.
- [5] Kozincev A.G. Zoosemiotics and glottogenesis. *Antropologicheskij forum*. 2013. № 19. P. 326—359.
- [6] Lazarev V.V. Epistemology and philosophy of language: paradigmatic approach. Pyatigorsk: Izd-vo PSLU, 2006.
- [7] Leontiev A.A. Key ideas of Vygotsky's theory — a contribution to the world psychology. *Psihologicheskij zhurnal*. 2001. Vol. 22. № 4. P. 5—10.
- [8] Tomasello M. Origins of Human Communication. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011.
- [9] Fridman V.S. From stimulus to symbol: the signals in vertebrata's communication. M.: Librokom, 2012.
- [10] Hockett Ch.F. The problem of universals in language. *Novoe v lingvistike*. Ed. V.A. Uspenskij. M.: Progress, 1970. P. 45—77.
- [11] Chernigovskaya T.V. What makes us human: why only recursive rules? *Razumnoe povedenie i jazyk*. Ed. T.V. Chernigovskaya, A.D. Koshelev. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. P. 406.
- [12] Eliasmith C., Stewart T.C., X. Choo [et al.] A Large-Scale Model of the Functioning Brain. *Science*. 2012. Vol. 338. № 6111. P. 1202—1205.
- [13] Arbib M.A. Action to language via the mirror neuron system. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- [14] Corballis M. From hand to mouth. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2002.
- [15] Deacon T. The symbolic species. London: Penguin Books, 1997.
- [16] Hlinka J., Coombes S. Using computational models to relate structural and functional brain connectivity. *The European journal of neuroscience*. 2012. Vol. 36. № 2. P. 2137—2145.
- [17] Minett J.W., Wang W.S.-Y. Language, evolution, and the brain. Hong Kong: City University of Hong Kong Press, 2009. P. 294.
- [18] Oudeyer P.-Y., Kaplan F. Language evolution as a Darwinian process: computational studies. *Cognitive Processing*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 21—35.
- [19] Patterson F. The Mind of the Gorilla: Conversation and Conservation. *Primates*. Ed. K. Benirschke. New York, NY: Springer New York, 1986. P. 933—947.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМА СИМВОЛИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОЛОГИИ ДЖОНА МАККУОРИ

С.А. Лохов

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В центре философской теологии Джон Маккуори — категория «бытие». Опираясь на онтологические построения М. Хайдеггера и принципы демифологизации священных текстов Р. Бульмана, Джон Маккуори анализирует вопрос о том, каким образом язык, допускающий разговор только о сущем, можно расширить так, чтобы на нем можно было говорить о Бытии. Попытка ответить на этот вопрос уведит английского теолога за границы христианской теологии, наносит ущерб ясности представлений о религиозной вере.

Ключевые слова: бытие, онтология, теология, мифология, символ, символический язык.

В современной западной философии теологии сложилась группа экзистенциально ориентированных теологов, в которую наряду с Р. Нибуром и П. Тиллихом входит английский теолог Джон Маккуори (р. 1919). Он — автор более чем десятка монографий [26—29], редактор и автор ряда статей «Словаря христианской этики» [31], переводчик «Бытия и Времени» М. Хайдеггера [22] на английский язык, постоянный сотрудник журнала «Process Studies». В своих работах Дж. Маккуори пытается включить то ценное, что, по его мнению, содержится в экзистенциальной философии (и прежде всего в фундаментальной онтологии и антропологии М. Хайдеггера) в христианскую теологию; он «один из немногих экзистенциальных мыслителей, которые не отказываются идентифицировать себя и как христианина, и как экзистенциалиста» [18. С. 58]. Дж. Маккуори видит главной целью своих исследований разработку концепции «экзистенциально-онтологического теизма», которая призвана заменить собой традиционный «метафизический теизм» и возродить рациональную, или естественную теологию. В трактовке задач, целей, методов и структур развертывания естественной теологии он приходит к интересным и поучительным результатам, которым посвящена данная статья.

Дж. Маккуори отмечает, что уже во второй половине XX в. наблюдается явный разрыв между повседневным опытом и теологическими верованиями. Даже

внутри церкви современные люди плохо понимают, во что они верят. В похожей ситуации оказалась и наука: теоретичность научного знания не укладывается в рамки повседневно-бытового восприятия. Что касается философии, то после радикальной критики традиционной метафизики философия, равно как и теология, могут претендовать лишь на некоторую степень вероятности в своих утверждениях [28]. Особой убедительностью обладают лишь утверждения, которые совместимы с повседневным опытом людей.

Для «наведения мостов» между фактуальными утверждениями и теоретическими положениями Дж. Маккуори предлагает: во-первых, сфокусировать внимание на человеке и особенностях его существования; ведь именно человек является первичной данностью философской теологии, т.к. в философском вопросе о Боге речь идет об основаниях и последнем смысле и самого человека; во-вторых, разработку особого рода философии природы, в которой центральное место будет отведено космологии, ведь современная космология уже не так противоречит теологическим установкам, как это было в XIX в.

В книге «Принципы христианской теологии» он особое внимание уделяет онтологической проблематике [27], решая теологические задачи в стиле апафатического богословия, т.е. он подробно рассматривает, чем бытие **не** является. Попутно он показывает, что бытие необходимо отличать от становления и от явления [14. С. 114].

Для большей «ясности» характеристики бытия как условия существования того или иного обособленного сущего он прибегает к слову «предоставленность», т.е. «делать годным к бытию», «давать возможность жить», «вводить в бытие» [14. С. 115]. Религиозный человек воспринимает предоставленность бытия как самоотдачу бытия, как «милость бытия, изливающегося на нас и одаряющего собой» [14. С. 116].

Также английский теолог использует термины «присутствие» и «обнаружение»: «Бытие, которое трансцендентно любому обособленному сущему, есть, таким образом, „совершенно иное“, и оно в одно и то же время дальше всего от нас и ближе всего к нам, поскольку оно присутствует в каждом сущем, включая и нас самих» [14. С. 116]. Таким образом, его понимание Бытия как «несравнимое, предоставляющее себя, которое присутствует и обнаруживает себя во всем многообразии сущего» [14. С. 117] очень напоминает трактовку Бытия в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера [22]. Именно на таком, общем ему и М. Хайдеггеру, понимании Бытия Дж. Маккуори основывает свою естественную теологию.

Объектом веры, прояснению чего и служит теология, является сверхъестественная реальность — Бог. Дж. Маккуори вполне справедливо отмечает, что «Бог» и «бытие» не синонимы. «Бог» — не нейтральное наименование. Оно «несет в себе экзистенциальное отношение оценки, включенности, служения и т.п.. Мы могли бы даже сказать, продолжает Дж. Маккуори, что «Бог» есть синоним «священного бытия» [14. С. 118]. Далее английский теолог настаивает на признании святости бытия и отношения верующего к нему как «принятия и включенности» [14. С. 118].

Таким образом, мы видим, что понимание бытия как «несравненного, которое предоставляет себя, и есть присутствие и обнаружение» [14. С. 117] нацелено

на отождествление с пониманием бытия как божественного. «Бог» же выступает как символ, с помощью которого «старые теологи» обозначали обнаруженное ими и не осознанное присутствие «священного Бытия». Бытие — «несравненное» предоставляющее себя, присутствующее в каждом обособленном существе и обнаруживающее себя в нем и с помощью него самого является божественным, требует верующего отношения к нему как «принятия и включенности», т.е. становится «*Священным бытием*» или как раньше его называли «*Богом*». «Бог есть реальность, или, как я предпочитаю выражаться на классическом языке теологии, Бог есть Бытие» [30. С. 106]. К этому стоит добавить еще, отмечает Маккуори, что «Бог не есть сущее (ens) вообще, следует совершить качественный скачок и Бога следует рассматривать как бытие (esse), как самый акт бытия, который предшествует всем видам бытия и проявляется по средствам каждого партикулярного бытия» [30. С. 106]. Таким образом, в философской теологии Джона Маккуори мы видим отождествление хайдеггеровского бытия с христианским Богом.

Возникает вопрос о том, имеет ли Бытие Маккуори — Хайдеггера что-нибудь общее с тем, что верующий называет «*Богом*»? Как известно, сам М. Хайдеггер никогда не понимал Бога как бытие, что не раз подчеркивал в своих работах: «Бытие и бог не тождественны и никогда я не буду пытаться думать о сущности бога с помощью бытия... Верование не нуждается в бытии. Когда в этом есть необходимость, тогда это уже больше не верование... Я думаю, что бытие никогда не может быть осмыслено как сущность и основание бога, зато опыт бога и его проявление (когда это связано с человеком) выражаются в измерении бытия, что не означает, что бытие может выступать в роли возможного предиката бога» [25. С. 63]. Таким образом, возникает недоразумение: с одной стороны, Джон Маккуори как последователь Мартина Хайдеггера излагает почти без изменения его концепцию бытия; с другой стороны, он отождествляет это бытие с богом, что никогда сам М. Хайдеггер не делал.

Это недоразумение может быть рассеяно, по мнению Дж. Маккуори, при более пристальном прочтении М. Хайдеггера. «Употребляя слово „Бог“, пишет Маккуори, теолог по традиции имеет в виду не „бытие“, а некоторое „сущее“ или „иное сущее“ в дополнение к миру, не особое сущее, а просто „сущее“, даже если он называет его *ens realissimum* (реальнейшая сущность) и считает его наиболее бытийственным из всех сущих... Можно сказать, что „забвение бытия“, которое М. Хайдеггер считает характерным для нашей западной культуры, выразилось в теологической тенденции мыслить о Боге скорее как о существе, а не бытии» [14. С. 119].

Следуя за М. Хайдеггером по направлению борьбы против «забвения бытия», Дж. Маккуори призывает к пониманию Бога не как сущего, но как бытия, «которое в любом случае должно быть более первичным, чем любое сущее» [14. С. 119]. При этом он апеллирует к греческим Отцам, св. Августину и Фоме Аквинскому и далее к той точке, от которой «Библейское и христианское откровение ведет свое восприятие Бога как Бытия» [14. С. 157], т.е. от явления Бога Моисею в горящем кусте, открывшего свое имя: „Я есть Сущий“» [1].

Проведя тщательный анализ этого непростого места из Ветхого Завета (Исход, 8), английский теолог приходит к выводу, что выражение «Я есть Сущий» должно относиться к *процессу* существования или же к существованию во времени и в истории, а не к статическому бытию. Дж. Маккуори присоединяется к ученым, которые глагол «*huh*» (быть) понимают в причинном смысле: «я вызываю существование...» или «Я заставлю произойти...». Все это позволяет известное «Я есть Сущий» читать как «Я даю существовать тому, кому Я даю существовать», а «это как раз: и есть то, что мы понимаем под трансцендентным Бытием» [14. С. 158].

Для наиболее полного понимания реальности, скрывающейся под наименованием «Бог», Дж. Маккуори использует выражение «священное бытие». Это выражение обладает двумя значениями: онтологическим и экзистенциальным (потому что оно обозначает отношение включенности веры в священное как противоположность мирскому) [24. С. 17]. В слове «Бог» эти два значения совпадают и становятся нераздельными. «Утверждение «Бог существует» может быть выражено иначе, а именно: бытие не чуждо нам, не нейтрально по отношению к нам, но оно требует, чтобы посредством нашей веры в бытие мы могли войти в полноту бытия и реализовать в нем возможности своей личности» [14. С. 125].

Свой проект философской теологии Дж. Маккуори соотносит не только с онтологией, но и с символической теологией, которая в его определении рассматривает вопросы догматики, вероисповеданий, т.е. обращена к конкретным религиозным проявлениям Бога. «Она посвящена истолкованию тех великих символов и образов, в которых раскрываются истины веры — триединый Бог, творение, грехопадение человека, воплощение, искупление, эсхатология и все то, что относится только к вере христианской церкви... это — сердцевина всякой теологии, соответствующая тому, что обычно называют догматической теологией» [14. С. 100].

Онтология имеет дело с бытием как «нейтральным», философская теология с бытием как «священным Бытием». Философская и символическая теология соотносятся друг к другу как описание и интерпретация. В этом смысле слово «Бог» как символ обеспечивает интерпретацию того, что описывается как «священное Бытие» и нейтрально характеризуется как «бытие». В этом соотношении онтологии, философской теологии к символической теологии «Священное Бытие» представляется как один из многочисленных видов общего рода Бытия. Секулярное, т.е. нейтральное бытие, рассматриваемое онтологией, является относительно «священного» другим видом бытия. Тут мы наталкиваемся на явный просчет теолога: что из его рассуждений выходит, что Бог попадает в подчиненность Бытию. Дж. Маккуори явно не намерен этого допускать, он неоднократно с настойчивостью говорит о тождественности Бытия и Бога. Но все его построения заканчиваются именно приоритетом онтологии. В этом смысле предостережение М. Хайдеггера как раз уместно, он оказывается прав, когда говорит, что отождествление понимания (Бытия) с верой (Богом) всегда, в конечном счете, является вопросом понимания.

Возвращаясь к теологии Дж. Маккуори, отметим, что с его точки зрения целью теологии «является выражение содержания веры в наиболее ясной и последовательной форме» [14. С. 83]. «Ясность», о которой говорит Дж. Маккуори, от-

лична от ясности когитального сознания, она является даром, который человек получает от Бога. Ясность — это, условие всякой ясности такого рода и возможность явленности в этой ясности какого-либо содержания. А последовательность, упоминаемая в процитированном высказывании, не является простой логико-семиотической согласованностью, она представляет собой развертку Священного Бытия, воплощенную логикой развития символического языка христианской жизни. Истолкованию этого развития и посвящены ведущие работы Джона Маккуори. Именно этим они интересны.

Таким образом, целью теологии Дж. Маккуори является выражение содержания веры в наиболее ясной и последовательной языковой форме, что имеет важное значение для формирования религиозной картины мира и организации религиозной жизни, в частности для построения проповеди, для применения богооткровенных текстов к реальности современной жизни и в целом для осознания верой собственных оснований, всякий раз когда, верующий человек обнаруживает себя в ситуации непонимания.

Таким образом, в центре задач, выдвигаемых теологией, по мнению Дж. Маккуори, стоит вопрос о разработке особого рода языка. Такой язык своими корнями уходит в дотеологический язык. Это может быть язык мифологии. Мифология представляется Дж. Маккуори как вид «примитивной теологии» [14. С. 126]. Поэтому такие черты мифологического языка, как многозначность и метафоричность, приобретают символический характер. Для интерпретации такого символизма Дж. Маккуори опирается на разработанный Р. Бультманом метод демифологизации, который носит герменевтический характер [14. С. 129]. При этом программе экзистенциальной демифологизации Р. Бульмана Дж. Маккуори придает онтологический характер: «миф повествует о нашем человеческом существовании, но он повествует об этом существовании в связи с Бытием, с тем, насколько Бытие обнаруживает себя. Миф стремится выразить не только самопонимание, но и понимание бытия» [14. С. 130]. Здесь Дж. Маккуори подходит к важному вопросу: «каким образом язык, допускающий разговор только о сущем, можно так расширить или изменить, что на нем можно говорить о Бытии»? [14. С. 131]. Ответ на этот вопрос Дж. Маккуори (вслед за Р. Бультманом) видит в принципе «аналогии», т.е. соотношении феноменов принадлежащих существованию сущего с Богом или Бытием. Понятно, что такое соотношение невозможно без символов, считает английский теолог, «в особенности без символов, коренящихся в мифах... то обстоятельство, что эти символы теперь понимаются как символы и их можно обсуждать и объяснять на альтернативном интерпретационном языке, показывает, что тот, кто обращается с ними подобным образом, поднимается над чисто мифологической трактовкой символов» [14. С. 131].

При этом следует иметь в виду, что язык символической теологии имеет свои структурные особенности, иной символизм. Это — необъективирующий, неопредмечивающий язык, возникающий из опыта приближения общины к Богу (то есть экзистенциальной ситуации). Важным для него является косвенный характер выражения, благодаря которому для современного человека раскрываются истины веры и «обнаруживается» Бытие — Бог.

Принципы экзистенциальной десимволизации, отстаиваемые Дж. Маккуори, демонстрируются им на примере десимволизации «мифа» о воплощении. Воплощение стоит в центре любого христианского богословия. Воплощение Дж. Маккуори трактует следующим образом: «В центре христианской доктрины воплощения стоит Личность, которая стала символом Бытия, откровением Бога. Если кто-то возражает против того, чтобы называть бытие Христа „символом“, поскольку это слово уводит от реальности воплощения, то следует напомнить, что Бог (Бытие) есть присутствие-и-обнаружение в символе и трудно представить, что еще может означать „воплощение“» [14. С. 138]. Дж. Маккуори подчеркивает, что «личным образам и символам принадлежит первенствующее значение, поскольку они в наибольшей степени соучаствуют в Бытии и способны символизировать его наилучшим образом» [14. С. 138].

Говоря о «соучастии в Бытии» [14. С. 138], Дж. Маккуори не желает расстаться с экзистенциальной установкой Р. Бульмана и традицией религиозной герменевтики, уходящей своими корнями в средневековье и далее к патристике. В этом пункте задачи двух теологов совпадают: «интерпретация Библии и церковной проповеди таким образом, чтобы это могло быть понято как обращенное к человеку слово...» [7. С. 35]. Р. Бульман является представителем так называемой «диалектической теологии», представители которой (Барт, Бруннер и др.) считают, что любая интерпретация священного Писания несет печать истории, строится на социально-обусловленном ее понимании. Поэтому задача теолога — неустанное выяснение рационального содержания текста, ведь «смена культурного контекста сопряжена с генерированием новых смыслов. Потребность в их коррекции приводит к созданию искусственного интерпретационного контекста, представленного разбухающим массивом вторичных текстов (своего рода „культурой в культуре“), что является общим правилом религиозного знакового поведения» [15. С. 26].

Дж. Маккуори придает «демифологизации» онтологический оттенок, настаивая на том, что символы, обнаруживающие присутствие Бытия, обнаруживают это Бытие «не в самом себе», но являют представленность «Бытия в связи с нами» [14. С. 131], т.е. язык теологии всегда имеет экзистенциально-онтологический характер. Таким образом, вопрос о том, «как Бытие может символически раскрыть себя в сущем» [14. С. 135], можно переформулировать в более общий вопрос об онтологическом статусе явления Бытия в сущем, о сущности богоявления. Явленность бытия в сущем и Бога людям устанавливает связь небесного и земного, священного и мирского. За сохранение этой связи, которая зовется Заветом, отвечает язык. В языке сказывается *при-бытие* сущего. И связность этого языка обобщается связностью мира божественного и мира людей. Сама эта связь не есть простая логико-семиотическая последовательность, она онтологична.

Такую позицию можно прояснить следующим образом. Теизм, по Дж. Маккуори, это «видение целого, или вернее рассказ, пытающийся объяснить целое» [29. С. 138], выступающий как «выражение содержания веры в наиболее ясной и последовательной форме» [14. С. 83]. «Видение целого» предполагает *ясность* такого видения, которая есть ясность исходящая из истин бытия. А сам «рассказ»

в своей последовательной форме нанизывается на структуры развертываемого в опыте общины символически понятого «священного бытия». «Завещанный» таким образом мир наполняется смыслом и исполняется в нем. Проясняемое в языке, исходящем из истины бытия, сущее только таким образом выводится к существованию.

Таким образом, между Богом и миром не лежит то, что М. Хайдеггер называет «онтологической разницей», т.е. характеризовать их связь можно как онтическую — относящуюся к порядку сущего. Бог, понятый изначальной общиной как Логос, принципиально не отличен от сущего. Богоявление таким образом есть онтический акт. Подобные рассуждения разрывают отождествление Бога и Бытия, ставя Бога в подчиненное Бытию положение. Иными словами, вопрос отождествления понимания (Бытия) и веры (Бога) есть в конечном счете вопрос понимания. М. Хайдеггер, предупреждавший об этой опасности, писал: «лишь из истины Бытия впервые удастся осмыслить суть священного. Лишь исходя из существа святости можно помыслить существо божественности. Лишь в свете существа божественности можно помыслить и сказать, что должно называться словом „Бог“» [23. С. 213]; и далее: «Жив Бог или остается умершим, определяется не религиозностью людей, тем более не теологическими экскурсами философии и естествознания. Будет ли Бог Богом, определяется конstellацией Бытия и внутри нее» [23. С. 258]. Эти рассуждения можно сделать более наглядными. Дж. Маккуори полагает, что теология и онтология — это системы высказываний (нечто подобное предлагал в свое время П. Тиллих, говоря о диалогической координации теологии и онтологии). При этом они соотносятся как дескриптивные и интерпретативные системы высказываний. Для их координации необходимо, чтобы хотя бы одно из теологических высказываний было дескриптивным и хотя бы одно онтологическое высказывание было интерпретативным. Таким образом, невозможно было бы провести четкую границу между теологией и онтологией.

Итак, проект христианской теологии Джона Маккуори является одним из вариантов естественной теологии. В философской теологии Джона Маккуори наблюдается тенденция к подмене «Живого Бога» абстракцией, «бог» Дж. Маккуори, преодолевая рамки конфессиональной определенности, обретает весьма языческие коннотации. Тем не менее, хайдеггеровское истолкование категории «бытие» не может претендовать на монополию во всяком онтологическом подходе. Христианская теология Джона Маккуори наглядно подтверждает тезис о том, что христианская вера не может избежать онтологических вопросов, поднимаемых философией.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Библия.
- [2] Бибихин В.В. Язык Философии. М., 1993.
- [3] Бультман Р. Новый завет и мифология // Социально-политические измерения христианства. М., 1994.
- [4] Вайшедель В. Бог философов. Основоположения философской теологии в эпоху нигилизма. Т. 1, 2 // Зарубежные концепции философии религии. М., 1977.

- [5] Васильева Т.В. Божественность «под игом» Бытия. М. Хайдеггер о понятии // *Философия. Религия. Культура*. М., 1982.
- [6] Гайденок П.П. Понимание бытия у Фомы Аквинского // *Западно-европейская средневековая словесность*. М., 1985.
- [7] Герменевтика: история и современность. М., 1985.
- [8] Доброходов А.Л. Категория Бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986.
- [9] Доброходов А.Л. Учение досократиков о бытии. М., 1980.
- [10] Кимелев Ю.А. Методологические проблемы современного религиоведения. М., 1990.
- [11] Кимелев Ю.А. Современная западная философия религий. В., 1989.
- [12] Кимелев Ю.А. Философский теизм. М., 1993.
- [13] Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
- [14] Маккуори Дж. Принципы христианской теологии // Хайдеггер М. и теология. М., 1975.
- [15] Мейзерский В.М. Философия и неориторика. Киев, 1991.
- [16] Найдыш В.М. Философия мифологии. XIX — начало XXI в. М., 2004.
- [17] Современная буржуазная философия и религия. М., 1984.
- [18] Современные зарубежные исследования в области философской теологии. М., 1991.
- [19] Тиллих П. Мужество быть // *Социально-политические измерения христианства*. М., 1994.
- [20] Типсина А.Н. Немецкий экзистенциализм и религия. Л., 1991.
- [21] Философия. Религия. Культура. М., 1982.
- [22] Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
- [23] Хайдеггер М. Время и Бытие. М., 1993.
- [24] Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- [25] Heidegger M. *Identital und Differenz*. Pfullingen, 1957.
- [26] Macquarrie J. *An Existentialist Theology: a companion of Heidegger and Bultman*. N.Y., 1965.
- [27] Macquarrie J. *Principles of Christian Theology*. L., 1966.
- [28] Macquarrie J. *Thinking About of God*. L., 1975.
- [29] Macquarrie J. *The Faith of the People of God. A Lay Theology*. N.Y., 1972
- [30] Scharleman R.P. *The Question of Philosophical Theology // Being and Truth*. L., 1986.
- [31] *A Diktionary of Christian Ethics / ed. by J. Macquarrie*. L., 1978.

THE PROBLEM OF THE SYMBOLIC LANGUAGE IN PHILOSOPHICAL THEOLOGY JOHN MACQUARRIE

S.A. Lohov

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In the center of philosophical theology John Makkuori — the category “Being”. Relying on ontological creation of M. Heidegger and the principles of demythologization of sacred texts of R. Bultmann, John Makkuori analyzes a question of how the language allowing conversation only about beings can be expanded so that on it was possible to speak about Being. Attempt to answer this question takes away the English theologian for borders of Christian religious certainty, causes damage to clarity of ideas of religious belief.

Key words: Being, ontology, theology, mythology, symbol, symbolical language.

REFERENCES

- [1] Biblija.
- [2] Bibihin V.V. JAzyk Filosofii. M., 1993.
- [3] Bultman R. Novyj zavet i mifologija. *Social'no-politicheskie izmerenija hristianstva*. M., 1994.
- [4] Vajshedel' V. Bog filosofov. Osnovopolozhenija filosofskoj teologii v jepohu nigilizma. T. 1, 2. *Zarubezhnye koncepcii filosofii religii*. M., 1977.
- [5] Vasil'eva T.V. Bozhestvennost' «pod igom» Bytija. M. Hajdegger o ponjatii. *Filosofija. Religija. Kul'tura*. M., 1982.
- [6] Gajdenko P.P. Ponimanie bytija u Fomy Akvinskogo. *Zapadno-evropejskaja srednevekovaja slovesnost'*. M., 1985.
- [7] Germenevtika: istorija i sovremennost'. M., 1985.
- [8] Dobrohodov A.L. Kategorija bytija v klassicheskoj zapadnoevropejskoj filosofii. M., 1986.
- [9] Dobrohodov A.L. Uchenie dosokratikov o bytii. M., 1980.
- [10] Kimelev JU.A. Metodologicheskie problemy sovremennogo religiovedenija. M., 1990.
- [11] Kimelev JU.A. Sovremennaja zapadnaja filosofija religij. V., 1989.
- [12] Kimelev JU.A. Filosofskij teizm. M., 1993.
- [13] Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M., 1995.
- [14] Makkuori Dzh. Principy hristianskoj teologii. *Hajdegger M. i teologija*. M., 1975.
- [15] Mejzerskij V.M. Filosofija i neoritorika. Kiev, 1991.
- [16] Najdysh V.M. Filosofija mifologii. XIX — nachalo XXI v. M., 2004.
- [17] Sovremennaja burzhuaznaja filosofija i religija. M., 1984.
- [18] Sovremennye zarubezhnye issledovanija v oblasti filosofskoj teologii. M., 1991.
- [19] Tillih P. Muzhestvo byt'. *Social'no-politicheskie izmerenija hristianstva*. M., 1994.
- [20] Tipsina A.N. Nemeckij JEKzistencializm i religija. L., 1991.
- [21] Filosofija. Religija. Kul'tura. M., 1982.
- [22] Hajdegger M. Bytie i vremja. Har'kov, 2003.
- [23] Hajdegger M. Vremja i Bytie. M., 1993.
- [24] JEliade M. Svjashhennoe i mirskoe. M., 1994.
- [25] Heidegger M. Identital und Differenz. Pfullingen, 1957.
- [26] Macquarrie J. An Existentialist Theology: a companion of Heidegger and Bultman. N.Y., 1965.
- [27] Macquarrie J. Principles of Christian Theology. L., 1966.
- [28] Macquarrie J. Thinking About of God. L., 1975.
- [29] Macquarrie J. The Faith of the People of God. A Lay Theology. N.Y., 1972.
- [30] Scharleman R.P. The Question of Philosophical Theology. *Being and Truth*. L., 1986.
- [31] A Diktionary of Christian Ethics. Ed. by J. Macquarrie. L., 1978.

О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА Л. БИНСВАНГЕРА

Э.А. Арапова

Кафедра философии
Институт инновационных технологий и государственного управления
Московский технологический университет
пр. Вернадского, 86, Москва, Россия, 119571

В статье исследуются философские основания экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера. Показано, что швейцарский ученый в качестве теоретического фундамента психотерапевтической практики выбрал идеи немецкого философа Мартина Хайдеггера, в частности учение о человеке как *Dasein* и модусах его существования.

Ключевые слова: дазайн-анализ, бытие человека, самосознание, выбор, философская антропология, бытие-в-мире.

Людвиг Бинсвангер (1881—1966), швейцарский врач-психотерапевт, заложивший основания нового психоаналитического подхода к изучению человека и его психической жизни — дазайн-анализа (*Dasein-analyse*), который противостоял фрейдизму. Поскольку в отечественной литературе этот подход еще не получил широкого освещения, постараемся детальнее охарактеризовать понимание человека в экзистенциальном психоанализе, дазайн-анализе (*Dasein-analyse*) Л. Бинсвангера и раскрыть его философские основания. Тем более, что они тесно связаны с идеей практической философии, поставленной философами первой половины XX в. и понимаемой ими скорее не в кантовском смысле, а в значении аристотелевского фронезиса — знания действенного, ориентирующего в мире жизни.

В условиях нарастания кризиса фрейдизма Л. Бинсвангер считал основной своей целью поиск новых теоретических оснований для психотерапевтической практики. Для этого необходимо, по его мнению, дать критический анализ воззрений Зигмунда Фрейда на психику и человека в целом, а также проанализировать и использовать новые философско-антропологические концепции.

Критический анализ фрейдизма Бинсвангер дал в работе «Фрейд и его концепция человека в свете антропологии» (1). По его мнению, фрейдовский подход обедняет и упрощает человека, поскольку строится на идее *homo natura*. Человек рассматривается исключительно как биологическое, животное существо, единственными мотивами поведения которого являются инстинкты. Бинсвангер считает такой подход односторонним — нельзя выставлять теоретические основания психиатрии на изучении только одного аспекта бытия человека в мире. Заслуга Фрейда — в глубинном исследовании биологического аспекта человеческого существования. Создатель психоанализа здесь, безусловно, достиг значительных успехов, показав, как сильна власть этого аспекта бытия человека, однако не следовало бы абсолютизировать его силу. Он критикует Фрейда за то, что, по сути, создав специальную естественнонаучную концепцию человека, он претендует на опи-

сание социальной сущности человека. Так, Бинсвангер полагал, что идеи Фрейда следует поместить в «подлинно исторические рамки», т.е. понимать их качестве необходимой и важной ступени в антропологическом познании.

Л. Бинсвангер пытался найти фундамент для психологии и психотерапии в неокантианстве, феноменологии Э. Гуссерля, философской антропологии М. Шелера. Однако философские идеи этих учений не смогли выдержать испытания психотерапевтической практикой [5. С. 76]. В конечном счете философским основанием дазайн-анализа становится работа «Бытие и время» М. Хайдеггера. Идеи именно этой работы, по словам Бинсвангера, дали ему ключ к новым подходам при исследовании психической жизни человека. Он писал, что «феноменологически-философская аналитика существования Хайдеггера несомненно важна для психиатрии. Это связано с тем, что она исследует не просто конкретные области явлений и фактов, обнаруживаемых в природе „человеческих существ“, а скорее *бытие человека в целом*» [1. С. 84]. Л. Бинсвангер утверждал, что постижение человека в качестве *Dasein* представляет психотерапевту более полное понимание пациента, чем фрейдовский психоанализ.

Дазайн-анализ Людвига Бинсвангера — это следующий этап в психоаналитическом понимании человека и психотерапевтической практики, ставший основой для развития различных вариантов экзистенциального психоанализа. Бинсвангер, опираясь на идеи фундаментальной онтологии Хайдеггера, утверждает, что психотерапевтические теория и практика должны базироваться на понимании человека как непрерывно становящемся и определяющемся бытия-в-мире (*Dasein*). Фундаментальной характеристикой такого бытия является трансцендирование, т.е. способность «быть впереди себя», выходить за свои собственные пределы. В этом смысле человеческое бытие есть всегда открытая возможность, проект. Бинсвангер подчеркивает, что способность к трансцендированию реализуется в двух направлениях — к миру и к человеку, т.е. в его акте конституируется и миропроjekt, и самопроект (термины Бинсвангера). Из этого обстоятельства он делает важные для своего учения выводы об экзистенциальной основе психического заболевания. Он писал: «Если мы на минуту вспомним определение бытия-в-мире как трансценденции и рассмотрим с этой позиции наш психиатрический анализ существования, то мы поймем, что, исследуя структуру бытия-в-мире, мы также можем заниматься изучением психозов; более того, осознаем, что должны понимать психозы как особые модусы трансценденции» [3. С. 311].

По мнению Бинсвангера, сутью психической патологии является трансформация базовой структуры бытия-в-мире — трансценденции, поэтому основное усилие психотерапевта должно быть направлено на выявление ее причин и, насколько это возможно, на восстановление у пациента подлинной структуры человеческого бытия. Для этого необходимо знать личность до всякого разделения на болезнь и здоровье, т.е. ответить на вопрос: как она существует в своей изначальной структурной целостности? Так, психотерапевтическая помощь базируется на определенных представлениях о норме, об образе «здорового человека», с которым — при успешном лечении — должен идентифицировать себя пациент.

А это, в свою очередь, непосредственно зависит от философско-антропологических трактовок человека.

В понимании структуры человеческого бытия Бинсвангер опирается на философские идеи ранней работы Хайдеггера «Бытие и время», в которой дана подробнейшая аналитика «Dasein» [6]. Вслед за немецким мыслителем Бинсвангер понимает человеческое бытие как «заботу» в единстве трех временных модусов — прошлого, настоящего и будущего. Подлинный способ существования связан с будущим и предполагает проектирование себя и трансцендирование своих пределов. В том случае, когда человек (Dasein) отказывается от своей возможности трансцендировать, происходит переориентация его либо на модус настоящего, либо на модус прошлого. В обоих случаях активное, деятельное поведение замещается пассивным отношением человека к миру и самому себе. Пребывание в модусе настоящего обезличивает человека и погружает его в «боязливые хлопоты», его жизнь проходит в бессмысленном сосуществовании с другими людьми.

Крайней степенью неподлинности существования и удаленности от трансцендирования Бинсвангер считает психическое заболевание. Он обнаружил, что многие его пациенты перестают воспринимать мир и самих себя в становлении, отказываются от самоопределения. Такое положение дел он образно назвал «приземлением». Приземление — это «процесс, в котором Dasein отрывается от своей реальной, свободной возможности быть самим собой и предается специфической картине мира» [2. С. 153]. Формируется ущербный статический миропроjekt, который управляется на основании ограниченного количества идей или даже одной идеи. Сужается смысловой контекст для понимания реальности и происходящих с человеком событий, нарастание единообразия во всех сферах опыта. Бинсвангер пишет: «То, что отдаляет нас от „душевнобольных“, что заставляет их казаться нам чужими, это не отдельные ощущения или идеи, но, скорее, факт их тюремного заключения в проекте мира, который чудовищно сужен, потому что он управляется одной темой или небольшим количеством тем» [4. С. 304].

Существует еще одна сторона психической деформации личности, которую Бинсвангер называет «само-избранной несвободой». Психически здоровый человек свободен в конституировании и построении своих миропроjektов, при этом он стремится учесть все обстоятельства своего существования в мире. При психических заболеваниях, напротив, происходит утрата свободы самоопределения и человек уже не позволяет миру быть самим собой, а выстраивает фиксированную и ограниченную картину мира. Таким образом, то, что Хайдеггер называл неподлинностью бытия, у Бинсвангера становится определяющей характеристикой душевного расстройств.

Бинсвангер был убежден, что экзистенциальный анализ предполагает совместное с пациентом философское исследование его жизни, что способствует увеличению степени самосознания человека и восстановлению способности к трансцендированию. Теоретическая и практическая деятельность Л. Бинсвангера была высоко оценена: в 1956 г. ему вручили высшую награду для психотерапевта — медаль Крепелина.

В заключение хотелось бы отметить, что Людвиг Бинсвангер обратился к весьма важным личностным вопросам. Его исследование — это стремление понять самое сокровенное содержание человеческого существа, распознать то, что в жизни человека подлинно значимо, т.е. попытка найти ответ на извечный вопрос: как и зачем жить? И остается выбор за каждым человеком — применять это знание в своей жизни или нет.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) В «Воспоминаниях о Зигмунде Фрейте» Бинсвангер писал о том, как отозвался Фрейд на критику его идей: «...Я, конечно же, не верю ни одному слову, сказанному Вами. Я всегда жил только в партере и подвале дома. Вы утверждаете, что, сменив точку обзора, человек может увидеть и верхний этаж, вмещающий таких высоких гостей, как религия, искусство и т.п. Вы не одиноки в своих взглядах, большая часть образованных представителей homo natura верят в это. В этом Вы консерватор, а я революционер. Если бы в моем распоряжении была еще одна жизнь для работы, то я, вне всякого сомнения, смог бы отыскать место для этих благородных гостей в своем маленьком подземном домике» [4. С. 13—14].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бинсвангер Л. Аналитика существования Хайдеггера и ее значение для психиатрии // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., К., 1999.
- [2] Бинсвангер Л. История болезни Лолы Восс // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
- [3] Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2001.
- [4] Нидлмен Я. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Людвиг Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
- [5] Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985.
- [6] Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

ON PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF L. BINSWANGER'S EXISTENTIAL PSYCHOANALYSIS

E.A. Arapova

Philosophy Department
Institute of innovative technologies and state administration
Moscow Technological University
Prospect Vernadskogo, 86, Moscow, Russia, 119571

This article deals the philosophical foundations of L. Binswanger's Daseinanalysis. It's shown M. Heidegger's ideas (i.e. a man as Dasein and human being moduses) to be sours of the Binswanger's psychotherapeutics practice.

Key words: Daseinanalysis, philosophical anthropology, human being, selfconsciousness, choice, being-in-the-world.

REFERENCES

- [1] Binswanger L. Existential Analytics of Heidegger and its meaning for the psychiatry. *Binswanger L. Being-in-the-world*. М., К., 1999.
- [2] Binswanger L. History of Lola Voss's illness. *Binswanger L. Being-in-the-world*. М., К., 1999.
- [3] Binswanger L. Existential-analytical school of thought. *Existential Psychology*. М. 2001.
- [4] Nidman Y. Critical introduction to existential psychoanalysis. *Binswanger L. Being-in-the-world*. М., К., 1999.
- [5] Rutkiewicz A.M. From Freud to Heidegger: Critical essay on existential psychoanalysis. М., 1985.
- [6] Heidegger M. Being and Time (Sein und Zeit). М., 1997.

РОМАНТИЗМ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Н.М. Марджи

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена определению и значению феномена виртуальной реальности в современном мире и ее корнях в истории культуры. Показано, что в романтизме был разработан целый арсенал философско-понятийных и художественно-стилистических средств изображения виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, романтизм, сознание.

Эпоха постмодерна характеризуется повышенным динамизмом и качественными трансформациями сознания, среди которых особый интерес вызывает виртуальная реальность. Виртуальность — это определенное состояние, которое не существует реально и может возникнуть лишь при определенных обстоятельствах [5].

В словосочетании «виртуальная реальность» отражается возможность пребывания в рамках виртуальности — временного существования в мире, противопоставленном реальному. Основное отличие мира виртуального от мира реального лежит во временном измерении бытия. Реальный мир явлен нам как последовательность прошлого, настоящего и будущего; в него человек возвращается из виртуальности как в некую заданность. Реальный мир представляет собой актуальность, а виртуальный — потенциален по отношению к реальности, от которой он отталкивается.

Виртуальность строится, как правило, на модифицированных представлениях, изъятых из реальности (т.е. посредством творческой работы воображения и продуцирования чувственно-воспринимаемых образов). В ряде исследований указано, что виртуальный мир всегда является порожденным [6. С. 33], другими словами, виртуальность порождается субъективной реальностью. Виртуальная реальность есть прежде всего *состояние сознания* человека, в которое он погружается посредством различных средств. Эти средства в целом можно разделить на две основные группы. Первая — это технические приспособления (компьютерные технологии, телевидение, интернет, кино, звуковые, световые и прочие изобретения, на физическом уровне конструирующие «психологический портал», посредством которого происходит погружение в виртуальную реальность).

Некоторые исследователи проводят границу между, например, просмотром телевидения и компьютерными играми в силу отсутствия ответной интерактивной реакции и неполного вовлечения человека: «Телевидение и другие средства массмедиа, книги еще не могут считаться настоящей виртуальной реальностью, поскольку не обладают возможностью интерактивного взаимодействия. Другой уровень вовлеченности в виртуальность дают компьютерные игры» [9]. Однако,

на наш взгляд, фактор наличия интерактивного взаимодействия не является решающим в процессе вовлечения и пребывания в виртуальной реальности, поскольку мы считаем виртуальность именно состоянием.

Вторая — это медикаментозные средства, препараты растительного или синтетического происхождения, посредством приема которых человек физически продолжая пребывать в реальном мире, в своем сознании переходит на качественно новый уровень — виртуальной реальности. Так виртуальная реальность предстает как эскапизм сознания, т.е. желание бегства в другой, супранатуральный мир (пусть и временное).

Привычка уходить в виртуальность иногда становится болезнью (см. термин «зависимость» [7. С. 29]). Хотя несмотря на тревогу относительно, например, роста игромании, ВОЗ пока не решается окончательно признавать интернет-зависимость и чрезмерное увлечение играми болезнью [8], но споры об этом не утихают. В любом случае феномен виртуальной реальности достижим посредством различных методов, но основной причиной возникновения и развития виртуальных технологий является нарастающее желание (или даже потребность) субъекта «убежать» из мира реального. Спрос на такие методы у современного человека все более возрастает.

Философский анализ особенностей виртуального мира сталкивается с методологической проблемой подбора подходящего понятийно-категориального инструментария, позволяющего более или менее адекватно воссоздавать закономерности такого своеобразного объекта, которым является виртуальная реальность. Далеко не все философские школы и направления могут предложить такой инструментарий.

На наш взгляд, одним из наиболее подходящих в этом отношении философских направлений оказывается романтизм. Для обоснования такого вывода рассмотрим детальнее мировоззрение романтиков, которые стремились посредством искусства формировать новую реальность, на пути превращения жизни (повседневных структур бытия) в искусство, а искусство (воображение, фантазию) в жизнь.

Мировоззренческие основания романтизма были сформулированы в конце XVIII —нач. XIX вв. в рамках кружка «йенских романтиков» (братья Шлегели, Новалис, Л. Тик и другие). Далее романтизм распространился по всей континентальной Европе (известен английский, французский романтизм), а впоследствии приобрел свое значение и в России. В центре мировоззрения романтизма — приоритет эмоционального восприятия, чувства над разумом, эмоций над абстракциями. А.Л. Вольский достаточно точно назвал этот процесс «поэтическим познанием универсума» [4]. Для романтизма характерно интуитивное и чувственное восприятие бытия, стремление к переживанию мира, выражению чувств (таких как смятение, страх, таинственность, сомнение, и многих других, наводящих также и на размышления о вечности) (1). Также необходимо обратить внимание на особую роль сна и сновидений в романтическом искусстве — сон в романтизме понимается как новая реальность, отдаляющая человека от повседневного мира. Посредством сновидений в понимании романтиков человек погружается в другую про-

странственно-временную среду; любые трактовки и элементы сновидений приобретают особый магический оттенок. Романтики тяготели к мифологическим мотивам и сказочным сюжетам, содержание которых часто было наполнено мистическими и фантастическими компонентами, посредством которых реализовывалось *воображение* автора [3].

Создание чувственных образов посредством избегания реальности, использования мифологической составляющей, обожествление природы — эти факторы указывают на интенцию к созданию новой реальности, существующей лишь в воображении художника. Тем самым романтики склонны к индивидуализации психологической реальности, эмоциональным коррелятом которой является аффективно-чувственный образ в литературе, живописи или поэзии.

В романтизме был разработан целый арсенал философско-понятийных и художественно-стилистических средств изображения мистической, иллюзорной, идеальной реальности. Романтики широко привлекают для выражения высокой напряженности чувств понятийные и образные контрасты, смешение густых и ярких красок для достижения колорита, их тексты наполнены намеками, полутонами, аллегоризмом, символизмом, архаизмами языка, образов и понятий, поиском импрессионистской музыкальности слов и др. С другой стороны, в поисках средств выражения амбивалентности бытия романтики прибегают и к таким художественно-стилистическим средствам, как безмолвие, молчание, тишина, безграничность («пейзажи без границ») и пр.

Особое внимание романтики уделяли иронии, в которой видели «единственно достойное изображение текучего бытия, не позволяющего искать абсолютных характеристик, „окаменевших форм“... Ирония позволяет „парить“ над действительностью, между созиданием и уничтожением, бытием и хаосом, способствует, таким образом, самоосвобождению человека, его свободе. Иронизировать над действительностью надо для того, чтобы ее созидать» [3. С. 452], т.е., в конечном счете, превращать реальное в виртуальное. Именно романтики наметили пути осмысления и художественного выражения мира виртуальности, бегства от временных рамок, от настоящего к воображаемому будущему.

Опыт романтиков по созданию воображаемого мира, сотканного из различных трансформируемых воображением образов, позволяет продемонстрировать деформацию отношений между сознанием человека и внешним миром. Виртуальный мир представляет собой лишь мир возможного, потенциальный мир, а он находится в явном противоречии с актуальной реальностью. И эти противоречия романтики попытались абстрактно-понятийно и художественно-образно выразить и осмыслить.

Таким образом, современные представления о виртуальной реальности в определенной мере сложились под влиянием романтической традиции с ее и олицетворением абстрактного, опредмечиванием воображаемого, попытками преодолеть замкнутость психологического мира индивида. Эмоциональные переживания воображаемых (искусственно конструируемых) связей человека с миром на личном уровне заменяют его реальные отношения к миру и таким образом отчуждают

от проблем в реальности. Виртуальное подменяет реальное в пределах «психологической», «субъективной» реальности. Иначе говоря, технологические средства, обеспечивающие виртуализацию реального, помогают современному человеку в бегстве от подлинной реальности, усиливают мотивы и цели эскапизма. Сегодня мобильный телефон с доступом в Интернет становится карманным порталом в такую особую «виртуальную реальность», где индивид ощущает себя популярным и востребованным, когда как в реальности повседневных структур бытия он ощущает тотальную пустоту и никчемность. Очевидно, что чрезмерное увлечение виртуальной жизнью приводит к нарушению не только связей человека с природной действительностью, но и к разрыву связей межличностных, социальных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Например, эти чувства читатель может переживать при прочтении поэмы «Кристабель» С.-Т. Кольриджа или просмотре картины К.Д. Фридриха «Дерево с воронами».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914.
[2] Литературная теория немецкого романтизма / под ред. Н.Я. Берковского. Л., 1934.
[3] Найдыш В.М. Философия мифологии: от античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002.
[4] Новалис Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014.
[5] Новая философская энциклопедия ИФ РАН. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0628.html>.
[6] Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000.
[7] Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам. ВОЗ, Женева, 1996.
[8] Существует ли интернет-зависимость? // Наука и жизнь. 2013. № 3.
[9] Шиповская Л.П. Виртуальная реальность (потребность в новых информационных технологиях). URL: <http://esa-conference.ru/wp-content/uploads/files/pdf/SHipovskaya-Lyudmila-Pavlovna.pdf>.

ROMANTICISM AND VIRTUAL REALITY

N.M. Mardzhi

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is concerned to the definition and importance of such phenomenon as virtual reality in contemporary world and its roots in the history of culture. It is shown that in Romanticism was developed an arsenal of philosophical, conceptual, artistic and stylistic tools and methods for virtual reality's creation.

Key words: virtual reality, romanticism, conscious.

REFERENCES

- [1] Zhirmunskij V. Nemeckij romantizm i sovremennaja mistika. St. Peterburg, 1914.
- [2] Literaturnaja teorija nemeckogo romantizma. Ed. N.Ja. Berkovskogo. Leningrad, 1934.
- [3] Najdysh V.M. Filosofija mifologii: ot antichnosti do jepohi romantizma. Moscow: Gardariki, 2002.
- [4] Novalis Fragmenty. SPb.: Vladimir Dal', 2014.
- [5] Novaja filosofskaja jenciklopedija IF RAN. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0628.html>.
- [6] Nosov N.A. Virtual'naja psihologija. M.: Agraf, 2000.
- [7] Slovar' terminov, odnosjashhihsja k alkogolju, narkotikam i drugim psihoaktivnym sredstvam. VOZ, Zheneva, 1996.
- [8] Sushhestvuet li internet-zavisimost'? *Nauka i zhizn'*. 2013. № 3.
- [9] Shipovskaja L.P. Virtual'naja real'nost' (potrebnost' v novyh informacionnyh tehnologijah). URL: <http://esa-conference.ru/wp-content/uploads/files/pdf/SHipovskaya-Lyudmila-Pavlovna.pdf>.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБЫЧНОГО ПРАВА (на примере реконструкции генезиса правового обычая казахов «жиенкұрык»)

К.Н. Дауталиев

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются мифологические истоки и социокультурные факторы генезиса правового обычая казахов «жиенкұрык» — ритуальной кражи племянником имущества (скота) дяди со стороны матери. Дается авторское понимание понятия обычного права и правового обычая. Анализируется связь обычая ритуальной кражи и архетипа «вечное возрождение» (бессмертие).

Ключевые слова: обычное право, мифология, «жиенкұрык», ритуальная кража, архетип, бессмертие, вечное возрождение.

В начале XXI в. обостряются вопросы о средствах преодоления глобального кризиса человеческой цивилизации, в частности, вопрос о возможностях права как одного из таких средств. Притом что, по мнению многих специалистов, само право, правосознание находится в состоянии кризиса. Одним из проявлений современного кризиса права является активное вмешательство норм обычного права в современные правовые системы. В качестве примера можно назвать международное гуманитарное право [1], предметом которого является регулирование военных конфликтов международного характера, а также обычаи интернет-сообществ, утверждающие свои регулятивные способности в информационном пространстве глобализирующего мира. С развитием информационных технологий в пространстве Интернета образовалась юридическая практика, сформированная без учета геополитических границ и верховной власти [2. С. 226], но при этом весьма эффективно регулирующая поведение участвующих в интернет — сообществах лиц. Обычное право — исторически первая форма и источник права. Но при этом оно актуализируется, оказывается весьма современным, «глобализируется», входит в современную правовую реальность, отвечает на вызовы нашего времени.

Почему обычное право со времен первобытного состояния социума до сих пор продолжает выполнять свою роль, продолжает жить и действовать в современном постиндустриальном мире? Ответ, видимо, непростой. Но один его момент нам бы хотелось прояснить. Он лежит в области философии права и связан с пониманием мифологической природы истоков обычного права. В основе обычного права — архетипические структуры и схемы, лежащие в бессознательных глубинах психической реальности как отдельного индивида, так и коллектива, которые в тех или иных конкретных жизненных ситуациях способны перейти в актуальное состояние. Существуют сложные устойчивые связи между отдельными эмпирическими событиями и применяемыми к ним нормами обычного права. Такие связи определяются социокультурными факторами и могут быть представлены разными моделями («правовые карты»).

Право — это верхняя видимая соответственно небольшая часть айсберга в системе социальных регуляторов поведение личности. Текст права проявляет себя только в контексте культуры того или иного общества, включая мифологемы и идеологемы права, которые в повседневной жизни бытуют в форме юридических фикций и правовых презумпций. В отличие от позитивного, обычное право не нуждается в формальном определении в виде письменного текста, даже отвергает такие попытки в силу пластичности своего содержания. Известные в истории человечества кодификации норм обычного права детерминированы прежде всего потребностями усиления политической власти правителя, а не потребностями в совершенствовании юридической техники. Поэтому в обычном праве основную нагрузку берут на себя фундаментальные правовые принципы, схемы межличностных отношений, персональные статусы (маски), сопровождающиеся ритуально-символической системой культуры, с одной стороны, и коллективным бессознательным опытом, с другой стороны.

Подчеркнем основные особенности обычного права. Во-первых, обычное право есть совокупность правовых обычаев. Во-вторых, обычай (он может иметь религиозное, мифологическое, политическое и другие свойства) обладает правовым свойством, становится нормой, если он снимает (1) конфликт и разрешает юридический спор. А чем спор юридический отличается от не юридического? В этом состоит третья отличительная черта обычного права. Спор считается юридическим, если он содержит два взаимно предполагающих признака: 1) наличие процессуальной формы — разбирательство в форме третейского, арбитражного, государственного суда, т.е. предмет спора должен рассматриваться третьей стороной, желательно независимой; 2) институционализация предмета спора — устойчивые, социально значимые, чувствительные сферы и виды общественных отношений: имущественный спор (кража, грабеж), семейно-брачный спор (умыкание невесты, выкуп), спор о чести и достоинстве, религиозный спор (вероотступничество, богохульство) и т.д. Предмет спора — динамичное и зыбкое явление, зависящее от объективных социальных изменений, и от субъективно-культурных представлений того или иного сообщества, включая и частные представления индивида. Поэтому определить полный перечень предметов спора невозможно. Форме присуще устойчивый характер, содержанию — изменчивый. Поэтому учреждение правосудия (форма) конкретного общества есть ответ на вызовы социального напряжения своей эпохи, отражение актуальных для данной эпохи спорных и конфликтных тем и ситуаций.

Мифологические и архитипические истоки обычного права убедительно прослеживаются в традиционной культуре казахов. У казахов сохранился древний обычай «жиенқұрық», согласно которому «жиену», т.е. ребенку дочери или сестры, положено трижды получить подарок от отца матери или ее братьев, так называемых групп родственников — «нағашы». «Сын дочери или сестры назывался термином родства „жиен“, который исторически представлен в орхонских надписях и в древнетюркских, в карраханидско-уйгурских, а также в венгерских источниках XIV—XVII вв. Из современных языков — в азербайджанском, туркменском, ка-

ракалпакском, казахском, башкирском, узбекском, киргизском и хакасском языках» [4. С. 762]. В составленном в 1948 г. усилиями сектора права АН КазССР сборнике по обычному праву казахов встречаем следующее объяснение этого термина: «Жиен — дети от дочери; называвшиеся жиены, имели право на долю из наследства деда, “нағашы” — отца матери» [5. С. 430]. В отличие от наследства как такового, данный обычай существовал в форме подарка, но подарка особого — обязательного.

Система дарения доиндустриальных обществ, в частности у кочевых-казахов, сильно отличается от современной юридической конструкции. Своеобразная логика, заложенная в основе системы дарообмена, насыщена культурными нормативами фольклорного жанра и построена на мифологических представлениях. Чиновник особых поручений, служивший в Акмолинском областном управлении И.А. Козлов, в своей статье «Обычное право киргизов», опубликованной в 1882 г., поделился следующими наблюдениями: «Дарение у киргизов (казахов — К.Д.) весьма развито; нет в их жизни ни одного торжественного случая, который не сопровождался бы более или менее значительными, обязательными подарками, а кроме того существуют особые, точно определенные юридические отношения, сущность которых сводится к обязанностям давать и праву получать» [5. С. 357]. Дар в традиционном обмене у казахов полисемантичен; он может выступать в форме:

- умиловительной, благодарственной жертвы донора с целью заручиться поддержкой реципиента;
- подношения донора в знак уважения и признания заслуг реципиента;
- «открывающего дара» с целью начать обмен с представляющим интерес субъектом;
- дара, посредством которого домогаются отдара;
- подарков, которыми обмениваются гости;
- доли, полученной в различного рода раздачах и дележах;
- подарка, инвольвирующего одновременно апотропейную и маркирующую составляющие и преподносимого в рамках с ритуала перехода [6. С. 10].

Родственники со стороны матери обобщенно представлялись как «нағашы», хотя само название отличается от коллективного его предназначения, конкретизируя начальную родственную связь: «нақ» + «аға», т.е. «настоящий дядя». Можно уверенно предполагать, что понятие настоящий дядя, т.е. нағашы, существовало для разграничения от ненастоящих, соответственно непервостепенных по кровнородственной близости дядей, в том числе дядей со стороны отца.

Термин родства «нағашы» в обозначаемом смысле встречается и у других кочевых народов Евразии, например, «нагац» у монголов, «нахц» у калмыков [4. С. 748]. Хотя у тюркоязычных народностей Евразии вместо нағашы используется другой термин — «taj» — «tañ», которому в дальнейшем уточнении присоединяется свойства родства, если это отец матери то taj-ada, мать матери — taj-ene и т.д. [6. С. 20]. Соответственно, брат матери назывался термином «taj-ауа» (тай-ага), этимологическое значение которого сводится «к сочетанию taj + ауа, где taj

можно сопоставить с названием годовалого жеребенка *taj*. Первоначально — это ласковое обращение ребенка к дяде — родственнику матери» [4. С. 748]. В этом, в частности, проявляется и важное значение лошади в жизни тюрков в древности. Предметом получаемых подарков у кочевых народов практически всегда выступал именно годовалый жеребенок — *taj* (*taj*). К тому же название такого обычая у кочевых казахов соединено из двух слов «*жиен*» + «*кұрык*», где значение «*кұрык*» переводится как укрюк — шест с арканом для ловли пасущихся лошадей, что само собой объясняет предмета получаемого подарка.

Лингвистическое значение термина «*нагашы*» частично подтверждает концепцию матриархата И.Я. Бахофена, согласно которой женщины выступали в качестве отправной линии в структурировании родственных отношений в архаичном обществе. Конечно, в концепции И.Я. Бахофена есть много зыбких моментов. Так, в частности, будучи патриархальным, общество может быть организовано по принципу как патрилокальности, так и матрилокальности. Например, традиционные общества кочевых-казахов [8], рыболовов-индейцев [9] Северной Аляски были патриархальными, но у первых оно было организовано патрилокальным принципом, а у вторых — матрилокальным.

Патриархальность является имманентным свойством неолитических обществ, в которых обмен женщинами между родовыми общинами выступал фундаментальной чертой их жизнедеятельности. Патрилокальный принцип организации общества считают социально оправданным, так как «мужчины в обоих случаях стремятся сохранить доминирующее положение. Родство по отцовской линии облегчает эту задачу, поскольку оно объединяет мужчин, тогда как родство по материнской линии связывает мужчин и женщин по принципу единокровия» [10. С. 90]. По нашему мнению, обязательный подарок племяннику дяди со стороны матери имеет глубокий сакральный смысл. Обязательность подарка дает племяннику право его получать даже путем кражи (скота или любого понравившегося ему имущества). Согласно устоявшим нормам казахского обычного права свое такое право «*жол*» (в том числе и на кражу) племянник может применять трижды. Традиционный суд *биев* (суд обычного права казахов) не принимал жалоб в таких случаях, соблюдая нормы древнего обычая.

Для понимания данного обычая, вытекающего из сущности родственных связей, рассмотрим закономерности элементарной структуры родства. Она основана на четырех членах отношений (брат, сестра, отец, сын), связанных между собой так, что в каждом из двух данных поколений всегда существуют одно положительное и одно отрицательное отношение между родственниками. При патрилинейной системе, где отец и счет родства по линии отца выражают традиционный авторитет главы семьи, дядя по материнской линии рассматривается как «мать мужского рода»; обычно с ним обращаются, как с матерью, и иногда его даже называют именем матери. Противоположная система создается при матрилинейной системе, там носителем авторитета является глава семьи — брат по материнской линии. В одном случае дядя с материнской стороны представляет авторитет главы семьи; его боятся, ему подчиняются, он имеет власть над своим племянником; в другом

случае племянник обладает правом фамильярного отношения к своему дяде, он может обращаться с ним почти как с жертвой. Во-вторых, существует связь между установкой по отношению к дяде с материнской стороны и установкой по отношению к отцу. В группах, где между отцом и сыном существуют отношения близости, отношения между дядей с материнской стороны и племянником отличаются строгостью. Там же, где отец выступает как суровый хранитель семейной власти, отношения с дядей отличаются свободой.

Но все это еще не полностью объясняет, что именно мотивирует странное поведение племянника. Анализ доиндустриальных обществ, организованных по матрилилокальному принципу, также не дает каких-либо достоверных сведений по данному вопросу. Некоторые соответствия можно отыскать лишь в мифологических сюжетах народов тех времен. Однако казахские мифы не содержат такого рода сведений. Они были поздно записаны. Кроме того, после принятия исламской религии кочевниками-протоказахами мифы доисламского периода сильно деформировались, а противоречащие слои постепенно вытеснялись из памяти народа или заменялись путем демифологизации сильной монотеистической религией. Зато такого рода мифы сохранились у других народов. Так, удивителен миф о происхождении мира африканского племени догонов, где подробно излагаются мифологические причины для преследования племянником своего дяди.

В мифологическом представлении «догонов вначале было яйцо мира, внутри которого находились две пары близнецов. Одна пара должна была стать стражем порядка, а другая занималась тем, что создавала беспорядок. Двое близнецов первой пары вступили в идеальный брак, соединились и дали жизнь новому поколению близнецов. Что касается другой пары, то близнец мужского пола вышел из яйца до срока, покинув близнеца женского пола, с которым он должен был вступить в брак, что и привело к беспорядку в мифическом мире. Покидая яйцо мира, этот близнец-дезорганизатор прихватил с собой несколько семян и кусочек плаценты. Позднее из этого кусочка плаценты он создал землю и поскольку у него не было самки, он соединился с этой землей. Этот союз противоречил закону (он должен был жениться на своей сестре) и одновременно был нечистым (близнец соединился со своей родительницей, поскольку земля представляла собой лишь производное от плаценты, из которой он сам был рожден). Кража семян и порочность этого союза дали повод паре близнецов — стражей порядка для вмешательства в дела на земле. В силу мифологического реализма мир воображаемых мифологических образов непосредственно переходит в видимый мир, некоторые юридические правила являются ничем иным, как воспроизведением мифического повествования. Так, например, обстоит дело с родственными связями по материнской линии и с отношениями между племянником и единоутробным дядей, которые часто отмечены враждебностью. Для догонов единоутробный дядя ассоциируется с близнецом, который покинул свою пару, не женившись на ней, взяв жену вне своего рода, он покинул свою сестру. Сын этой последней, т.е. племянник, должен, следовательно, наказать его за это дерзким поведением или ритуальными кражами» [10. С. 56—57].

Как видим, ритуальная кража существует в мифологиях многих традиционных обществ. Вместе с тем в изложенном варианте мифа догонов недостаточно понятен смысл ритуальной кражи. С одной стороны, он запрещает инцестуальный брак между матерью и сыном, а с другой, санкционирует возможности существования такой формы брака между братом и сестрой. Родственные отношения у современных догонов в основном формируется патрилатеральным образом, т.е. некто может или должен жениться только на дочери сестры отца. Быть может, брак между дочерью сестры и сыном брата есть результат подражания идеальному поведению, но не первого, а второго порядка, т.е. не между братом и сестрой, а их субститутами. Подражание всегда вторично по отношению к идеальному мифологическому порядку. Оно не может превзойти такой идеальный порядок, в процессе претворения в жизнь такого порядка допускается его деформация. Кроме того, такой брак оправдывает обменное отношение между большими семьями и экзогамен по существу. Итак, конфликт снимается символически: с одной стороны, не нарушены требования мифа по смыслу, с другой, такой брак отвечает социальным потребностям больших семей в обмене женщинами как средстве коммуникации.

Таким образом, на наш взгляд, анализ социокультурного контекста термина родства «нағашы» — «настоящий дядя» дает основания для подтверждения концепции о предшествовании матрилокального принципа организации патрилокальному построению общества кочевых казахов.

Попутно отметим, что фрейдовский психоаналитический сюжет «сын убьет отца» и концептуальный мотив «из-за любви к матери» не соответствует матрилокально организованному обществу. В соответствии с духом фрейдизма, в матрилокальном обществе ребенок «должен» убивать не своего отца, а дядю — брата матери.

Более реалистична теория мифа К.Г. Юнга. В ней, во-первых, субъектом мифа является архаический коллектив, а не отдельный индивид, во-вторых, миф дает объяснение не только происхождению героя, но и его смерти и возрождению. Иначе, чем З. Фрейд, трактует К.Г. Юнг и появление инцеста. В понимании К.Г. Юнга мотив кровосмешения не является последствием удовлетворения либидо, а имеет более глубокое обоснование — идею возрождения. Согласно юнгианской концепции мифологема возрождения предполагает, что для того, чтобы еще раз родиться, необходимо заново оказаться в утробе матери, а это возможно только путем ее оплодотворения. Мифологема возрождения лежит в основе трактовок древними культурами генезиса природных объектов, в частности, мифов о происхождении и существовании небесных тел. С точки зрения К.Г. Юнга, миф имеет психологическую природу и пользуется метеорологическими или астрономическими явлениями как материалом для своего выражения [11. С. 207]. Например, в древне-египетском мифе герой (Осирис) подобно солнцу рождается из утробы матери (море, земля) и вновь погружается в нее (инцест с Исидой — сестрой, являющейся субститутом матери) с тем, чтобы следующим утром торжественно взойти на небосвод для новой жизни в облике своего сына (Хора).

Если упоминаемое в мифах выбрасывание в воду последователями З. Фрейда рассматривалось как иносказательное изображение рождения героя, то для К.Г. Юнга этот мотив есть буквальное сообщение о смерти героя. Герой умирает, чтобы затем из вод (море, река и т.п.) материнской утробы (короб, бочонок, сундук, корзина и т.п.) родиться вновь, но уже для вечной жизни, стать бессмертным подобно солнцу. В центре интересов древнего человека, отмечал К.Г. Юнг, находились не сугубо индивидуалистические мотивы, как либидо, а коллективное предчувствие грядущего возрождения. Архетип «вечное возрождение» определяет необходимость запрета человеку стремиться к бессмертию. Бессмертие есть историческая мечта и в то же время надежда (миф) человека со времен первобытности до сегодняшних дней. Мифологема бессмертия выражается, как правило, в двух ипостасях: возрождение и перевоплощение (реинкарнация). Здесь отражено то, что человек не только создание природы, но в то же время он и создатель своего мира — сначала в мысли, а потом в реальности.

На наш взгляд, есть основания для гипотезы о том, что и в основании обычая ритуальной кражи лежит архетип «вечное возрождение». Тенденция воспроизводства относится и к культурным явлениям в целом. Как отмечает Э. Тайлор: «Изучая различные обычаи и воззрения, мы неизменно убеждаемся в наличии причинности, лежащей в основе явлений человеческой культуры, в действии законов закрепления и распространения, согласно которым эти явления становятся устойчивыми, характерными элементами общественной жизни на определенных стадиях развития» [11. С. 26]. Если древние мифы допускают (тем же и «неявно» санкционируют) факт инцестуального брака между матерью и сыном, братом и сестрой, то в поздних мифах обнаруживается обратный процесс — такие формы брака табуируются, в первую очередь, запрещается инцестуальный брачный союз между матерью и сыном. Возможно, именно на этой стадии в становлении социума моральные регуляторы стали выкристаллизовываться в качестве культурных универсалий как «грех», «вина», «стыд» и т.д., ставшие предтечами более сильного верования — религиозного мировоззрения.

Ритуальная кража племянником имущества дяди со стороны матери есть обычай, которое, по нашему мнению, является закономерным продолжением попытки мифологического объяснения проблем бессмертия, в частности архетипа «вечного возрождения». Допущение сюжета инцестуального брака в древних мифах есть попытка обрести бессмертие путем архетипа «вечного возрождения», которое инкриминируется обычным правом и обуславливает существование ритуальной кражи (или подарка) в превентивных целях. В правосознании представителя традиционного общества первоначальный смысл происхождения обычая стирается, в него вкладываются время от времени новые мифологические объяснения в зависимости от культурных влияний. Но тема продолжает жить в повторяющихся бесконечных мифах. Начиная с определенного времени в древних обществах хотя и допускается в мифологии инцестуальный сюжет, но не поощряется факт инцестуального брака. Если следить за логикой мифа, то инцестуальный брак между братом и сестрой исключает возможность рождения племянника, так как ребенок от подобного брака является тем же самым — возрожденным братом сестры, препятствующим персонажем. Для предотвращения возможного поведения брата

матери сын сестры от некровнородственного брака совершает ритуальную кражу, которую в знак «наказания» первый принимает как должное. Но постепенно исходные смыслы ритуальной кражи секуляризовались и существуют по инерции в обычаях традиционной культуры. Поэтому право на рождение во всех доиндустриальных обществах сопровождается правом на ритуальную кражу, или ее более смягченной формой — обязательным подарком, как мы это видим у кочевых народов казахов в обычае «жиенкұрык».

Таким образом, социокультурные обстоятельства генезиса обычая ритуальной кражи имеют дуальную социальную природу: 1) враждебное отношение между сыном сестры и дядей со стороны матери в матрилокально организованном обществе, где власть принадлежит последнему и является источником оппозиционного настроения первого; 2) ограниченность обмена женщинами между племенем в матрилокально организованном обществе. Потребность в союзе племен (в том числе и путем обмена женщинами), в более организованной военной безопасности (военная демократия) стали способствовать мифологизацию обряда ритуальной кражи. При этом она символизировалась как дань побежденной стороны (матрилокального принципа). Таким образом, архетип не непосредственно порождает рассматриваемый нами древний казахский обычай, а опосредуется мифом «вечного возрождения», в котором запечатлена одна из схем преодоления бесмертия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Важно то, что обычай в отличие от других источников права снимает конфликт, а снятие конфликта есть разрешение спора по существу. Такую задачу не ставят перед собой судебный прецедент или закон. Они разрешают спор лишь формально, а это предполагает принципиально иное видение природы спора. Поэтому цель обычного права часто определяют как примирение сторон, а не устранение социальной патологии. Возможно потому, некоторые российские ученые (в частности проф. В.Г. Графский) не считают судебный прецедент самостоятельным источником права.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] См.: Жан-Марин Хенкертс, Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Т. 1: Нормы / пер. с англ. Кэмбридж: МККК, 2006.
- [2] Полански П.П. Обычное право Интернета // Информационные технологии: Инновации в государственном управлении: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. М., 2010.
- [3] Найдыш В.М. Философия мифология. XIX — начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004.
- [4] Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Р.Э. Тенишев, А.П. Дыбо. М., 2006.
- [5] Материалы по казахскому обычному праву / Сост. Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы: Жалын, 1998.
- [6] Сураганова З. Традиционный обмен дарами у казахов: Автореф. дисс. ... к.и.н. Томск, 2007.
- [7] Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Авункулат // Советская этнография. 1937. № 4. С. 18—45.
- [8] См.: Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1971.

- [9] См.: Анатолий, архимандрит. Индейцы Аляски: Быт и религия. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012.
- [10] Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Изд-во НОРМА, 1999.
- [11] Юнг К.Г. Психологические типы. Минск: Харвест, 2003.
- [12] Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

THE EMERGENCE OF THE MYTHOLOGICAL BIRTH OF RIGHTS: THE CASE OF RECONSTRUCTION OF THE GENESIS OF THE KAZAKH LEGAL CUSTOM “ZHIEKURYK”

K.N. Dautaliyev

Ontology and theory of cognition
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the socio-cultural genesis of ritual nephew theft of property (cattle) uncle of the mother as an example of reconstruction of Kazakh legal custom “zhienkuryk”. The author's understanding of the concept of common law and customary law. Reveals mythological reason ritual theft by analyzing archetype “perpetual revival” (immortality).

Key words: customary law, custom, mythology, a myth, myth, “zhienkuryk”, ritual theft, collective Unconscious, archetype, immortality, perpetual revival.

REFERENCES

- [1] Sm.: Jan-Marin Henkerts, Luiza Dosvald-Bek. Obishnoe mejdunarodnoe gumanitarnoe pravo. T. 1: Normi. Per. s angl. Cambridge: MKKK, 2006.
- [2] Polanski P.P. Obishnoe pravo Interneta. *Informacinniye tehnologii: Innovacij v gosudarstvennom upravlenij: Sb. naush. tr.* Ed. E.V. Alferova, I.L. Bashilo. M., 2010.
- [3] Naydish V.M. *Philosophia Myfologii XIX — nachalo XXI vv.* M.: Alfa-M, 2004.
- [4] *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika turkskih yazikov. Praturkskij yazik-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannim yazika.* Ed. R.E. Tenishev, A.P. Dibo. M., 2006.
- [5] *Materialy po kazakhskomu obishnomu pravu.* Sost. T.M. Kul'telev, M.G. Masevish, G.B. Shakaev. Almaty: Jalin, 1998.
- [6] Suraganova Z. *Tradytsionny obmen darami u kazahov. Avtoreferat diss. k.i.n.* Tomsk, 2007.
- [7] *Direnkova N.P. Perejitki materinskogo roda u altayskih turkov. Avunculat. Sovetskaya etnografhija.* 1937. № 4. S. 18—45.
- [8] Tolibekov S.E. *Koshevoe obshestvo kazahov v XVII — nashale XX veka. Politiko-ekonomisheskij analiz.* Alma-Ata: Izdatel'stvo “Nauka” Kazakhskoy SSR, 1971.
- [9] Анатолий, архимандрит. Индейцы Аляски: Быт и религия. Изд. 2-е. М.: Книжный дом “ЛИБРИКОМ”, 2012.
- [10] Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Изд-во NORMA, 1999.
- [11] Юнг К.Г. Психологические типы. Минск: Харвест, 2003.
- [12] Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИЯМ

РАСШИФРОВКА ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА: УСПЕХИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.Н. Гнатик

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

Биотехнологии оказывают существенное воздействие на социально-экономическое развитие общества, а также на философию, мораль, право, религию и другие сферы культуры, поскольку их применение затрагивает проблемы управления природой человека и всего живого на нашей планете. В работе речь идет о тенденциях и особенностях современной биологической науки и медицины, о новом уровне понимания биологических проблем, основывающемся на результатах программы «Геном человека». Статья приурочена к пятнадцатилетней годовщине с момента важнейшего события в мире науки начала XXI в. — расшифровки генома человека.

Ключевые слова: проект «Геном человека», молекулярная биология, высокотехнологичная медицина, философские проблемы, природа человека.

15 лет назад, в 2001 г., был завершен и опубликован «черновой» вариант расшифровки генома человека. Реализация этой международной программы явилась беспрецедентным событием в современном естествознании. Значение этого события сложно переоценить. Ведь во многом благодаря именно этому достижению наука о живом стала одной из важнейших отраслей человеческих знаний, по сути лидером естествознания. Современное биологическое знание и биотехнологии оказывают существенное воздействие на социально-экономическое развитие общества, а также на философию, мораль, право, религию и другие сферы культуры в связи с тем, что их использование затрагивает проблемы управления природой человека и всего живого в целом.

Расшифровка строения наследственного аппарата человека долгое время считалась неразрешимой задачей, во многом и потому, что исследователи не располагали соответствующими методами и подходами. Открытие химического строения и пространственной структуры ДНК в 1953 г. явилось огромным прорывом, определив фарватер дальнейшего развития биологии. Но реальные научные, мето-

дические и технические возможности определения структуры больших по размеру молекул, кодирующих наследственную информацию, появились только к концу XX в. Реализация Международного проекта «Геном человека» (без преувеличения являющегося одним из самых масштабных, амбициозных, дорогостоящих и потенциально важных проектов в истории науки) началась в 1988 г. Основная цель проекта — выяснение последовательности нуклеотидов во всех молекулах ДНК человека с одновременным установлением локализации всех генов. Приоритетными направлениями были объявлены структурно-функциональное изучение генома, а также медицинская генетика и генотерапия.

В течение первых двух лет функционирования программы «Геном человека» скорости секвенирования были весьма низкими. Такими темпами для полного завершения работы потребовалось бы около ста лет. Становилось очевидным, что необходимы поиски новых подходов и технологий расшифровки нуклеотидных последовательностей фрагментов ДНК, разработка принципиально новых физических, химических и математических методов, создание новой вычислительной техники и оригинальных компьютерных программ.

В результате технических новаций постепенно возрастала производительность аппаратуры, стали использоваться промышленные роботы, многие процессы были автоматизированы. Уже к 1995 г. скорость секвенирования возросла почти в 10 раз! Однако это позволило расшифровать менее 0,001% от всего генома человека. А спустя десятилетие после старта проекта, к началу 1998 г., было секвенировано лишь около 3% генома. Но при этом прогнозы исследователей были оптимистичными: завершение расшифровки планировалось на 2003 г. [1. Р. 50]. Технологии совершенствовались непрерывно, была практически создана новая индустрия по секвенированию ДНК. В Англии, США, Франции, Германии, Японии появились гигантские автоматизированные фабрики — геномотроны, секвенирующие по несколько миллионов нуклеотидов в неделю. В результате «Одиссея» о наследственности «в черне» была завершена раньше ожидаемого срока, и в феврале 2001 г. в международных научных журналах «Nature» [2] и «Science» [3] были опубликованы почти полные нуклеотидные последовательности ДНК человека. Окончательный вариант появился в 2003 г., после чего программа официально завершилась. Однако работы по дальнейшему изучению тонкой молекулярной структуры генома человека активно продолжаются, объем информации растет, знания непрерывно корректируются.

Проект «Геном человека» можно с полным правом считать знаковой работой, символом «индустриальной науки». Достигнут новый уровень понимания биологических основ человека, усилия и финансовые вложения вполне оправданы. Важнейшим следствием стало то, что были качественно усовершенствованы методическая и приборная база науки, мощный импульс получили новейшие направления. Создание проекта «Геном человека» поставило биологию в ряд тех наук, которые способны реализовать глобальные программы не только теоретического, но и практического плана.

По данным, полученным в ходе секвенирования, размер генома человека составляет около 3 млрд пар оснований. Каждая из 23 пар хромосом содержит от-

дельную линейную двунитевую молекулу ДНК. Таким образом, стало достоверно известно, что геном каждого человека состоит из 23 пар гигантских молекул ДНК, распределенных в разных хромосомах, каждая из которых содержит отдельный фрагмент генетического текста. Если говорить о геноме человека вообще (мужчин и женщин), то общее число таких молекул равно 24 (22 аутосомы и две половые хромосомы X и Y). Это первое базовое сведение, которое было получено о геноме человека при анализе хромосом. Размер генома и набор генов у всех людей практически одинаковы, однако многие гены могут находиться в альтернативных состояниях (называемых аллелями). Из возможных аллелей определенного гена человек получает от своих родителей всего два — один от матери, другой от отца.

Второе принципиально важное сведение о структуре генома человека заключается в том, что составляющие его 24 молекулы ДНК имеют разный размер. Нумерация хромосом произведена в соответствии с размером. Самая короткая хромосома (№ 22) содержит около 47 млн пар нуклеотидов, а самая большая хромосома (№ 1) — около 250 млн пар [4. С. 44]. Половая хромосома X по своему размеру следует за хромосомой № 7. В отличие от других хромосом (аутосом), для X-хромосомы в половине случаев ее партнером в клетке является хромосома Y (маленький хромосомный рудимент), определяющая мужской пол организма. У женского пола в клетках всегда присутствуют две хромосомы X, однако работает всегда лишь одна, выбранная случайно, а вторая X-хромосома инактивируется [5. С. 220]. У человека половые хромосомы образуют пару № 23.

Как правило, когда речь идет о геноме человека, имеется в виду ядерный геном. Однако существует и митохондриальный геном (содержащий всего 37 генов), который иногда называют хромосомой 25. Митохондриальная ДНК передается по наследству исключительно по женской линии.

Изучая шаг за шагом «энциклопедию жизни», содержащуюся в геноме, ученые обнаружили много удивительного. Например, количество наших генов в ДНК вместо предполагаемых ранее 100 тыс. оказалось лишь около 22 тыс. В генах записана информация о структуре молекул РНК: матричной (кодирующей белки), рибосомной, транспортной и некоторых других видов так называемой некодирующей РНК [6]. Выяснилось, что у человека транскрибируется и затем транслируется, т.е. кодирует белки, всего 1,1—1,4% от всей ДНК генома [3].

Огромное значение для познания наследственности и изменчивости организмов имеет сравнительный анализ полных геномов живых существ, который позволяет делать выводы, имеющие общебиологическое значение — о механизмах и темпах эволюции, вариабельности геномов и др. Такой анализ несопоставимо более информативен, чем сравнительный анализ отдельных генов (например, генов рибосомных РНК, который практиковался для заключений о взаимосвязях между организмами в догеномный период).

В ходе исследований было выяснено, что количество ДНК в геноме организма не связано с его эволюционной сложностью; этот факт получил название «парадокс содержания ДНК» (C-value paradox, C — от content) [7. С. 32]. К примеру, в геноме круглого червя обнаружено 19 тыс. генов, т.е. у людей их не намного

больше. Поражает воображение и тот факт, что человек отличается от мыши всего 300-ми другими генами [8]. Более трети генов человека идентичны генам бактерий (это гены, обеспечивающие базовые функции клеток). Весь геном человека отличается от генома шимпанзе примерно на 1% генов, остальные идентичны [9]. Наибольшее отличие геномов человека и шимпанзе состоит в разном числе хромосом (23 пары у человека и 24 пары у шимпанзе). Интересно, что наибольшее различие прослеживается между Y-хромосомами, а наименьшее — между X-хромосомами [5. С. 208].

Сравнение структур секвенированных генов геномов человека, дрозофилы, нематоды, дрожжей, бактерий и других организмов приводит к выводу, что все живые существа произошли от общего предка в результате дупликаций, модификаций и различного рода перетасовок генетического материала. Родственные гены легко идентифицируются в геномах различных организмов. Однако существуют также гены, кодирующие продукты, специфичные для отдельных видов. Получила подтверждение возможность межвидового (горизонтального) транспорта генов [10]. Кроме того, 60% из известных белков человека имеют сходство с белками других видов, геномы которых секвенированы.

Подтвердилась гипотеза о том, что генетический код универсален (его основная часть одинакова для всех форм жизни на Земле). Этот вывод обоснован опытом массового секвенирования генов и белков. Почти всегда коллинеарное соответствие генов и белков согласуется с правилами генетического кода. Однако в некоторых экзотических системах трансляции (митохондрии животных, растений и грибов, хлоропласты растений, мельчайшие бактерии, реснитчатые простейшие и др.) найдены минорные отклонения в генетическом коде, а также изменения правил неоднозначного спаривания и наборов антикодонов и фракций транспортных РНК. Это своеобразные «диалекты» генетического кода, отражающие специфику их эволюции и функционирования. Геном человека изобилует различными повторяющимися последовательностями, согласно современным данным, они составляют около 30% генома. На сегодняшний день у исследователей практически не осталось сомнений в том, что генетический код явился продуктом добиологической молекулярной эволюции и продолжал частично эволюционировать в дальнейшем. В стохастическом процессе молекулярной эволюции свойства генетического кода могли быть либо предзаданы (преддетерминированы) физико-химическими характеристиками компонент и условий, либо отобраны как адаптивные среди альтернативных вариантов, либо фиксированы случайно. Гипотезы возникновения генетического кода в разной степени учитывают эти возможности.

Все эти данные требуют разработки новых подходов к пониманию эволюционного процесса и его механизмов. Сравнительный анализ геномов разных видов животных и человека продемонстрировал наличие определенных тенденций в эволюции. Одна из них сопряжена с «разбиением» генома на отдельные функционально значимые фрагменты: на единицу длины ДНК приходится все меньше участков, несущих информацию о структуре белков и РНК (экзонов), и возникает все больше участков, не имеющих пока ясного функционального значения (интро-

нов). Согласно современным данным, в геноме человека 97% ДНК не содержит никаких генов вообще [5. С. 221]. В целом, прерывистое, «разорванное» строение, когда экзоны чередуются с интронами, характерно для подавляющего большинства эукариотических генов и представляет собой фундаментальное свойство, отличающее их от прокариотических [4. С. 20]. Проведенные исследования дают возможность предположить, что природа совершенствовалась млекопитающих не столько посредством увеличения разнообразия их геномов, сколько путем перекombинации уже существовавших генов, их постепенного копирования, модификации, а также путем изменения регуляции экспрессии генов. Данные проблемы являются предметом эволюционной геномики, венцом которой может стать создание новой систематики живых организмов.

Исследователи находятся в самом начале большого пути, ведь понимание работы генома не сводится лишь к описанию набора элементов ДНК и определению их местоположения. Не меньшее значение имеет характер связей между ними, который определяет, как гены будут функционировать и как пойдет индивидуальное развитие в тех или иных условиях среды. Специалисты выяснили, что большинство генов в клетке «молчит». Набор активных генов различается в зависимости от типа ткани, периода развития организма, полученных внешних или внутренних сигналов. Можно сказать, что в каждой клетке «звучит» свой аккорд генов. Различия интрон-экзонной структуры матричной РНК могут определять интенсивность синтеза одного и того же белка в разных тканях или на разных этапах онтогенеза. Кроме того, экзоны могут соединяться в различных сочетаниях, благодаря чему один ген может определять синтез нескольких белков.

Необходимость изучения процессов кодирования генами белков, взаимодействия белков в организме и других проблем, связанных с протеинами, стимулировала возникновение протеомики. Генные исследования и эта новая наука комплексарны в том смысле, что гены, составленные из ДНК, определяют производство специфических белков. Таким образом, центр постгеномных исследований был перенесен в область инвентаризации белков и создания так называемой протеомной карты человека. В сравнении с геномикой задача протеомики на несколько порядков сложнее. Между геномикой и протеомикой, между геномом и протеомом есть одно фундаментальное различие, позволяющее разрабатывать новые методы исследования, новые стратегии. Дело в том, что протеом — динамичен, тогда как геном стабилен и постоянен. Иначе было бы невозможно передать наследственные свойства от поколения к поколению, обеспечить сохранение видов и т.д. Изменчивость генома всегда происходит на фоне его высокой стабильности и ни в коем случае ее не отменяет. А набор белков постоянно изменяется в зависимости от множества параметров: фазы клеточного деления, тканевой специализации клетки, стадии ее дифференцировки, принадлежности к нормальным или злокачественным клеткам, состояния стресса или покоя, воздействия внеклеточных физиологически активных веществ и т.д. В связи с этим белковый «портрет» клетки зависит от множества факторов и воздействий, подвержен практически непрерывным трансформациям, что, безусловно, значительно усложняет его изуче-

ние. Изменчивость протеома связана еще и с тем, что после синтеза белки претерпевают множество химических изменений (модификаций), которые создают их огромное разнообразие (притом что исходно они могут быть кодированы одним геном) [13].

В этой связи на пути протеомики существуют принципиальные трудности. Работа белков, как и работа генов, зависит от многих факторов, и, прежде всего, от их пространственной структуры; а эта структура значительно сложнее пространственной структуры генов, потому что гены записаны линейным текстом, а белки — трехмерная «скульптура». Более того, в живой клетке форма белков может динамически меняться. Несмотря на то, что в каждой клетке максимально может быть «всего лишь» около 22 тыс. функционирующих генов, число белков может быть значительно — на порядки — больше. Соответственно, эти белки способны взаимодействовать друг с другом, и число таких взаимодействий необычайно велико.

Существует несколько протеомных технологий, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Многие исследователи полагают, что оптимальный путь — это изучение промежуточного продукта между генами и белками, а именно — тех небольших молекул (информационная РНК), которые переносят инструкцию на создание того или иного белка от его гена к «внутриклеточным машинам» по производству белков (рибосомам). Процесс переписывания такой инструкции с гена на РНК именуется в биологии «транскрипцией», в силу чего данный подход получил название «транскриптомика». Работающий геном производит одновременно множество различных РНК, и специалисты в области транскриптомики видят свою задачу в выявлении и расшифровке всех этих молекул.

Исследователи с оптимизмом смотрят в будущее, полагая, что эти амбициозные задачи со временем будут решены, как решена уже задача создания полностью искусственной клетки. Данное событие значительно приблизило нас к ответу на вопрос, что такое жизнь. В мае 2010 г. группе американских ученых под руководством К. Вентера удалось получить синтетическую клетку из синтетической хромосомы. Объектом эксперимента стали микоплазмы — простейшие микроорганизмы, занимающие промежуточное положение между бактериями и вирусами. Изучив геном двух различных клеток близкородственных организмов, ученые синтезировали молекулу ДНК одной из них, состоящую более чем из миллиона пар оснований. Затем геном второй клетки заменили геномом синтезированной ДНК.

При этом, как полагают исследователи, избранная методика не является единственной. Сегодня работы по созданию синтетической клетки ведутся в нескольких лабораториях различных стран. Это позволяет больше узнать о сущности живого больше, синтезируя живое ее из атомов и молекул, а не аналитически разбирая его на части. Именно к этому стремится молодая наука — синтетическая биология. Ее задача — проектировать живые системы с предсказуемыми свойствами, используя взаимозаменяемые детали из исходного набора кирпичиков жизни.

При помощи молекулярной биологии получены ответы на очень важные вопросы. Так, например, сегодня уже не подлежит сомнению, что абсолютно все люди планеты Земля генетически действительно являются братьями и сестрами. При секвенировании генов представителей белой, желтой и черной рас межиндивидуальная вариабельность не превысила 0,1% [11. С. 38].

Установлено, что полиморфизм характерен для всех генов человека и имеет выраженную этническую и популяционную специфику [12].

Другой пример затрагивает проблему происхождения полов. Сегодня все больше исследователей поддерживают гипотезу, сводящуюся к следующему: «Когда-то в древние времена наши предки перешли от общего для большинства рептилий принципа определения пола зародыша — в зависимости от температуры яйца в кладке, к более надежному генетическому контролю. Появлению половых хромосом предшествовало появление генов, управляющих половым диморфизмом, — морфологическими отличиями между самцами и самками, делающими их более приспособленными к выполнению своих специфических функций. Так, у млекопитающих появились и закрепились гены, которые превращали женский организм зародыша в мужской. У птиц, наоборот, возникли гены, превращающие мужской организм в женский.

Половой диморфизм затрагивал многие морфологические признаки организмов. Например, развитая мускулатура и агрессивный характер больше способствовал успеху самцов, в то время как для самок — это бесцельная трата энергии, которую лучше направить на защиту и воспитание потомства. Таким образом, имеется ряд генов, которые востребованы в организме одного пола, но излишни для организма другого. Их называют половыми антагонистическими генами. Половые хромосомы возникли в результате мутации, которая нарушила естественный процесс обмена участками парных хромосом. События переноса генов с одной половой хромосомы на другую стали редкими, и каждая из них стала эволюционировать своим собственным путем. Чем сильнее шла дифференциация генов на половых хромосомах, тем более специализированными и, следовательно, более эффективными становились самцы и самки в популяции. На хромосоме Y накапливались гены, полезные самцам, но бесполезные или вредные для самок, а на хромосоме X шел тот же процесс, но в обратном направлении» [5. С. 220—221].

Потенциал применения знаний, полученных в ходе реализации программы «Геном человека», огромен. Использование генетических методов является весьма перспективным в самых различных сферах познания, порой очень далеких от биологии, в том числе и в сугубо гуманитарных областях познания. Так, молекулярная антропогенетика привлекает внимание и интерес криминалистов, экологов, лингвистов, антропологов, палеонтологов, этнографов, философов, историков и многих других специалистов. Одним из важнейших итогов изучения генома человека является возникновение и стремительное развитие молекулярной медицины. Качественно новый раздел медицинской науки — медицинская генетика — изучает закономерности наследственных заболеваний, роль генетических факторов в развитии ненаследственных форм патологии, а также разрабатывает способы их диагностики, профилактики и лечения. Появление принципиально новых техно-

логий, позволяющих активно манипулировать генами и их фрагментами и обеспечивать адресную доставку новых блоков генетической информации в заданные участки генома, дало возможность выйти в область практической медицины. В частности, это позволило скорректировать традиционную концепцию о существовании двух классов заболеваний — наследственных и ненаследственных. Исследователи склоняются к представлению о том, что ненаследственные недуги (а их более 95% всех болезней человека) тоже связаны с геномом. Вывод таков: «Все болезни человека так или иначе связаны с геномом, только одна группа является следствием дефекта в структуре гена, а другая является нарушением регуляции экспрессии генов генома» [5. С. 193].

По сути происходит переход медицинской науки на принципиально новый, молекулярный уровень изучения патологии человека — уровень патологической анатомии генома человека. Одним из центральных направлений теоретической медицины стала концепция генетической терапии. Ее история насчитывает уже два с половиной десятилетия (клинические испытания начаты в 1990 г.). Определены принципы и методические подходы, отобраны потенциальные болезнмишени.

Государственные и частные научные центры и университеты, специализированные институты и клиники по всему миру заняты разработкой методологии и клинических протоколов генотерапии наследственных и приобретенных заболеваний. Возникла фармакогеномика, сфокусировавшая свое внимание на поиске новых средств лечения с учетом знаний о структуре генома человека и генетических основ вариабельности ответа пациентов на получаемые лекарства. Для фармакогеномики большое значение имеют минимальные генетические отличия (так называемый сингулярный нуклеотидный полиморфизм), которые определяют эффективность лекарств и их переносимость в каждом конкретном случае. Это дает возможность создавать лекарства, эффективные для конкретных людей. Достижения генетики способствуют пониманию сущности многих серьезных заболеваний, таких как онкологические, сердечно-сосудистые, диабет, лейкемия, болезни Паркинсона и Альцгеймера и др.

Новая высокотехнологичная медицина становится все более весомой частью культуры, оказывает значительное влияние на представления и ценности, мировоззренческие установки и футурологические проекты, оценки перспектив человека и человечества. Впервые в истории в практическую плоскость переносятся вопросы совершенствования наследственной основы живых организмов. Появившиеся возможности клонирования индивидуальных генов, создания генетических карт человека, животных, идентификации генов, мутации которых сопряжены с тяжелыми наследственными недугами, разработка методов получения организмов с заданными наследственными признаками, а также методов генотерапии, включая генодиагностику (в том числе преимплантационную и пренатальную), значительно увеличивают степень ответственности ученых за судьбы человечества. В руках исследователей оказалась невиданная доселе власть не только над представителями видов растительного и животного мира, но и над человеком. Современное общество возлагает большие надежды на успешное решение этих задач, а также на то, что применяться эти методы будут на основе гуманизма и уважения к личности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Collins F.S., Jeralian K.G. Deciphering the Code of Life // *Scientific American*. 1999. December. P. 50.
- [2] International human Genome Sequencing consortium // *Nature*. 2001. № 409. P. 860—921.
- [3] Venter I.C., Adams M.D., Myers E.W., Li P.W., Mural Pr.I., Sutton G.G., Smith H.O., Jandell M., Rvans C.A., Holt Pr.A. The sequence of the human genome // *Science*. 2001. № 291. P. 1304—1351.
- [4] Тарантул В.З. Геном человека: Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М., 2003. С. 44.
- [5] Граник В.Г. Генетика. Химический и медико-биологический аспекты: монография. М.: Вузовская книга, 2011. С. 220.
- [6] Боринская С.А., Янковский Н.К. Человек и его гены // *Биология в школе*. 2001. № 4—5.
- [7] Вельков В.В. Имеет ли смысл прогрессивная эволюция? // *Химия и жизнь*. 2005. № 3. С. 32.
- [8] Baltimore D. Our genome unveiled // *Nature*. 2001. № 409. P. 814—816.
- [9] Wolfsberg T.G., Mcintyre I., Schuler G.D. Guide to the draft human genome // *Nature*. 2001. № 409. P. 824—826.
- [10] Snel B., Bork P., Huynen M. Genome evolution: gene fusion versus gene fission // *Trends in Genetics*. 2000. V. 16. P. 9—11.
- [11] Генетический паспорт — основа индивидуальной и предиктивной медицины / Под ред. В.С. Баранова. СПб.: Изд-во Н-Л, 2009. С. 38.
- [12] Лимборская С.А. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы / Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. М.: Наука, 2002.
- [13] Говорун В.М., Арчаков А.И. Протеомные технологии в современной биомедицинской науке // *Биохимия*. 2002. № 67(10). С. 1109—1123.

MAPPING ON THE HUMAN GENOME: PROGRESS, PROBLEMS, PROSPECTS

E.N. Gnatik

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is confined to the fifteen-year anniversary of the paramount event in the world of science of the XXI century — to the mapping on the human genome. Implementation of this international program was an unprecedented event in modern natural sciences. Creation of the Human genome project has set biology in a number of the sciences which are capable to realize global programs with huge not only especially scientific, but also practical value. Biotechnologies make essential impact on social and economic development of society, and also on philosophy, morals, the right, religion and other spheres of culture as their application affects problems of management of human nature and all live in general. The author tells about tendencies and features of modern biological science and medicine, about the new level of comprehension of biological problems which is based on results of the Human genome program.

Key words: Human genome project, molecular biology, hi-tech medicine, philosophical problems, human nature.

REFERENCES

- [1] Collins F.S., Jégalian K.G. Deciphering the Code of Life. *Scientific American*. 1999. December. P. 50.
- [2] International human Genome Sequencing consortium. *Nature*. 2001. № 409. P. 860—921.
- [3] Venter I.C., Adams M.D., Myers E.W., Li P.W., Mural Pr.I., Sutton G.G., Smith H.O., Jandell M., Rvans C.A., Holt Pr.A. The sequence of the human genome. *Science*. 2001. № 291. P. 1304—1351.
- [4] Tarantul V.Z. Genom cheloveka: Enciklopediya, napisannaya chetyr'mya bukvami. M., 2003. S. 44.
- [5] Granik V.G. Genetika. Himicheskij i mediko-biologicheskij aspekty: monografiya. M.: Vuzovskaya kniga, 2011. S. 220.
- [6] Borinskaya S.A., Yankovskij N.K. Chelovek i ego geny. *Biologiya v shkole*. 2001. № 4—5.
- [7] Vel'kov V.V. Imeet li smysl progressivnaya ehvolyuciya? *Himiya i zhizn'*. 2005. № 3. S. 32.
- [8] Baltimore D. Our genome unveiled. *Nature*. 2001. № 409. P. 814—816.
- [9] Wolfsberg T.G., Mcintyre I., Schuler G.D. Guide to the draft human genome. *Nature*. 2001. № 409. P. 824—826.
- [10] Snel V., Bork P., Huynen M. Genome evolution: gene fusion versus gene fission. *Trends in Genetics*. 2000. V. 16. P. 9—11.
- [11] Geneticheskij pasport — osnova individual'noj i prediktivnoj mediciny. Ed. V.S. Baranova. SPb.: Izd-vo N-L, 2009. S. 38.
- [12] Limborskaya S.A., Husnutdinova E.H.K., Balanovskaya E.V. Etnogenomika i genogeografiya narodov Vostochnoj Evropy. M.: Nauka, 2002.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТЬ»

В.А. Фёдоров, А.С. Благова

Кафедра государственного и муниципального управления
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрена история эволюции содержания, смысловой специфики и роли философской категории «ценность» от античности до XX в. Показано, что тенденция наделения понятия «ценности» определенным смыслом в истории европейской аксиологии развивалась от этической и эстетической смысловой нагрузки данного понятия к онтологической, гносеологической, методологической и инструментальной.

Ключевые слова: ценность, аксиология, бытие, этическое, эстетическое, благо, трансцендентность, ценностные установки.

Аксиология как теория ценностей появилась в XIX в. во многом благодаря трудам немецкого естествоиспытателя и философа Г. Лотце, который в 60—70-е гг. XIX в. отделил область ценностного определения должного от области явлений действительности (фактов) и их познания (истин). Тем самым он придал понятию «ценность» категориальный смысл, имеющий значение как для бытия, так и для познания [27].

И хотя М. Хайдеггер считал, что «греки не имели представления об оценивании и не знали понятия ценности» [23. С. 41], тем не менее глубинные истоки аксиологии присутствует в философии античности. В учениях Протагора, Сократа, Платона и др. появляется мысль об антропологической оценке всего сущего. Так, Платон впервые предлагает классификацию неких идеальных нравственных и эстетических категорий, которые составляют «высшее благо»: «На первом месте стоит некоторым образом все относящееся к мере, умеренности и своевременности и все то, что подобно этому принадлежит вечности», на втором — «прекрасное, совершенное», на третьем — «ум и разумение», на четвертом — «знания, искусства, правильные мнения», на пятом — «те удовольствия, которые мы определили как беспечальные и назвали чистыми удовольствиями самой души...», на шестом — «песенный строй» [17. С. 83, 85]. Определяя множественность смыслов понятия блага и классифицируя блага, Аристотель использует определения «ценность», «ценимое», «ценное»: «Из благ одни относятся к ценимым, другие — к хвалимым вещам, третьи — к возможностям. Ценимым я называю благо божественное, самое лучшее, например, душу, ум, то, что изначально, первопринцип и тому подобное. Причем ценимое — это почитаемое, и именно такого рода вещи у всех в чести. Добродетель тоже ценность, раз благодаря ей человек становится достойным; он достигает тогда присущей добродетели красоты» [2. С. 299].

В эпоху Средневековья получила свое утверждение и развитие теологическая аксиология, соединявшие объективную высшую ценность абсолюта как источника мудрости и всякого блага и субъективное бытие человека. На этой основе про-

изошла переоценка античных ценностей с их стремлением к идеалам истины, блага и разума. Возрастает значение субъективных ценностей, характеризующих личность человека, таких как Любовь, Вера, Надежда, Совесть и т.д. Августин Аврелий в своем произведении «Исповедь» говорит о том, что ценности постигаются человеком не рациональным, а чувственно-волевым путем, открывая миру уникальность личности каждого отдельного человека [1. С. 152].

Добавим, что в Средневековье занижается значение мирских, обыденных ценностей бытия человека в пользу высших, божественных ценностей. Но уже в эпоху Возрождения усиливает свое влияние релятивизм, ценности реального и идеального бытия воссоединяются, получают широкое распространение ценности свободного индивидуума, мирские ценности.

Размышляя о сущности и роли ценностей, Мишель Монтень выделяет в них прежде всего индивидуалистическое начало: «Что ценность вещей зависит от мнения, которое мы имеем о них, видно хотя бы уже из того, что между ними существует много таких, которые мы рассматриваем не только затем, чтобы оценивать их, но и с тем, чтобы оценивать их для себя» [16. С. 36].

Новое время и эпоха Просвещения принесли с собой новые ценности: прогресс, разум, наука, практическая польза, свобода воли. Рене Декарт вполне в духе рационализма утверждал, что ценности определяются разумом. В своей работе «Рассуждении о методе» он пишет: «...Наша воля стремится к какой-нибудь цели или избегает ее в зависимости от того, представляет ли ее наш разум хорошей или дурной. А потому достаточно правильно судить, чтобы правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, т.е. чтобы приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага» [28].

Рассуждая о таких понятиях, как могущество, достоинство, достойность, уважение, Т. Гоббс расширяет контекст понимания природы ценностей; он расширяет его за счет экономических, социальных, политических и нравственных оснований. Так, например, в «Левиафане» он делает акцент на экономическую окраску ценности. Ценность человека рассматривается им через степень востребованности человека: «...Ценность человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого. Способный предводитель солдат имеет большую цену во время войны или в такое время, когда война считается неизбежной, чем в мирное время. Образованный и честный судья имеет большую ценность в мирное время и меньшую — во время войны. И как в отношении других вещей, так и в отношении людей определяет цену не продавец, а покупатель. Пусть люди (как это большинство и делает) ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие» [31].

Г.В. Лейбниц характеризует природу ценностей через призму рационалистической теологической философии. Идеи гармонии, равновесия, соразмерности трактуются Лейбницем как высшие ценности. Его аксиология пронизана идеей теодицеи. Мыслитель говорит о мире как об упорядоченном целом, исполненном

благолепия, то есть так устроенном, что приносит величайшее удовлетворение тому, кто его понимает [12. С. 235—236].

Д. Юм относит ценности к области субъективного бытия, утверждая, что «сами по себе объекты абсолютно лишены всякой ценности и всякого достоинства. Свою ценность они извлекают только из аффекта» [25. С. 678]. При этом Юм признает существование общепризнанных ценностей и добродетелей, которые являются «ценными сами по себе». В труде «Исследование о принципах морали» Юм пишет, что «...ценность, приписываемая социальным добродетелям, оказывается постоянной и проистекает главным образом из того уважения, которое естественное чувство благожелательности обязывает нас оказывать интересам человечества и общества» [25. С. 272]. Юм соотносит объективность ценностей с разумной способностью субъекта. С ней он также связывает эстетические и этические ценности, трактуя прекрасное прежде всего как полезное и целесообразное.

Дальнейшее развитие теории аксиологии связано с немецкой классической философской традицией. По мысли И. Канта, ценности являются требованиями, обращенными к воле; целями, стоящими перед человеком; значимостью тех или иных факторов для личности [29].

По мнению Канта, ценности обуславливаются определенными целями; так, если цели субъективные, то и ценности будут относительными, а если цели объективные, то ценности — абсолютные. Ценность всех приобретаемых благодаря нашим поступкам предметов всегда обусловлена, так как в сути их существования лежат субъективные цели, поэтому можно назвать данные ценности «ценностями для нас». Объективные цели по Канту — это «предметы, существование которых само по себе есть цель, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью, для которой они должны были бы служить только средством» [30]. Такие цели и наделяют определенные виды ценностей значением абсолютности.

И. Кант считал, что ценности могут иллюзорными, например, ценности, появляющиеся в результате честолюбия — жажда титулов и орденов [9. С. 240]. По этой причине им отклоняются ценности, основанные на субъективных потребностях людей. Кант говорит о том, что: «Ценность имеет жизнь сообразно тому, что она содержит в себе, если ведется в соответствии с той целью, которую природа преследует через нас...» [10. С. 467]. Согласно И. Канту, ценности соотносятся с объективностью высших целей человеческого существования, а не с объективностью природных вещей. Следует отметить, что в теории И. Канта понятия ценность и культура связаны между собой, так как в характеристике понятия «культура» можно вычленил всеобщий ценностно-регулятивный элемент, культура «собственно состоит в общественной ценности человека» [11. С. 11]. Высшей ценностью культуры становится моральное состояние человека.

У Г.В.Ф. Гегеля ценность еще не рассматривается в качестве самостоятельной категории. В своей работе «Философия права» он раскрывает ценность как эквивалент потребности, которая выражена в стоимости. Гегель возводит в ранг абсолютных ценностей культуру, так как она является результатом развития человека по пути восхождения от субъективности к всеобщности: «В... выявлении всеобщности мышления и состоит абсолютная ценность культуры» [5. С. 83].

Важный этап становления аксиологии как самостоятельной теории связан с работами Рудольфа Германа Лотце. В 1858—1864 гг. вышли в свет три тома его фундаментального труда «Микрокосм. Мысли о естественной и общественной истории человечества. Опыт антропологии». В этой работе Лотце разделяет «мир ценностей» и «мир явлений»: ценности, по его мнению, относятся к сфере должностования. Он описывает бытие ценностей как идеальное, сверхприродное и объективное [22. С. 123].

Лотце отмечает, что ценности могут по-разному воздействовать на человека: «Несомненно, менее ценно то, что отвечает только минутному и случайному состоянию или какой-нибудь индивидуальной особенности души, на которую оно производит впечатление; более ценно то, что гармонирует с общими и нормальными чертами организации, через которую дух делается свободным к выполнению своего предназначения; наивысшая же ценность может принадлежать только тому, что приятно постоянному настроению такой идеальной души. Во внутренних состояниях которой нет и следа какого-либо отклонения от ее развития; выше этого нет решительно ничего» [22. С. 125].

Дальнейшее развитие аксиология получает в неокантианстве. Развивая идеи Канта и Лотце, представители Баденской школы придавали понятию ценности статус высшей философской категории, наделяя ее системными смыслообразующими характеристиками. Познание мира и его оценка взаимно дополняют друг друга. В. Виндельбанд, являясь одним из основных представителей Баденской школы, трактовал ценность как идеальные нормы, на основании которых оценивается то, что совершается с естественной необходимостью [3. С. 201].

Диссонируя в данном вопросе со взглядами Канта, Виндельбанд (так же как и Лотце) считал, что ценности как нормы не только влияют на нравственные действия человека, но и составляют основу его эстетической и теоретической деятельности. По Виндельбанду, трансцендентальное сознание является источником ценностей как идеалов. Такое понимание природы ценностей по сути означает, что ценность является целью сама по себе. В. Виндельбанд писал, что «высшие ценности, которые, возвышаясь над меняющимися временными интересами людей, обоснованы высшей духовной действительностью» [4. С. 90—91]. Разделяя мир на сферу действительности и сферу ценностей, Виндельбанд считал, что ценности должны пониматься не как объективные, действительные категории, а как значащие категории, а сама действительность, создаваемая руками человека, подчинена ценностям. По мнению Виндельбанда, задачей философии является постижение общезначимых ценностей как норм, предполагающих необходимость должностования и оказывающих прямое влияние на формирование культуры.

Второй представитель Баденской школы Г. Риккерт, как и В. Виндельбанд, понимает философию как учение о ценностях. При этом он разделяет понятия ценности и должностования, объясняя это тем, что, когда ценность соотносится с познающим субъектом, она противостоит субъекту как норма и правило в сфере должностования [18. С. 55]. Мыслитель относит ценности к некому «третьему царству», стоящему вне «царств» субъекта и объекта.

Г. Риккерт подчеркивает трансцендентальный характер ценности, отделяя ее от актов оценки и от объектов, которые люди называют благами. Он вводит категорию трансцендентального понимания, то есть отнесения к ценностям, когда понятным становится то, что является общезначимым, что относится к ценностям. При этом и культура понимается им как «...совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей...» [19. С. 62].

Риккерт исходит из того, что трансцендентность ценностей, обозначающая их принадлежность к надындивидуальному и надэмпирическому миру, означает их объективность. Он пишет, что ценности не могут меняться, только наше отношение к ним подвержено изменению [20. С. 159—160]. При этом Г. Риккерт подчеркивает связь ценностей с действительностью, с объектом и субъектом: «Ценность может, во-первых, таким образом присоединяться к объекту, что последний делается — тем самым — благом, и она может также быть связанной с актом субъекта таким образом, что акт этот становится тем самым оценкой» [32]. В своей статье «О системе ценностей» Риккерт отмечает, что отнесенность индивида к ценности является наивысшим проявлением свободы, так как в этом случае человек может творчески и свободно созидать мир значимости: «личность, во всей сложности ее социальной связанности, ценность же, в силу которой она становится благом, есть свобода внутри общества или социальная автономия» [21. С. 63].

В XX столетии аксиология развивалась по двум основным направлениям. Для первого характерно понимание ценности как продукта осознания биологических и психических потребности человека. Ценности здесь выступают в качестве объективных факторов реальности, которые можно эмпирически фиксировать [7]. Для второго направления характерна трактовка ценности как феноменологического или онтологического феномена. Так, в феноменологии Э. Гуссерля отмечается, что «вместо предметов, ценностей, целей, вспомогательных средств, мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они „являются“» [6. С. 13]. В другом месте он пишет, что «суждение, оценка, стремление — они также суть не пустое обладание в сознании соответствующими суждениями, ценностями, целями и средствами, но подобным образом суть переживания, состоящие из интенционального потока, каждое — в соответствии со своим устойчивым типом самосознания носит трансцендентальный оттенок, в результате чего следует трактовать ценности через субъект-объектные отношения» [6. С. 13].

Заметный вклад в науку о ценностях внес Макс Шелер, который опирался на априоризм Канта и феноменологию Гуссерля. В соответствии с теорией М. Шелера ценности не могут находиться только в статусе долженствования, напротив, они объективны, их нельзя создать или уничтожить. Он утверждает невозможность применения к ценностной проблематике логических законов, так как ценность может быть выражена через эмоциональное содержание: «...усмотрение ценностей, которое выстраивается в чувствовании, предпочтении, в конечном счете — в любви и ненависти» [24. С. 286—287]. По Шелеру любовь и ненависть как эмоциональные аспекты являются априорными, однако не в кантовском значении априори, а в значении «материальных», надэмпирических феноменов. В сво-

ей работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» Шелер дает развернутую характеристику признаков ценностей. Первая из них — долговечность. Долговечность ценности подразумевает «феномен „способность-существования-сквозь-время“ — причем совершенно безразлично, как долго существует ее вещный носитель» [24. С. 309—310]. Важная характеристика ценностей — неделимость; она свойственна ценностям высшего порядка. У таких ценностей «отсутствует как причастность протяжению и делимость, так и необходимость деления их носителей в том случае, если их чувствует или переживает множество существ. Произведение духовной культуры может одновременно постигаться, а его ценность — становиться предметом чувства и наслаждения неопределенно многими [индивидами]. Ибо сущность ценностей этого вида определяет то, что они могут передаваться неограниченно и не подвергаясь какому-либо разделению или умножению...» [24. С. 312]. Третья характеристика — обоснованность. Обоснованность ценности — это значит, что ценность более низкого порядка обоснована ценностью более высокого порядка: «...ценность вида *b* „обосновывает“ ценность вида *a* в том случае, если определенная отдельная ценность *a* может быть дана только тогда, когда уже дана какая-то определенная ценность *b*; и это — с сущностной закономерностью. Но в таком случае та или иная «обосновывающая» ценность, т.е. здесь ценность *b*, выступает и как „более высокая“ ценность» [24. С. 309—318].

Еще одна характеристика — «глубина удовлетворения». Согласно Шелеру, «удовлетворение» есть переживание исполнения, так же он приходит к мысли, что «более высокая ценность» дает и «более глубокое удовлетворение» [24. С. 309—318].

Важная характеристика ценности — ее относительность: «существует непосредственное чувство „относительности“ ценности, совершенно независимое от „суждения“, и для этого чувства вариативность относительной ценности при одновременном постоянстве менее „относительной“ ценности (идет ли речь о вариации и постоянстве „длительности“, „делимости“ или глубины удовлетворения) является, конечно, подтверждением, но не доказательством» [24. С. 309—318]. По Шелеру, более высокие ценности — менее относительны, высочайшие ценности — абсолютны [24. С. 309—318].

Н. Гартман в своей онтологии понимает под ценностями «сущности или то, посредством чего все им причастное становится тем, что они суть сами, а именно ценным» [26. Р. 109]. Ссылаясь на Шелера, он связывает объективность ценностей с «царством ценностей», говоря, что «ценности есть нечто существующее независимо от нашего понимания или мнения» [33]. Однако мыслитель отмечает, что «будучи абсолютными в идеальной сфере, ценности отнюдь не абсолютны по силе детерминации в действительном мире людей» [33].

По Гартману, долженствующее бытие, исходящее из ценностей, не имеет силы определять деятельность людей, напротив, он полагал, что «человек является поверенным ценности и долженствования в реальном мире. Он есть посредник, который их в действительность внедряет. Если бы так было, чтобы ценности из се-

бя детерминировали реальность, то человек ими бы детерминировался и не было бы никакой свободы выступать за или против них» [33].

Новое звучание понятия «аксиология» получает в философии жизни, одним из значимых представителей которого был немецкий философ и социолог Г. Зиммель.

Согласно Зиммелю, обусловленный смысл жизни состоит в том, чтобы выходить за рамки пределов в состояние «более-чем-жизнь» [8. С. 75], которое проявляется посредством ценностей. Под ценностями здесь понимаются факты жизни, переходящие в культурное измерение: «факты жизни, такие, например, как труд, творчество, становятся ценностями лишь тогда, когда они превосходят рамки своего природного в себе существования и, будучи рассмотренными с точки зрения определенных идеалов, помещаются в культурный контекст» [8. С. 556].

Значительное место проблемам аксиологии отведено в творчестве М. Хайдеггера. М. Хайдеггер критикует основные ценности западного мира: гуманизм и антропоцентризм, рационализм: «...всякий гуманизм остается метафизичным. При определении человечности человека гуманизм не только не спрашивает об отношении бытия к человеческому существу. Гуманизм даже мешает поставить этот вопрос, потому что ввиду своего происхождения из метафизики не знает и не понимает его» [39]. Ставя под сомнение основные ценностные ориентиры западного мира, Хайдеггер пишет о том, что они мешают в поиске сокрытой сущности Бытия, который возможен через мышление. Развивая мысль Ницше о переоценке ценностей, он констатировал наличие нигилистических процессов на Западе, трактуя при этом нигилизм как изъятие ценностей из культуры. Он писал: «Нигилизм — не только процесс обесценки верховных ценностей, не есть он и просто изъятие этих ценностей. Уже вкладывание этих ценностей в мир есть нигилизм. Обесценка ценностей кончается не постепенным уменьшением ценностей наподобие ручейка, иссякающего в песке; нигилизм завершается изъятием ценностей, насильственным устранением ценностей» [34].

Один из основоположников экзистенциализма Жан-Поль Сартр, так же, как и М. Хайдеггер, трактует оценивание как несвободу, преодолеть которую возможно путем развития субъективности. Сартр пишет, что «...ценность преследует бытие, поскольку оно основывается не таким, как оно есть: ценность преследует свободу. Это значит, что отношение ценности к для-себя весьма своеобразно; она является бытием, которое имеет в бытии для-себя, поскольку оно есть основание своего ничто в бытии» [35]. Ценность же, согласно Ж.П. Сартру, «...то, что является бытием себя...» [35]. Французский философ акцентирует внимание на том, что ценность находится вне бытия: «Ее (ценности) бытие — быть ценностью, то есть не быть бытием. Таким образом, бытие ценности как ценности означает бытие того, что не имеет бытия» [35]. И именно «...человеческая реальность является тем, посредством чего ценность приходит в мир» [35].

Сартр утверждает, что бытие возвышает себя до ценности: «Ценность, будучи всегда и повсюду по ту сторону всех возвышений, может быть рассматриваема как безусловное единство всех возвышений бытия. И этим она образует пару с ре-

альностью, которая с самого начала возвышает свое бытие и посредством которой возвышение приходит в бытие, то есть с человеческой реальностью» [35]. Под высшей ценностью Сартр понимает «...ценность, к которой во всякое мгновение возвышается сознание посредством своего бытия, есть абсолютное бытие себя со своими свойствами тождества, чистоты, постоянства и т.д., и поскольку оно является своим собственным основанием» [35].

Начиная с работ М. Вебера, центр тяжести изучения ценностей смещается в область социологических наук, в частности, в социологию культуры и социологию управления. Обновляя методологию Риккерта, Вебер привнес в нее концепцию идеальных типов. Но в отличие от Риккерта, который понимал ценности как надисторическую категорию, Вебер трактует «мирские ценности» как свойственное определенной эпохе направление интереса. Однако «высшие ценности», по Веберу, «...обрели значение „вневременных“, и их реализация в рамках „культуры“ стала независимой от реализации во времени» [36]. Вебер пишет о том, что культура может быть воспринята только через ценностный подход: «Значение же явления культуры и причина этого значения не могут быть выведены, обоснованы и пояснены с помощью системы законов и понятий, какой бы совершенной она ни была, так как это значение предполагает соотнесение явлений культуры с идеями ценности. Понятие культуры — ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас „культура“ потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те — и только те — компоненты действительности, которые в силу упомянутого отношения к ценности становятся значимыми для нас» [37]. Вебер понимает ценности как плод воображения индивида, у которого есть свобода выбора для конструирования собственных ценностей в зависимости от внутренней мотивации и контекста, в котором данный индивид существует. Мыслитель констатирует существование множества ценностных сфер, а потому и постоянного конфликта между ними: «Столкновение ценностей везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой, как борьба „Бога“ и „дьявола“. Здесь не может быть ни релятивизаций, ни компромиссов — конечно, по своему смыслу» [38]. В своих работах М. Вебер писал о том, что в современном мире единые ценности, приводящие к национальному величию государства, приходят на смену ценностному плюрализму, в данном контексте он отстаивает идею фигуры харизматического вождя для государства.

Свой вклад в развитие аксиологии внес Н. Люман — заметная фигура современного обществознания. Он связывает ценности с наиболее предпочтительными последствиями того или иного действия, называя их «общими позициями относительно предпочтительных состояний и событий, символизированными как единицы» [13. С. 418]. Согласно Н. Люману, коммуникация устанавливает социальную реальность, по этой причине коммуникация внутри социальной системы обуславливает формирование, а также функциональные характеристики ценностей на локальном уровне, потому как ценностный консенсус невозможен для всего общества в целом. Например, в процессе коммуникации обладающий властью

способен побудить зависимых от него к усвоению или неусвоению каких-либо ценностных установок.

Так, наличие или отсутствие у большей части населения частной собственности является важным условием распространения в процессе коммуникации тех или иных ценностей отношения к материальным благам и т.д.

Н. Люман говорит о специфицированности ценностных ориентаций различных социальных систем, когда аксиологические структуры таких систем также являются и их границами: «Уже спецификация функций и кодов приводит к отвержению других системных ориентаций, т.е. постоянно наводит на мысль о присутствии исключенного, и в связи с этим формулировки ценностей обладают тем смыслом, что они проясняют каждой системе на специфическом для нее языке, от чего она отклоняется» [14. С. 185].

Учитывая действие идентификационных механизмов в различных социальных системах, модифицирующих обобщенные ценности, необходимо иметь в виду, что ценности безусловно принимаются внутри общества, в то время как программы направленности развития могут быть изменены: «Со стороны нормативных образцов теперь необходимо делать различие между безусловно приемлемыми ценностями и условно приемлемыми программами; (1) и это уже лишь потому, что отдельные функциональные системы по-разному идентифицируют свои неизменные коды и изменчивые программы» [13. С. 186]. Согласно Н. Люману, программно-ролевое поле, существующее в обществе, следует понимать «позитивизированно», то есть в зависимости от решения индивидов, поскольку безусловную значимость можно утверждать только для ценностей [13. С. 187].

Н. Люман особо отмечает, что процессы ирритации, позволяющие обществу стремительно реагировать на изменения, связанные с внешним миром, опасны тем, что они не поддаются координации. Так, по мнению Н. Люмана, стимулирование в определенной мере обратных процессов неирретируемости, которые имеют в своей основе ценности, поможет «превзойти ставшую случайностной реальность»: «Поскольку полагаясь на этику здесь трудно обрести твердую почву под ногами, с неопределенностью в связи с некоординируемой длительной ирритацией пытаются справиться на уровне ценностей» [13. С. 215—216]. Люман отводит в социальных системах такую роль ценностям, потому что принимает их за некий «ненарушаемый уровень» в системе коммуникации.

Согласно Люману, ценности не становятся предметом коммуникации и активируются в качестве «предпосылок, но не утверждений» [13. С. 217].

Переходя к более детальному описанию ценностей, Люман отмечает такую особенность ценностей, как изолированность от процесса верификации, когда ценности нельзя окончательно опровергнуть или принять. Социолог пишет о том, что ценности встраиваются в память социальной системы и различные случаи отклонения обществом тех или иных ценностей не могут «забываться системой», что вызывает новое обсуждение этих ценностей в подходящий период времени.

В данном контексте под абсолютными ценностями Люман понимает аксиологии с «отрефлектированным соперничеством», когда никто не может оспари-

вать их статус ценности [13. С. 218]. Касаясь проблемы «подтасовки ценностей» в обществе, Люман акцентирует внимание на том, что социальная система может отреагировать на такую ситуацию ирритацией. По этой причине Н. Люман предлагает усиливать опору общества на «неоспоримые ценности» путем включения их в повседневное языковое обращение при законотворчестве, формулировании партийных программ и т.д. [13. С. 218].

В теории Люмана средства массовой информации формируют социальную память, избирательно фиксируя, о чем следует помнить, а что следует забыть. Знания, полученные с помощью средств массовой информации, как бы сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого прочно укрепляют друг друга, заменяя иные ценностные ориентиры [15. С. 104]. По Люману в социальной системе, охваченной аутопойетическими процессами, должен вырабатываться «достаточный ценностный консенсус и согласие» [13. С. 176, 428] Он обращает внимание на то, что взаимодействие и, как следствие, взаимная поддержка индивидов и ценностей являются основой жизни в обществе [13. С. 419].

Н. Люман замечает, что для получения индивидуумом информации об адекватности происходящих событий внутри социальной системы необходимо создавать ценностные логические иерархии. В качестве примера Люман приводит «транзитивность отношения множества ценностей — в том смысле что сохранение свободы важнее сохранения мира, мир важнее культуры, культура важнее прибыли, причем невозможно было бы утверждать, что прибыль важнее свободы» [13. С. 418].

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее. Тенденция надления понятия «ценности» определенным смыслом в истории европейской аксиологии развивалась от этической и эстетической смысловой нагрузки данного понятия к онтологической, гносеологической, методологической и инструментальной. Формирование на протяжении многих веков все новых смысловых концептов ценности, тем не менее, не отменяет ее ранее сформированные смыслы, изменяя, однако, их соотносительное значение в системе аксиологического знания, придавая ей все более многомерный и мультипарадигмальный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Программа есть комплекс условий социальной приемлемости поведения». Люман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Августин Аврелий. Исповедь // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.
- [2] Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983.
- [3] Виндельбанд В. Прелюдии. Философские речи и статьи. СПб., 1904.
- [4] Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993.
- [5] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
- [6] Гуссерль Э. Феноменология // Логос. М., 1991. № 1.
- [7] Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1997.
- [8] Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.

- [9] Кант И. Религия в пределах только разума (1793) // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
- [10] Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5.
- [11] Кант И. Собр. соч. М., 1966. Т. 6.
- [12] Лейбниц Г.В. Соч. В 4 т. М., 1982. Т. 1.
- [13] Люман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. / И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука. 2007.
- [14] Люман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация / Пер. с нем. / Б. Скуратов. Кн. 5: Самоописания. Пер. с нем. / А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2010.
- [15] Люман Н. Реальность массмедиа. М.: Практика, 2005.
- [16] Монтень М. Опыты. Избранные главы. Р. н/Д., 1998.
- [17] Платон. Соч. В 3 т. М., 1971. Ч. 1.
- [18] Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии. Сб. 7. Теория познания 3. СПб., 1913.
- [19] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
- [20] Риккерт Г. Философия жизни. СПб., 1922.
- [21] Риккерт Г. О системе ценностей // Логос. 1914. Вып. 1—2.
- [22] Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. М., 1994.
- [23] Хайдеггер М. Положение об основании. СПб., 2000.
- [24] Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
- [25] Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1965.
- [26] Hartmann N. Ethik. В., 1926.
- [27] Фонд знаний «Ломоносов / Энциклопедия. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01419:article>.
- [28] Электронная библиотека / Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. URL: http://modernlib.ru/books/dekart_r/rassuzhdenie_o_metode_chtobi_verno_napravlyat_svoy_razum_i_otiskivat_istinu_v_naukah/read.
- [29] Малый тезаурус мировой философии / Смысл человеческого бытия. Понятия ценности. Виды ценностей. URL: http://philosophy_mini.academic.ru.
- [30] Библиотека Гумер / Кант И. Основы метафизики нравственности. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn/01.php.
- [31] Электронная библиотека / Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://modernlib.ru/books/tomas_gobbs/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_cerkovnogo_i_grazhdanskogo/read.
- [32] Библиотека / Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/rikk/nauk_pr.php.
- [33] Библиотека учебной и научной литературы / Гартман. Н. Систематическая философия в собственном изложении. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/gartman_sis.
- [34] Библиотека Гумер / Хайдеггер М. Европейский нигилизм. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_index.php.
- [35] Цифровая библиотека по философии / Сартр Ж-П Бытие и ничто. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000767>.
- [36] Библиотека учебной и научной литературы / Вебер М. Избранные произведения. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/03.php.
- [37] Библиотека учебной и научной литературы [Электронный ресурс] / Вебер М. Избранные произведения. Часть вторая. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/04.php.

- [38] Библиотека учебной и научной литературы / Вебер М. Избранные произведения. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/07.php.
- [39] Библиотека Гумер / Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/_Gumanizm.php.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF VALUE

V.A. Fedorov, A.S. Blagova

The Department of State and Municipal Management
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article describes the history of the evolution of the content, semantic specificity, and the role of the philosophical categories of “value” from antiquity to the twentieth century. It is shown that the tendency of vesting the meaning of “value” in a certain sense, in the history of European axiology developed from the ethical and aesthetic meaning of the concept to ontological, epistemological, methodological and instrumental.

Key words: Value, axiology, Genesis, ethical, aesthetic, good, transcendence, values.

REFERENCES

- [1] Avgustin Avrelij. Ispoved'. *Odissej. Chelovek v istorii*. 1989. M., 1989.
- [2] Aristotel'. Soch. v 4 t. T. 4. M., 1983.
- [3] Vindel'band V. Preljudii. *Filosofskie rechi i stat'i*. SPb., 1904.
- [4] Vindel'band V. *Filosofija v nemeckoj duhovnoj zhizni XIX stoletija*. M., 1993.
- [5] Gegel' G.V.F. *Filosofija prava*. M., 1990.
- [6] Gusserl' Je. *Fenomenologija. Logos*. M., 1991. № 1.
- [7] D'jui Dzh. *Psihologija i pedagogika myshlenija*. Moskva, 1997.
- [8] Zimmel' G. *Izbrannoe. T. 2. Sozercanie zhizni*. M., 1996.
- [9] Kant I. *Religija v predelah tol'ko razuma (1793)*. Kant I. *Traktaty i pis'ma*.
- [10] Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdenija* // Kant I. Soch. V 6 t. M., 1966. T. 5.
- [11] Kant I. *Sobr. soch.* M., 1966. T. 6.
- [12] Lejbnic G.V. Soch. V 4 t. M., 1982. T. 1.
- [13] Ljuman N. *Social'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii*. Per. s nem. / I.D. Gazieva; Ed. N.A. Golovina. SPb.: Izdatel'stvo «Nauka», 2007.
- [14] Ljuman N. *Obshhestvo obshhestva. Kn. 4: Differenciacija*. Per. s nem. / B. Skuratov. Kn. 5: *Samoopisanija*. Per. s nem. / A. Antonovskij, B. Skuratov, K. Timofeeva. M.: Izdatel'stvo “Logos”, ITDГK “Gnozis”, 2010.
- [15] Ljuman N. *Real'nost' massmedia*. M.: Praksis, 2005.
- [16] Monten' M. *Opyty. Izbrannye glavy*. R. n/D., 1998.
- [17] Platon. Soch. V 3 t. M., 1971. Ch. 1.
- [18] Rikkert G. *Dva puti poznaniya. Novye idei v filosofii*. Sb. 7. *Teorija poznaniya 3*. SPb., 1913.
- [19] Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture*. SPb., 1911.
- [20] Rikkert *Filosofija zhizni*. SPb., 1922.

- [21] Rikkert G. O sisteme cennostej. *Logos*. 1914. Вып. 1—2.
- [22] Stolovich L.N. Krasota. Dobro. Istina. M., 1994.
- [23] Hajdegger M. Polozhenie ob osnovanii. SPb., 2000.
- [24] Sheler M. Izbrannye proizvedenija. M., 1994.
- [25] Jum D. Soch. V 2 t. T. 2. M., 1965.
- [26] Hartmann N. Ethik. V., 1926.
- [27] Fond znaniy «Lomonosov». Jenciklopedija. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01419:article>.
- [28] Jelektronnaja biblioteka / Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravljat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah. URL: http://modernlib.ru/books/dekart_r/rassuzhdenie_o_metode_chtobi_verno_napravlyat_svoj_razum_i_otiskivat_istinu_v_naukah/read.
- [29] Malyj tezaurus mirovoj filosofii. Smysl chelovecheskogo bytija. Ponjatija cennosti. Vidy cennostej. URL: http://philosophy_mini.academic.ru.
- [30] Biblioteka Gumer. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn/01.php.
- [31] Jelektronnaja biblioteka. Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. URL: http://modernlib.ru/books/tomas_gobbs/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_cerkovnogo_i_grazhdanskogo/read.
- [32] Biblioteka Gumer. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/rikk/nauk_pr.php.
- [33] Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury. Gartman. N. Sistematiceskaja filosofija v sobstvennom izlozhenii. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/gartman_sis.
- [34] Biblioteka Gumer. Hajdegger M. Evropejskij nigilizm. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_index.php.
- [35] Cifrovaja biblioteka po filosofii. Sartr Zh-P Bytie i nichto. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000767>.
- [36] Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury. Veber M. Izbrannye proizvedenija. Teorija stupenej i napravlenij religioznogo neprijatija mira. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/03.php.
- [37] Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury. Veber M. Izbrannye proizvedenija. Chast' vtoraja. «Ob'ektivnost'» social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznaniija. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/04.php.
- [38] Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury. Veber M. Izbrannye proizvedenija. Smysl «svobody ot ocenki» v sociologicheskoi i jekonomicheskoi nauke. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/07.php.
- [39] Biblioteka Gumer. Hajdegger M. Pis'mo o gumanizme. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/_Gumanizm.php.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

В.М. Найдыш. Власть тайны. Очерки по философии мифологии. М.: АЛЬФА-М, 2014. 288 с.

М.П. Матюшова, А.Г. Симакин

В XXI в. человечество вступило с тяжелым грузом проблем, в состоянии широкомасштабного и разностороннего (экологического, социально-экономического, социально-политического, культурного, цивилизационного и др.) кризиса. Уходят в прошлое духовные идеалы эпохи Модерна, в том числе и установка на *рациональность* действий, их высокую организованность и строгую координированность, на высокий уровень образования, интеллекта, нравственное воспитание творческой личности, всесторонний подъем науки, техники, на высокие критерии и нормы во всех сферах культуры, искусства, в морали и др. В развитии техногенной цивилизации наметились процессы, позволяющие говорить о переходе к качественно новому ее состоянию — эпохе постмодерна.

Постмодерн принес с собой значительное возрастание масштаба и динамизма социальных и культурных процессов, за который приходится расплачиваться одновременным возрастанием их неопределенности и хаотичности. Идеалы прогрессивного развития социума и культуры все в большей мере ставятся под сомнение. Девиантные линии культуры все более доминируют над магистральными, что влечет за собой изменение общей культурно-ценностной парадигмы, определяющей образ жизни и картину мира людей, принципы познания, систематизации и рефлексии нового знания, основные приоритеты социальных ценностных ориентаций, культуротворческие основания морали, искусства. Разрушается тот существовавший в течение многих столетий одухотворенный образ мира, где человек имел относительно устойчивые представления о том, как жить, что любить и ненавидеть, во что верить, каковы главные ценностные ориентиры и принципы миропорядка. Человек потерял ориентиры, оказался без «руля», ибо, разрушив прежнюю картину мира, он не только не смог ответить на сокровенные вопросы бытия, но породил еще более сложные проблемы.

Одной из форм концентрированного выражения этих социокультурных сдвигов является рост мистериальности мироощущения человека постмодерна. Идеалы

Просвещения, предусматривающие абсолютную демистеризацию мира, вошли в противоречие с духом постмодерна. Автор называет эту тенденцию «мистериальным парадоксом» (с. 10) и делает ее предметом исследования в рецензируемой монографии. Выбор темы вполне закономерен, ведь глубинные трансформации структур повседневности, способов жизнедеятельности человека неизбежно порождают и фундаментальные философско-теоретические вопросы.

Таким образом, в рецензируемой книге осуществлена новаторская попытка проанализировать сущность и структуру тайны как особой формы сознания. Данная книга является продолжением и развитием проблематики философии мифологии, которую автор разрабатывает уже два десятилетия. Автор представляет данную работу как 3-й том в серии «Философия мифологии» (с. 13). Следует заметить, что для работ В.М. Найдыша вообще характерен интерес к разработке философских проблем, тесно связанных с жизнью.

В книге тайна трактуется как особое пограничье между человеком и миром, бытием и небытием, где высокая духовная напряженность сочетает и страх перед будущим, и надежду на благоприятность будущего. Тайна — неистребимая потребность человека в чуде, она, как и сознание, атрибутивна сущности человека. И потому «совершенно не случайно то, что СМИ сейчас заняты в значительной мере не информированием, просвещением и воспитанием читателя и зрителя, а поиском и „творением“ на лету страшеньких и остреньких тем, сюжетов, с помощью которых зрителя можно оглушить мыслимыми и немыслимыми «жуткими тайнами», загадками и ужасами» (с. 11). Именно через тайну лежит самой простой путь в мир виртуального, мир симуляции и мир имитации подлинного, где зритель (читатель) «готов к усвоению ложных идеологий и ценностей» (с. 12).

Амбивалентный онтологический статус тайны приводит к тому, что на границах предельного смысла человеческого и природного тайны духа сопрягаются с проблемами конкретных наук, а в сфере общения — со способами управления людьми, организации их сообществ. Это позволяет автору выделить и анализировать различные аспекты проблематики мистериального — онтология тайны (тайна как культурная универсалия, тайны сознания и сознание тайны, исторические типы сознания); «археология» тайны (мифотайна первобытности, тайна и логос в античной культуре, бог как тайна, тайны Средневековья и Ренессанса, модерн: тайны духа и проблемы науки); гносеология тайны. В разделе «гносеология тайны» автором рассмотрены вопросы об эволюционных предпосылках тайнотворчества, о границах моделирования когнитивной деятельности, о структуре тайны как формы сознания, футурология тайны и др.

В монографии проблема тайны как формы духа, мистериальности мироощущения рассматривается в конкретно-историческом контексте. Автор представляет эволюцию форм тайнотворчества от древности до нашего времени, дает яркую панораму творческих поисков, непростых, подчас трагических, судеб идей в сфере постижения тайн природы и человека, а также образов и смыслов, сопровождавших переживания таких тайн. На широком историческом фоне исследуются природа мифотворчества (мифотайна и тайномиф), сущность мистицизма, проблема

этногенеза, генезис архетипов культуры, принципы организации «тайных обществ», природа параполитики, философские основания правового понятия тайны, в том числе и тайны личной жизни (тайна задает границы «пространства» развития личности, «личность и тайна неразрывны» (с. 24)); «поле возможностей» когнитивных наук и др.

Центральная идея книги состоит в понимании тайны как особой «превращенной формы» духовности, которая своими основаниями уходит в область потребностей живых систем в познании среды обитания и общении между собой. Мощный аффективно-эмоциональный заряд тайны, широкая гамма сопровождающих ее переживания объясняется двойственным отношением потребностей субъекта к миру. Потребности выражают и его зависимость от мира, и одновременно являются побудительной силой, придающей субъекту активность, побуждающую его к деятельности. Такая противоречивость порождает внутреннюю драматичность жизнедеятельности субъекта, а тайна — это одна из форм, в которых такая драматичность проявляется (с. 256).

Чем определяется особенность этой формы сознания? На этот вопрос автор отвечает следующим образом: «Тайна выступает как некоторый обобщенный чувственный образ, не имеющий интерпретации (т.е. условия его возникновения и функционирования рефлексией субъекта не охватываются), который тесно связан с потребностями и мотивациями субъекта, несет в себе явно выраженную заинтересованность субъекта, задевает волевые интенции субъекта, является объектом волевого самоопределения субъекта. Основания тайнотворчества кроются в потребностно-мотивационной сфере сознания, в особых видах потребностей — потребности в познании мира и потребности в общении» (с. 258). Автор показывает, что именно неразрывная связь тайны с потребностно-мотивационной сферой сознания придает тайне способность властвовать над человеком, влиять на его поведение.

Показывая фундаментальное различие тайн познания и тайн общения, автор вместе с тем ставит вопрос и об основаниях их единства. Такие основания им усматриваются в эволюционных предпосылках психики и сознания человека, выявляемых этологией, эволюционной эпистемологией, социобиологией и др. С одной стороны, это родственность игровой и познавательной активности (с. 270), а с другой — высшие формы коммуникации в виде обманных ритуалов, которые лишь имитируют некоторые черты поведения особи, но вынуждают другую особь к определенным формам поведения (с. 271—273).

Авторскую стилистику отличает дискуссионность, заостренность на критический анализ устоявшихся «философских предрассудков», порожденных идеологическим беспределом перестроечных лет. Так, автор возражает против тенденции в отечественной философской литературе 1990-х гг. вместе с критикой «ленинской теории отражения» «с порога отвергать принцип отражения как методологическую основу гносеологических учений» (с. 44). С точки зрения В.М. Найдыша, и у нас, и за рубежом «отражение понималось не системно, а предметоцентрически, т.е. отражает не система, а отдельная вещь, предмет (чаще всего всплывали образы

зеркала, отпечатка на песке и т.п.), на этом были построены почти все формы критики теории отражения... Отражение должно рассматриваться как сложный системный процесс, предполагающий активность отражающей системы» (с. 44). Отражение — это сложный активный процесс конструирования образа, который включает «в себя перестройку элементов, связей между ними, отдельный структурных компонентов данной системы и др. А все вместе нацелено на воспроизводство индивидуализированных характеристик» (с. 45) отражаемой системы.

И еще. Анализируя понятийно-категориальный аппарат системно-структурного подхода к исследованию сознания, автор вводит понятие «фундаментальное отношение сознания» (постоянно воспроизводимое взаимодействие когнитивного и ценностного функционалов сознания). Это позволяет ему критически оценивать методологические ориентиры психологических исследований, прежде всего в когнитивной психологии, которая строила модели познавательных процессов исключительно на основе механизмов переработки информации, отрывая «когнитивный функционал сознания от аффективно-эмоционального» (с. 54). В результате — слабая результативность и по сути полное отсутствие эвристичности таких моделей. И только в последнее одно-два десятилетия зафиксированы попытки когнитивной психологии перейти на уровень синтетической когнитивно-аффективной парадигмы, которая с позиций философского познания уже давно определялась как конструктивная и перспективная.

В данной книге «разбросано» немало и других интересных и оригинальных идей (об операциональных моделях мышления, исторических типах сознания, инвариантах биосоциальной организации, логике развертывания этногенеза, о роли и значении концепции этногенеза Л.Н. Гумилева и др.). Такая «идейная насыщенность» вообще характерная черта авторской стилистики. Решая одну проблему, он уже формирует цели новых исследований, задает ориентиры будущих творческих поисков, нацеливается на раскрытие новых тайн науки и культуры.

Книга профессора Найдыша В.М. «Власть тайны» безусловно вызовет интерес у широкого круга читателей, будет способствовать творческим дискуссиям вокруг актуальных философских проблем. А сочетание в ней глубины, доступности и увлекательности позволяет ее использовать и в качестве учебного пособия для студентов старших курсов и аспирантов.

НЕКРОЛОГ

5 января 2016 г. ушел из жизни Петр Кондратьевич Гречко (18.04.1947—05.01.2016) — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов со дня ее основания (1992 г.). Это невосполнимая утрата для близких, коллег, учеников и единомышленников Петра Кондратьевича.

Петр Кондратьевич внес большой вклад в развитие социальной философии и современного гуманитарного знания, в становление высшей школы России.

Профессиональное признание получили такие его идеи, как практико-теоретическая континуальность социальной реальности, органическая взаимосвязь социальной нормативности практики с природой (базовыми потребностями) человека, архетипная роль равенства в историческом бытии справедливости, а также концепции метапаттернов исторического процесса, темпоральной (социально-исторической) многослойности современного мира, диспозиционно-коммуникативной природы социального, плюрализма как новой социальной парадигмы (отличной от коллективизма и индивидуализма) и множественной субъектности (Другие *per se*, Чужие, Чуждые) и др.

Петром Кондратьевичем опубликовано около 200 работ. Среди них особо выделяются: «Практика человека: Опыт философско-методологического анализа» (1988), «Концептуальные модели истории» (1995), «Различия: от терпимости к культуре толерантности» (2006), «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы» (в соавт., 2009), «Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы» (2015).

Предметом его исследовательских интересов в разные годы становились духовность в информационном обществе, легитимность научного знания, постмодернистский дискурс, онтология различий, а также понятия толерантности, глобализации, просвещения, гражданского общества и гражданско-политической нации, идентичности, коммуникации и диалога культур, социокультурных универсалий и др. Убедительны и ярки были его статьи и выступления в СМИ с анализом современной российской действительности, тенденций развития отечественного образования, с выявлением месседжей, которые несут с собой новейшие коммуникационные технологии.

В 2006 г. Петр Кондратьевич стал лауреатом Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов, учрежденного Общественной палатой Российской Федерации совместно с фондом «Единство во имя России» и журналом «Стратегия России», а в 2013 г. — лауреатом первого Всероссийского конкурса «Мы — многонациональный народ России», проведенного в рамках деятельности Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Петр Кондратьевич Гречко вел большую общественную и научно-организационную работу. Являлся членом редколлегии ряда философских журналов («Лич-

ность. Культура. Общество», «Ценности и смыслы», «Вестник РУДН. Серия „Философия“»), членом диссертационных советов в МГУ, РУДН и РАНХиГС при Президенте РФ, членом научно-методического совета Минобрнауки РФ по философии, членом экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии, входил в состав правления Московского отделения Российского философского общества.

Много сил и времени Петр Кондратьевич отдал постперестроечному становлению Российского университета дружбы народов, а также его общественному и международному признанию. Он преподавал философию в Аддис-Абебском университете (Эфиопия), выезжал с лекциями в Гуджаратский университет (Индия), Кальвиновский колледж (США), Хелуанский университет (Египет), Нилейнский университет (Судан), Сямыньский университет (Китай), представлял РУДН в Йельском и Северо-Кентукском университетах (США).

Под руководством Петра Кондратьевича Гречко успешно реализовывалась в РУДН программа двойного магистерского диплома «Философия и диалог культур» (совместно с Университетом Париж-VIII).

Петр Кондратьевич был ярким, талантливым педагогом, учившим, — в том числе и своим примером, — мыслить самостоятельно, нестандартно и глубоко. Его лекции и семинарские занятия отличались высоким профессионализмом, логико-методологической культурой, проблемно-творческим подходом к излагаемому материалу, уважительным и одновременно требовательным отношением к студентам.

Постановлением Коллегии Государственного комитета СССР по народному образованию от 21 июня 1991 г. ему присуждена II премия — за значительные успехи в перестройке содержания учебно-воспитательного процесса, его обновления в свете современных достижений и перспектив развития науки, техники и культуры. Он был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России», неоднократно награждался Почетными грамотами Министерства образования и науки Российской Федерации.

Коллеги, ученики, друзья

НАШИ АВТОРЫ

Анисов Александр Михайлович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела логики и эпистемологии Института философии РАН (e-mail: ontology@iph.ras.ru)

Арапова Эльмира Асфаровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского технологического университета (e-mail: el-arapova@rambler.ru)

Барышников Павел Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета (e-mail: ontology1@mail.ru)

Благова Анастасия Станиславовна — аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: ablagva@mail.ru)

Гнатик Екатерина Николаевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru)

Дауталиев Казыбек Нурсеитович — аспирант кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: ontology1@mail.ru)

Кузнецов Василий Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: vassilik@yandex.ru)

Ледников Евгений Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: eelednikov@rambler.ru)

Лохов Сергей Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: slohov@mail.ru)

Марджи Нада Муин — аспирантка кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: vred-2845@yandex.ru)

Матюшова Мария Петровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: maria_matushova@mail.ru)

Найдыш Вячеслав Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: v. naidysh@bk.ru)

Павленко Андрей Николаевич — доктор философских наук, профессор, научный сотрудник отдела логики и эпистемологии Института философии РАН (e-mail: anpavlenko@mail.ru)

Павлов Сергей Афанасьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела теории познания Института философии РАН (e-mail: anpavlenko@mail.ru)

Симакин Александр Георгиевич — старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: ontology1@mail.ru)

Стрельник Ольга Николаевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: ostrelnik@mail.ru)

Фёдоров Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: Fedorov_va@pfur.ru)

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ФИЛОСОФИЯ

2016, № 1

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Философия»:
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 952-52-26 e-mail: kirabaev@gmail.com

Подписано в печать 15.02.2016. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 17,67. Тираж 500 экз. Заказ № 102

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419, тел. 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
PHILOSOPHY

2016, N 1

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
series «Philosophy»:
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 952-52-26
e-mail: kirabaev@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

18231

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Философия»

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

18231

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Философия»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)